



**Ил
САГАН**



СКАЧОК ДИКАРЯ

2017

Он появился в незнакомом городе без денег, без вещей и даже без... воспоминаний. Единственным предметом, найденным при нём, оказался хоть и дорогой, но обычный на вид перстень. Сможет ли главный герой с помощью этого перстня не только восстановить память, но и выполнить важнейшую миссию, возложенную на него человечеством? (Приключения, загадочные квесты, путешествия во времени, постапокалипсис и антиутопию, становление личности, любовь, дружбу и предательство — каждый найдёт здесь что-то своё. Надеюсь, миры, созданные в этой истории, не оставят вас равнодушными. Приятного чтения)

Ил Саган

Скачок Дикаря

*Люди просят меня предсказывать будущее,
а я хочу всего лишь предотвратить его*
Рэй Дуглас Брэдбери

Пролог

Земля содрогнулась. Здание сильно трянуло. С полок посыпались приборы, книги и какие-то склянки. Пол у двери раскололся, и отряд солдат, оцетинившихся ружьями, с воплями исчез в образовавшемся проломе.

Вокруг кресла распластались несколько окровавленных трупов. Застывший взгляд одного из них, отвратительного карлика-альбиноса с красными глазами, ввинтился в меня, готовый утопить в потоке ненависти. Я попытался встать, но тело крепко держали защёлки кресла. Кровь в висках бешено пульсировала, по спине катилась крупная капля холодного пота.

Вдруг кто-то вцепился в моё запястье. Вздогнув, я опустил глаза, и у меня перехватило дыхание от ужаса: из-под лежавшего рядом рваного балахона протянулась костлявая рука и вдавила кнопку на кресле.

– Действуй, парень... – прошептал "оживший труп" и надел мне на палец перстень.

Кресло загудело, увеличивая частоту вибрации.

Новый толчок отбросил человека в балахоне. По стенам пробежали молнии трещин. Кресло сорвалось с креплений и вместе с обломками здания закружилось в бешеном вихре.

Внезапно всё потемнело, воздух превратился в вязкую, тягучую субстанцию. Крутящаяся воронка затянула меня в бездонную пасть. Жуткий холод и непроницаемый мрак вцепились в тело. Мгновение – и сознание померкло...

...Вспышка. Рука машинально потянулась прикрыть глаза от яркого света. Запах свежесрезанной сирени обволакивал и успокаивал. Я лежал на медицинской кровати и с недоумением смотрел по сторонам.

"Так это сон? Просто жуткий сон?"

– Осторожно, осторожно, сэр, – послышался звонкий девичий голосок. – Вам поставили капельницу. Пожалуйста, не делайте резких движений – я уберу её буквально через пару минут. Потерпите чуть-чуть, – сказала девушка и мягко опустила мою руку на кровать.

Обладательницей звонкого голоса оказалась симпатичная тоненькая брюнетка со вздёрнутым носиком и длинными волосами, собранными на затылке в весёлый хвостик. Ей было не больше двадцати трёх – двадцати четырёх лет. На лице сияла застенчивая улыбка, а большие изумрудные глаза светились радостью оттого, что я пришёл в сознание.

– П-простите мою неуклюжесть, – еле слышно пробормотал я, продолжая щуриться.

– Молчите, молчите. Вы ещё очень слабы. – Её глаза засияли, когда она услышала мой голос. – Сейчас задёрну занавески, чтобы свет вас не беспокоил.

Девушка побежала к окну. Споткнувшись об уголок ковра, она едва удержала равновесие и рассмеялась:

– Ой, простите, что-то я разволновалась. Никак не думала, что вы так неожиданно придёте в себя.

Она задёрнула ажурный тюль и щёлкнула выключателем. Хрустальная люстра, заполнив комнату мягким сиянием, осветила гипсовую лепнину на высоком потолке.

– Так лучше? – спросила девушка и, спохватившись, приложила палец к губам, показывая жестом, чтобы я не отвечал.

– Просто чудесно, – прошептал я.

Девушка достала телефон и оживлённо защебетала:

– Профессор Бриджел, это Бетти. Наш мистер Икс пришёл в себя и даже сказал несколько фраз... да... да, конечно... Приходите скорее...

Пока Бетти убирала капельницу, я с интересом осмотрел комнату. Она совсем не походила на больничную палату, скорее напоминала музей.

Стены с панелями красного дерева плотно увешаны портретами в массивных рамах. Пространство под картинами заставлено изящными консолями и этажерками, на которых стоят искусные статуэтки, вазочки и разные диковинки. Полки резных шкафов заполнены старинными книгами.

Казалось, лица с полотен укоризненно смотрят на то, как я устроился в их обители. В этом роскошном зале моя неказистая кровать действительно была совершенно неуместной. Видимо, её спешно позаимствовали в какой-то больнице специально для меня.

Скрип дубовой двери прервал мои наблюдения. В комнате появился седовласый мужчина лет шестидесяти с опрятной бородкой. Он явно страдал от избыточного веса, отчего громко пыхтел и тяжело дышал. Мужчина был невысок, но строгая осанка и уверенные движения придавали ему стать Наполеона.

Мясистый нос на одутловатом лице оседлала круглые очки с золотыми дужками. Из-за припухлости век его глаза были чуть прищурены, делая взгляд надменным и горделивым. Под брюками из тонко выделанной шерсти блестели тщательно отполированные ботинки.

На стоячем воротничке рубашки был повязан шейный платок. Довершала безупречный наряд украшенная причудливым узором шёлковая жилетка со свисающей цепочкой карманных часов. Импозантная внешность настолько гармонично вписывалась в интерьер, что могло показаться, будто и сам профессор – оживший экспонат викторианской эпохи.

Вслед за ним в комнату вошёл детина огромного роста, профессор едва доставал ему до груди. Руки великана из-за чрезмерной мускулатуры свисали на некотором расстоянии от корпуса, словно какой-то шутник надул в его подмышках невидимые воздушные шарик, и они мешали конечностям опуститься. Маленькая голова с оттопыренными ушами была абсолютно лысой. Близко посаженные глазки нервно бегали в разные стороны. Стесняясь своих габаритов, он слегка сутулился, отчего напоминал циклопа, который склонился над жертвой и готовится сожрать её.

Поздоровавшись с Бетти, парочка устремилась ко мне. Профессор подошёл к кровати, а его спутник, неуклюже переваливаясь, придвинул хозяину обитое гобеленом кресло. Профессор повалился в него, погладил клинышек седых волос на подбородке и заговорил неожиданно высоким, вкрадчивым голосом:

– Здравствуйте, мой друг. Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, нормально.

– Вот и славно. Тогда давайте знакомиться. Меня зовут профессор Горацио Бриджел. Я доктор-нейрофизиолог из лондонского университета, а сейчас – ваш лечащий врач.

Он кивнул на Бетти и улыбнулся.

– Это прелестное создание в прошлом моя лучшая студентка, а сейчас незаменимый ассистент, мисс Элизабет Стоун. – Девушка, что-то разбиравшая на столике с медикаментами, скромно наклонила голову. – Она будет присматривать за вами. Мисс Стоун – перспективный учёный и просто хороший человек. Несмотря на юный возраст, у неё богатый опыт по уходу за больными. За её плечами практика в университетской клинике и волонтерство в MSF^[1]. Скоро вы убедитесь – руки нашей Элизабет поистине золотые... А этого Голиафа зовут мистер Сэмюэл Пикок. Дома мы его называем просто Сэмом. Мистер Пикок у меня и садовник, и санитар, и вообще помощник во всём. Он займётся с вами физической реабилитацией, чтобы привести тело и мышцы в норму.

Сэмюэл ослабил в натянутой улыбке и показал ряд кривых, потемневших зубов. От этого вид его стал ещё более пугающим, и я невольно поёжился.

Представив помощников, профессор пригладил зачёсанные назад редкие волосы и впился в меня пристальным взглядом. Казалось, его глубоко посаженные глаза, увеличенные толстыми стёклами очков, хотели проникнуть в самые потайные уголки моего разума.

– Ну, а как ваше имя? – спросил учёный, продолжая гипнотизировать меня.

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно. Застал врасплох. Улыбка стёрлась, а лоб покрылся испариной. В голове пронёсся вихрь смазанных образов и событий, из которого я ничего не смог выхватить. Мысли ускользали, словно играли в глумливые прятки со слепым. И хотя обстановка была доброжелательной, всё вокруг показалось мне чуждым и непонятным.

– Не... не помню... – я смущённо сжал губы и в досаде отвернулся.

– Ну-ну, мой друг, не стоит так волноваться. Именно для того, чтобы можно было ответить на этот и другие вопросы, мы здесь и собрались, – поспешил утешить меня профессор, дружелюбно похлопав по плечу. – И всё же я попрошу вас помочь нам. Попробуйте вспомнить хоть что-то.

Мои глаза послушно закрылись. В сознании всплыла размытая картинка...

...Я лежу на мокрой от дождя скамейке и чувствую, как по оголённой ноге катится струйка ледяной воды, вызывая невыносимое жжение. Попытка подняться причиняет дикую боль. От напряжения я замираю, бессмысленно уставившись вперёд. В дымке утреннего тумана взгляд выхватывает мрачное здание, посреди которого возвышается башня с позеленевшим циферблатом. Из-за угла выглядывают силуэты прячущихся в тени вагонов...

– Вокзал? – вопросительно произнёс я.

– Ну вот, видите, что-то всё же удаётся вспомнить. Вас действительно нашли в привокзальном парке. Попробуйте ещё.

Я снова закрыл глаза...

– Вам плохо, сэр? – произносит мужской голос.

Надо мной склоняется щедро усыпанная веснушками физиономия парня лет двадцати пяти.

– Сэр? – испуганно говорит он, приблизив лицо практически вплотную ко мне. Одной рукой он придерживает сдвинутый на затылок полицейский шлем, а другой трясёт меня за плечо.

– Рик, ты что, не видишь – парень в полном ауते? – говорит кто-то с хрипотцой в голосе.

Передо мной появляется лицо ещё одного полицейского. Он выглядит старше напарника лет на десять-пятнадцать. У него мощная, до блеска выбритая голова и тяжёлая челюсть. Широкий красный шрам, рассекающий губу и уродующий щёку, делает вид полицейского устрашающим.

– Вроде живой...

– Фу-ух... Просто у него такое бледное лицо... такой остекленевший взгляд... Вот я и подумал... Майкл, ты только посмотри! Этот парень – копия сумасшедшего доктора Джона Сэведжа из сериала. Точь-в-точь такой же безумный взгляд, и волосы веером.

– Угу, – Майкл всматривается мне в глаза и направляет луч фонарика прямо в зрачки. – На бродягу и наркомана не похож... Интересно, где его так потрепало?

От яркого света я моргаю и отдёргиваю голову.

– Смари-ка, трепыхается! – слышится насмешливый возглас Рика. – Жить будет.

– Приём. Это сержант Маккензи... Прошу выслать бригаду медиков в парк к железнодорожному вокзалу. Человек срочно нуждается в медицинской помощи... Так точно... Угу... Он босиком, одет в какую-то лабораторную робу... хотя нет, скорее в больничную пижаму... Одежда разодрана. По всему телу свежие гематомы и ссадины, под ними застарелые шрамы и зажившие ранения. Проверьте, не пропал ли недавно пациент из какой-нибудь клиники. Может, сбежал из-за издевательств... Да... Белый мужчина, лет тридцати. Рост, э-э-э... примерно шесть футов два дюйма^[2], атлетическое телосложение. Глаза голубые, волосы светло-русые... Хорошо... Ну да... Малыш О'Брайен говорит, что пострадавший похож на какого-то Сэведжа... – В голосе Майкла слышится усмешка. – Ладно, шутки в сторону... Да, конечно... Поторопитесь...

– Сэведж. Джон Сэведж, – произнёс я, открыв глаза.

– Джон Сэведж? Как в фантастическом фильме? Это ваше имя? – спросил профессор.

– Не знаю... нет... Так говорили полицейские.

– Хорошо. Давайте для удобства будем называть вас этим именем.

– Как хотите, – ответил я равнодушно.

– Ну и славно... Откуда вы прибыли, мой дорогой мистер Сэведж? Судя по акценту откуда-то с севера... Из Шотландии? Верно?

В ответ я только беспомощно пожал плечами.

– Ясно... Там, на вокзале ваше состояние, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Пришлось почти на неделю определить вас в городской госпиталь. Помните?

В голове промелькнули какие-то вспышки, размытые лица, вспомнились гулкие голоса, мельтешащие руки и вкус лекарства на губах, но в основном – темнота.

– Скорее, нет, – сказал я, уныло покачав головой.

– Не беспокойтесь. Так и должно быть, – произнёс учёный успокаивающим тоном. – Чтобы узнать что-то о вашей личности, полиция направила запросы по всем клиникам страны, но, увы, никаких положительных сведений получено не было. Отпечатки пальцев и ДНК тоже ничего не дали. Не удалось обнаружить даже намёков на ваше существование... Так сложилось, что шефом полиции города служит мой младший брат Дэвид Бриджел. Из разговора с ним я узнал о вашей истории и решил помочь. Эта болезнь находится как раз в сфере моих научных интересов. Случай оказался довольно сложным, поэтому я как врач был обязан взять вас под опеку... И вот уже третий день, как вы гостите в моём загородном доме.

Рассказывая, мистер Бриджел заметно волновался. Видимо, моё пробуждение было для него, как и для мисс Стоун, совершенно неожиданным.

– Сэмюэл, друг мой, будьте любезны... – обратился учёный к помощнику.

Сэм, похоже, настолько хорошо знал привычки хозяина, что, не дожидаясь завершения фразы, словно фокусник, достал откуда-то коробку с сигарами и поднёс мистеру Бриджелу.

– Благодарю вас, друг мой, вы, как всегда, очень предусмотрительны, – сказал профессор, обрезая кончик сигары приспособлением, похожим на маленькую гильотину.

На лице великана заиграла довольная улыбка.

– Сэмюэл очень старается, миста Бриджел.

Профессор затаился. Его лицо сразу оживилось, глаза засверкали. Крепкий аромат табака, заполнив пространство, приятно щекотал ноздри. Я сделал глубокий вдох, чтобы лучше почувствовать запах.

– Прошу прощения, что не поинтересовался заранее. Моя привычка не мешает вам? – спохватился профессор.

– Нисколько, – мотнул я головой.

– Благодарю. Уж извините старика за маленькую слабость. – Учёный выпустил густое облако дыма и продолжил. – Итак, о вашем недуге... Причины. Во-первых, это глубочайший стресс. настолько глубокий, что его можно сравнить с полным крушением вашего мира, с вашим личным Армагеддоном, так сказать. Во-вторых... э-э-э... у меня возникло чувство, что вы побывали в центрифуге, в эпицентре мощнейшего торнадо, простите мне столь образную речь. Ну и, в-третьих – сильное переохлаждение организма. Что с вами случилось, мы не знаем, но надеюсь, вы сами сможете когда-нибудь рассказать об этом чудовищном событии.

Увидев растерянность на моём лице, учёный произнёс:

– Не пугайтесь, я с уверенностью могу утверждать, что ваш случай не относится к категории *casus incurabilis* [3].

– Извините, профессор, – произнесла подошедшая Элизабет, – я отвлеку на минутку мистера Сэведжа?

– Да-да, конечно.

Девушка протянула мне горсть таблеток и стакан с водой.

– Выпейте это, пожалуйста, – попросила она и, заметив, что я смотрю на профессора с непониманием, добавила: – Мистер Бриджел сказал, что сможет вас вылечить.

– Спасибо, моя дорогая. Абсолютно верно, – кивнул учёный. – Продолжим... Что мы в результате имеем? Множественные микротравмы мышц и сосудов, ушиб головного мозга, нарушение мозгового кровообращения и, как следствие, ретроградная амнезия. Ну и, вероятнее всего, парамнезия с фантазмами. То есть вы не помните ничего, что произошло до критического события и, мало того, разум заполняет пробелы в памяти вымышленными воспоминаниями и фантазиями. Так сказать, *fortis imaginatio generat casum*^[4]. А вашему воображению, поверьте мне, может позавидовать любой сочинитель. За эти три дня мы наслушались ну о-очень удивительных историй, которые вы рассказывали в бессознательном состоянии. Если б я промышлял литературой, то ваши идеи наверняка сделали бы меня известнее Уэллса или Брэдли, – рассмеялся профессор.

Поёрзав и удобнее расположившись в кресле, учёный спросил:

– Мистер Сэведж, вы доверите мне своё лечение?

– Конечно, – с готовностью кивнул я.

– Ну что ж. Тогда, как говорится, *avibus bonis*^[5]. Нам всем нужно настроиться на длительную и серьёзную работу. Думаю, ваше тело мы вернём в норму за пять-шесть месяцев, а вот с памятью придётся повозиться... быть может, несколько лет. Даже в са-а-ом лучшем случае, никак не меньше года. Всё зависит от особенностей организма. Обычно память начинает возвращаться с детских воспоминаний, следом всплывают более поздние. Момент, вызвавший стресс, чаще всего остаётся в забвении. Редко кто вспоминает само критическое событие, вызвавшее амнезию – мозг пытается защититься от стресса...

Профессор достал из кармана жилетки пластиковый пакетик и протянул мне.

– Вот, держите. Мне удалось убедить полицейских передать нам эти вещицы. Надеюсь, они станут первым шагом к восстановлению вашей памяти. Здесь единственные предметы, которые обнаружили при вас. Держите их при себе. Постоянно думайте о них, смотрите на них, трогайте их. Быть может, это поможет ускорить процесс.

В пакетике хранился овальный брелок из серебристого металла и массивный перстень с большим голубым камнем. Я принялся их вертеть и пристально разглядывать.

– Правильно, внимательно изучайте их. – Мистер Бриджел кивнул на перстень. – Кстати, это довольно дорогая вещь. Здесь кашмирский сапфир. Если драгоценность действительно принадлежит вам, то вы очень небедный человек... – Профессор встал, с шумом отодвинув кресло. – Наша беседа слишком утомительна для вас. Отдыхайте. Завтра утром снова увидимся. Сэмюэл, пойдёте со мной, а вы, Элизабет, оставайтесь, пожалуйста, с мистером Сэведжем. Сейчас ему требуется особое внимание, – сказал он и направился к двери.

Пока профессор прощался и раздавал указания, я внимательно рассматривал полученные артефакты. Какая-то искра внезапно обожгла моё сознание. Нечто, вырвавшись из глубин памяти, неудержимо устремилось наружу...

...Ветер, путаясь в раскидистых кронах, с шелестом перебирает листья. Я стою на краю лесной опушки. Одетый в лохмотья старик с растрёпанной копной волос и косматой бородой смотрит на меня влажными глазами, полными доброты и сочувствия. Украдкой стряхнув слезу, старец протягивает мне стопку пожелтевших тетрадей.

– Возьми, сынок. Думаю, ты сможешь всем этим разумно распорядиться...

Не понимая, что происходит, я зажмурился. Когда я снова открыл глаза, видение исчезло. Несколько мгновений я с удивлением пытался сообразить, что произошло.

– Элафрин и Оттоклевит, – неожиданно для себя самого произнёс я.

– Что вы сказали? – переспросил профессор, обернувшись.

– Элафрин и Оттоклевит. Медикаменты, которые помогут мне вылечиться. Двухнедельный курс. По два миллиграмма первого и по четыре с половиной второго каждый день, – опять произнёс мой голос. – Элафрин для восстановления памяти, а Оттоклевит для ускоренной физической регенерации.

Профессор с округлёнными от удивления глазами вернулся к кровати.

– Молодой человек, я великолепно разбираюсь в фармакологии, и уж тем более прекрасно знаком с лекарствами, связанными с моей специализацией. Будьте любезны, скажите, какое у них активное вещество? – Не дождавшись ответа, он повернулся к ассистентке, от изумления застывшей на месте. – Мисс Стоун, посмотрите, пожалуйста, в справочнике.

Девушка вытащила из шкафа огромный том и принялась перелистывать страницы. Профессор в нервном ожидании переступал с ноги на ногу. Покачав головой, Элизабет захлопнула книгу и открыла ноутбук.

– Нет, мистер Бриджел. Таких препаратов в справочнике нет. А интернет этих слов вообще не знает, – огорчённо сообщила она.

– Ну, слава богу. А то я решил, что безнадёжно отстал от прогресса. – Профессор театрально вытер пот со лба и сделал громкий выдох. – Вылечить такие заболевания за две недели! Да-а, мистер Сэведж, – он укоризненно покачал головой, – ваша неуёмная фантазия когда-нибудь добьёт меня. А я-то, старый дурак, чуть не усомнился в собственной памяти!

– Дайте ручку и бумагу, – произнёс я твёрдым голосом.

Элизабет вихрем принесла всё необходимое. Я удобно расположился на приподнятой подушке и принялся писать. Профессор и ассистентка, свесившись надо мной с разных сторон кровати, с любопытством наблюдали за работой.

Болезненное состояние давало о себе знать, пальцы не слушались, то и дело выпуская ручку. Буквы получались корявыми и прыгали, не желая выстраиваться в стройные шеренги.

Информация потоком хлынула из тайников памяти. Преодолевая слабость, я продолжал трудиться. Не понимая смысла, я выдавал строчку за строчкой, словно кто-то невидимый выводил моей рукой странные символы и слова на бумаге. Примерно за час мне удалось заполнить два десятка листов.

– Вот, держите, – передал я свою работу профессору, всё это время с нетерпением ожидавшему результата. – Здесь формулы, реакции и описание процесса для производства медикаментов.

Учёный взял рукопись и снова погрузился в кресло. Элизабет оперлась о его спинку, с интересом вглядываясь в текст из-за плеча мистера Бриджела. Они с жадностью поглощали полученный материал, и только время от времени были слышны восклицания: "Хм, неплохо", "Неожиданное решение", "Это невероятно!" и тому подобное.

Элизабет настолько увлеклась чтением, что практически положила свою голову на плечо профессора. Хвостик её причёски с моего угла казался плюмажем, торчащим из седых волос учёного. Я улыбнулся. Мистер Бриджел не замечал ничего вокруг. В сильном волнении он энергично натирал нос, словно это была сказочная лампа Аладдина, из которой вот-вот выскочит всемогущий джинн, чтобы помочь разгадать невероятную тайну.

– Мистер Сэведж, – с нескрываемым восхищением спросила Элизабет, – а вы можете расшифровать вот эту цепочку?

– Нет... не знаю... попробую... – неуверенно пробормотал я, и рука, точно это был самостоятельный организм, начала выцарапывать на бумаге формулы. Через пару минут я передал девушке ещё один исписанный листок. Элизабет с профессором воодушевлённо набросились на новую информацию.

– Знаете, мой друг, – мистер Бриджел поднял глаза, с уважением глядя на меня. – Вот этот агрегат или механизм, упомянутый вот в этом процессе, – учёный ткнул пальцем в строчку. – Ведь его... хм... не существует...

Я снова вооружился ручкой. Буквально через пять минут профессор получил подробный чертёж с описанием прибора. Глядя на него, учёный долго хмыкал, покачивал головой и эмоционально восклицал:

– Очень, очень оригинально! И к тому же не требует больших денежных затрат.

Они с Элизабет до позднего вечера пересматривали рукопись, бурно обсуждая детали, пока совершенно не выбились из сил.

– Да-а, мой друг, вы или очень талантливый выдумщик, или шутник, посланный кем-то, чтобы разыграть старика, – сказал с недоумением профессор.

От возбуждения он так активно теребил бородку, что я невольно поморщился. Казалось, ещё чуть-чуть – и из неё полетят клочья седых волос.

– Правда, я не нашёл ни одной ошибки в ваших рассуждениях, – профессор покачал головой и растерянно развёл руками. – Или... или... действительно стоит попробовать? Это может стать настоящим прорывом. Хм... да уж... Весьма любопытная теория. Что тут сказать? *Credo, quia absurdum est*^[6]... Да-а... Есть многое на свете, друг Горацио...^[7] Хм... Кто же, кто же вы, мистер Сэведж?

[1] *MSF — Médecins Sans Frontières (фр.) — "Врачи без границ" — международная неправительственная организация по оказанию медицинской помощи людям, пострадавшим в результате вооружённых конфликтов и стихийных бедствий.*

[2] *Один метр восемьдесят восемь сантиметров.*

[3] *Casus incurabilis (лат.) — неизлечимый случай.*

[4] *Fortis imaginatio generat casum (лат.) — сильное воображение создает событие.*

[5] *Avibus bonis (лат.) — в добрый час, буквально: "с добрыми птицами".*

[6] *Credo, quia absurdum est (лат.) — Верю, ибо это абсурдно.*

[7] *Реплика из пьесы Шекспира "Гамлет". В переводе Н. Полякова целиком звучит так: "Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам".*

...Она прекрасна, даже серые разводы копоти на бледном лице не могут скрыть этого. Светлые волосы развеваются на ветру, а полные печали глаза смотрят на меня с нежностью. На груди чёрного армейского комбинезона сверкает широкая жёлтая полоса, в руках боевое ружьё. Вокруг громоздятся руины разрушенных зданий, земля, покрытая тлеющими телами, горит и дымится. Смерд не даёт дышать.

– Вставай! Вставай же! Ты должен это сделать! – с волнением кричит она.

Внезапная вспышка поглощает всё вокруг, ослепляя меня.

– Нет, Одди, нет! – слышится мой вопль...

– Проснись, Джон, – нежный голос Элизабет вырвал меня из ада. – Опять кошмары, да? Ты весь в поту. Снова видел эту девушку?

– Угу, – кивнул я.

– Ты что-то выкрикивал во сне. Кажется, слово "Одди". Что это?

– Не знаю.

– Может это её имя?

– Прости, правда не помню... – поморщился я.

Весь следующий месяц мы старательно воплощали в жизнь план профессора.

Мистер Бриджел, кроме того, что был незаурядным учёным, оказался великолепным рассказчиком и интересным собеседником. Он фанатично увлекался историей, особенно английской, и мог в подробностях поведать о любом событии. Слушая его яркие рассказы, мне порой казалось, будто профессор сам побывал в гуще какой-нибудь битвы или дворцовой интриги.

Профессор и себя самого считал личностью исторической. Он всячески пытался подчеркнуть свою аристократичность: привычками, манерами и образом жизни. Именно ради этого он купил особняк, принадлежавший древнему дворянскому роду. Учёный частенько посещал светские рауты. В аристократических кругах он чувствовал себя как рыба в воде и его там считали своим. Частенько в речи Горацио Бриджела проскакивала мысль, что когда-нибудь сама королева по заслугам оценит его достижения и удостоит звучным титулом.

Увлечение профессора историей выросло в настоящую маниакальную страсть к коллекционированию. Он собирал написанные старыми мастерами портреты известных личностей, которые украшали стены особняка. Раритетными книгами и манускриптами были забиты полки всех его шкафов. Но предметом особой гордости он считал коллекцию средневекового холодного оружия.

Однажды мне довелось побывать в его кабинете, который находился на втором этаже в другом крыле дома. Редкий музей может похвастать такой экспозицией. Стены кабинета и ведущего к нему коридора были увешаны алебардами, мечами, дубинами, цепями и копьями – всем, что только можно представить в этой категории вооружения. С двух сторон от дверей кабинета стояли манекены, одетые в оригинальные латные доспехи средневековых рыцарей со щитами и мечами.

Страсть Горацио Бриджела к собирательству была не просто блажью богатого человека. Он слыл настоящим экспертом во всех этих областях и о каждом экземпляре мог часами

рассказывать завораживающие истории.

Профессор вообще был увлекающейся личностью. Сейчас его настолько поглотила методика, рождённая моим воображением, что он просто горел идеей воплотить её в жизнь. Каждое утро, ещё до завтрака, профессор приходил в мою комнату. Кроме процесса лечения и моего самочувствия, его интересовала информация об Элафрине и Оттоклевите. Услышав то, что хотел он возбуждённо охал и убегал в кабинет.

Особенно за это время я сблизился с мисс Стоун. Именно она стала олицетворением забытого мной мира. Путеводной нитью. Поводырём для ослепшего без памяти разума.

Мистер Бриджел был абсолютно прав, восхваляя достоинства Элизабет. Она с материнской теплотой ухаживала за мной. Делала массажи, пичкала тоннами медикаментов и исполняла желания, словно добрая волшебница.

Её виденье мира оказалось близким и понятным мне. Я привязывался к ней всё сильнее. Мы часто разговаривали на разные темы и быстро подружились, незаметно перейдя на приятельский стиль общения.

Рождающиеся в моём мозгу вымыслы о странном мире, так не похожем на этот, о мире, полном необычной техники, с развитой наукой, завораживали её. Она с энтузиазмом впитывала информацию, задавала массу вопросов, а потом всё аккуратно записывала.

От Элизабет я узнал, что она родилась и жила в маленьком городке центральной Англии. Она была единственным ребёнком в семье. Мать воспитывала её одна и никогда не рассказывала об отце. Компенсируя его отсутствие, мама окружила дочку безграничной заботой и полностью посвятила ей жизнь. Девочка, чувствуя мамину самоотверженность, отвечала искренней любовью.

В детстве, как и многие девчонки, она страстно желала стать актрисой. Природа не обделила её данными, да и мать во всём помогала. Маленькая Бетти занималась и танцами, и вокалом, и играла в местном театре. Ей даже удалось сыграть пару эпизодических ролей в фильмах.

Когда Элизабет училась в выпускном классе случилось несчастье – у мамы обнаружили рак. Забыв обо всех увлечениях, Элизабет целиком отдала себя уходу за ней, но победить страшную болезнь не удалось. Смерть матери перевернула её жизнь. Девушка больше не помышляла ни о каком актерстве, решив стать врачом. Поступив в университет на медицинскую специальность, она с головой погрузилась в учебу.

Во время обучения Элизабет влюбилась в яркие лекции профессора и решила выбрать специальность нейрофизиолога. Мистер Бриджел тоже заметил талантливую студентку и пригласил в свою группу. Получив диплом бакалавра, она вот уже почти полгода работала у профессора ассистенткой.

За устрашающей маской Сэмюэла скрывался ранимый человек с тонкой душой. Сэм оказался дружелюбным, немного стеснительным малым. Обладая большой физической силой, он в буквальном смысле носил меня на руках, доставляя в спортивный зал.

Это была просторная комната, заполненная дюжиной тренажеров – силовых, кардиологических и реабилитационных. И хотя спортзал находился в подвальном помещении, под самым его потолком примостился целый ряд окон. Сквозь них уличный свет щедро освещал пространство, отражаясь от зеркальной стены, расположенной напротив. Кроме тренажеров, в комнате было полно другого инвентаря: большой боксерский мешок, штанга и ещё множество радостей для любителей спорта.

Следуя указаниям профессора, я ежедневно по несколько часов проводил за

тренировками. Постепенно занятия начали давать результаты. Я стал самостоятельно вставать с кровати и, под присмотром, ходить. Но как же всё медленно продвигалось! Чувство младенческой беспомощности просто выводило из себя. После очередной тренировки, когда Сэмюэл нёс меня в спальню, я не выдержал и сказал:

– Слушай, Сэм, хватит уже со мной нянчиться. Дай я попробую сам добраться.

– Сэмюэл не может. Миста Бриджел сказал, что нужно так.

Не знаю, где Сэм раскопал это странное слово, но ко всем именам, и мужским и женским, он непременно добавлял уважительное, по его мнению, обращение "миста".

– Да брось. Никто не узнает.

– Нельзя. Миста Бриджел будет сердиться, – он обиженно нахмурил брови и в подтверждение своей непреклонности крепко сжал меня огромными ручищами.

– Тише, тише, изверг! Ты мне так все кости переломаешь. Я же ещё никуда не убежал, – улыбнулся я, глядя на недовольно суксившееся лицо Сэма.

– Сэмюэл расстроился и не рассчитал. Пусть миста Джон не обижается на Сэмюэла – произнёс он извиняющимся тоном и ослабил железный хват.

Когда мы подошли к моей комнате, я продолжил его убеждать:

– Сэм, ты бы меня хоть перед девушкой не позорил. Если не отпустишь сейчас же, клянусь тебе, встану ночью и буду носиться по дому.

Сэмюэл в нерешительности замер в дверном проеме. Его маленькие глазки в панике забегали по сторонам. Он посмотрел на Элизабет, хозяйничающую в комнате, пробубнил под нос что-то невнятное и произнёс:

– Хорошо. Пусть миста Джон ходит сам. Сэмюэл поможет.

Довольный, но измученный, я с трудом доковылял до кровати и повалился на неё с чувством победителя. Сэмюэл, наблюдавший за моими немощными манипуляциями, по доброму улыбнулся и вышел из комнаты.

– Джон, мне кажется, что наш Сэм проникся к тебе симпатией, – удивлённо сказала Элизабет, готовя капельницу.

– Ничего странного. Мы же с ним друзья, – ответил я, засучивая рукав.

– Друзья? С Сэмом? Я думаю, он не доверяет никому на свете, опасаясь всех людей.

– А как же мистер Бриджел?

– Ну, естественно, кроме мистера Бриджела. Правда, профессор для него вовсе не друг, даже не отец, а... Бог. Уверена, Сэм не задумываясь отдаст жизнь за одно его доброе слово.

– Это точно...

– А к тебе он относится с какой-то теплотой. Ну, почти как к Зевсу.

Это сравнение заставило меня усмехнуться. Зевсом звали любимую кошку Сэмюэла. Как мне рассказывали, пару лет назад ночью во время сильнейшей грозы Сэм проснулся от очередного кошмара. Страшные сны беспокоили его с раннего возраста из-за каких-то детских переживаний. Скромная комната Сэма находилась в отдельно стоящем домике, совмещённом с ангаром для хранения разных хозяйственных мелочей. Сэмюэл выглянул на улицу проверить, не повредила ли что-то бушующая стихия, и услышал жалобное мяуканье. Оказалось, что под крыльцо забрался маленький испуганный котёнок с перебитой лапкой.

Сэмюэл приютил и выходил несчастное животное. По совету профессора нового жильца в честь обстоятельств его появления прозвали Зевсом. Правда, позже выяснилось, что это была кошка, но имя питомца так и закрепилось за ним. Великан настолько прикипел душой к котёнку, что тот стал для него самым близким другом. Сэмюэл разрешал питомцу

спать в своей кровати. Вечерами рассказывал ему о событиях, произошедших за день. А когда Зевс желал полакомиться, то есть практически постоянно, делил с ним свою еду. Сэм знал, что в отличие от людей, Зевс никогда не будет смеяться над ним, никогда не предаст и не обманет. Сейчас этот блохастый заморыш превратился в огромное ленивое животное с длинной серебристой шерстью и презрительно прищуренными глазами.

– Неужели у него никогда не было друзей? – спросил я.

– Ну, не знаю. Может быть, когда-нибудь раньше... Я ведь тоже здесь не так давно обитаю, – сказала Элизабет, вводя иглу капельницы в мою вену. – Полежи немного спокойно. Через полчаса нужно быть в столовой.

– А любовь? А женщины?

– Ну, ты сказал. Сэм и женщины... Вспомни о Клариссе!

Я слышал эту историю. Как-то за обедом мистер Бриджел, большой любитель поболтать за едой, рассказывал о Сэмюэле и Клариссе, корчась от смеха.

Кларисса Фул, жительница соседней деревушки, подрабатывала у мистера Бриджела, готовя изумительно вкусную еду. Повариха была пышной хохотушкой с розовыми щеками и пробивающимися черными усиками над пухлыми губами. Несколько лет назад она овдовела. Её мужа, никогда не отказывавшегося от кружки доброго эля, зарезали в пьяной драке после очередной попойки, и сейчас Кларисса находилась в активном поиске спутника жизни. Сэмюэл показался ей достойным кандидатом. Сильный, хозяйственный, да ещё и без вредных привычек – неплохой кандидат в мужья. А его маленькие особенности – ерунда, все не без изъяна.

Кларисса завалила Сэмюэла разными вкусностями и взяла под такую плотную опеку, что Сэм, не привыкший к столь пристальному вниманию, начал прятаться от неё. Мистера Бриджела рассмешил случай, когда Сэмюэл посреди разговора с профессором, едва заметив кухарку, бросился наутёк.

Раздавшийся из холла звон колокольчика сообщал о пятнадцатиминутной готовности к обеду. Мистер Бриджел очень трепетно относился к этому мероприятию. Не то чтобы он был любителем поесть. Нет. Ел он как раз немного, но был настоящим гурманом и считал обед важным ритуалом, подчеркивающим его аристократический статус.

– На, выпей это перед едой, – Элизабет дала мне очередную дозу медикаментов. – Через пять минут снимаем капельницу и в столовую.

– Поможешь пройти? А то на каталке чувствую себя полным инвалидом.

Опираясь на плечо Элизабет, я вошёл в столовую. Длинный дубовый стол покрывала белоснежная скатерть, заставленная столовым серебром и изящной фарфоровой посудой. Над всем этим великолепием возвышались два бронзовых канделябра с ярко горящими свечами. Кроме профессора, за столом сидел крепкий мужчина, чем-то неуловимо похожий на мистера Бриджела.

– Прошу любить и жаловать – мой младший брат Дэвид Бриджел, – представил профессор гостя. – Мисс Стоун с ним уже знакома, а вы, мистер Сэведж, наверняка его не помните. Он пришёл специально, чтобы посмотреть на прогресс в вашем выздоровлении.

Полицейский протянул мне руку. Дэвид Бриджел был гораздо крупнее и выше брата. И хотя он был лет на десять моложе профессора, на его голове красовалась большая проплешина, похожая на тонзуру, которую выбривают монахи. Над плотно сжатыми тонкими губами торчал совершенно такой же, как у брата, крупный мясистый нос. Видимо, он являлся фирменным знаком их рода. Но самым необычным штрихом, выделявшим

полисмена, был стеклянный глаз. Позже я узнал, что много лет назад, на одной из тренировок в тире, с Дэвидом Бриджелом произошёл несчастный случай, после которого пришлось вставить эту стекляшку. Протез оказался не самым удачным, но, сколько профессор ни настаивал на более современном имплантате, Дэвид напрочь отказывался: то ли боясь повторной операции, то ли ещё по какой-то неведомой причине. Глаз не двигался, поэтому было совершенно непонятно, куда полицейский смотрит. Казалось, что он видит всё и везде. Из-за этой особенности подчиненные прозвали его Глазастым Дэйвом.

– Как я посмотрю, вы так и называете нашего подопечного этим странным именем? – ухмыльнулся полицейский.

– Почему странным? – спросил профессор. – Мне кажется, имя ему очень подходит. Ты бы видел, как он нас всех огорошил своими научными познаниями. Ни дать ни взять – настоящий безумный ученый. Кроме того, всё тело мистера Сэведжа покрыто шрамами. Такие бывают у военных, после серьёзных передраг, или у дикарей^[1] из каких-нибудь джунглей, где нужно отбиваться от зверей и бороться с агрессивной природой... Кстати, я считаю, что имя влияет на поведение человека и его судьбу. Мисс Стоун, вот попробуйте угадать, в честь кого назвали меня.

– Шекспировский Горацио?

– А вот и нет, – самодовольно усмехнулся профессор. – Мой отец был простым моряком, всю жизнь прослужившим на военно-морской базе в Портсмуте. Он назвал меня в честь адмирала Горацио Нельсона.

– Так у вас с глазом вроде всё нормально, – сказала девушка и, осекшись, невольно посмотрела на брата учёного.

– Да при чём тут глаз, моя дорогая? Вы подверглись расхожему заблуждению. Многие почему-то считают, будто Нельсон был одноглазым и носил чёрную повязку, точно пират. Нет. Он был одноруким! И именно в память об этом до сих пор английские моряки аплодируют не двумя руками, как принято, а стучат кулаком левой руки по столу. Травму глаза адмирал действительно получил и стал от этого хуже видеть, но он не ослеп. Впрочем, это не важно, смотрите глубже... Я, как и Нельсон, родился в простой семье и, как он, многого добился в жизни. Разве не так? Брата моего, кстати, тоже назвали в честь адмирала – адмирала Дэвида Битти. И видите, какая он сейчас "шишка"? Да, Дэвид? – профессор с улыбкой посмотрел на брата.

– Угу, – ответил полицейский, отправляя в рот очередную порцию пищи. – М-м-м... – простонал он, блаженно закатив здоровый глаз. – Ну и вкуснотища! А моя старая калоша даже яичницу нормально приготовить не может. И как тебе удаётся всегда получать всё самое лучшее?

Профессор довольно ухмыльнулся.

– Да обыкновенно. Я нашу Клариссу встретил в одном известном ресторане высокой кухни в Лондоне. А когда узнал, что она живёт неподалёку, попросту переманил её. Вот и всё. Ну, давайте продолжим насчёт имен... В честь кого, по вашему мнению, назвали Сэмюэла?

Сэма не было среди нас. Он редко обедал у профессора. Ему были абсолютно безразличны кулинарные изыски, так нравившиеся мистериу Бриджелу. Гораздо больше по душе Сэмюэлу были обыкновенные каши, которые у него отлично получались. Профессору всегда стоило больших усилий уговорить Сэма прийти на обед. А уж после возросшего внимания Клариссы Сэмюэл старался вообще не появляться в столовой, чтобы ненароком не

столкнуться с навязчивой стряпухой.

– В честь Сэмюэла Клеменса ^[2]? – робко предположила Элизабет.

– Что-то вас сегодня, моя дорогая мисс Стоун, в литературные дебри так и тянет, – засмеялся профессор. – Опять не угадали. В честь полковника Сэмюэла Кольта.

– Это вам Сэм так сказал? – поинтересовалась девушка.

– Нет, естественно. Его отец, мистер Пикок. Он где-то услышал фразу о том, что Бог создал людей разными, а Сэмюэл Кольт сделал их равными. Выражение ему очень понравилось. Так вот, он считал, что его отпрыск, обладающий невероятной силой с самого рождения, тоже сможет всех уравнивать не хуже револьвера.

– Вы были знакомы с отцом Сэма? – удивилась Элизабет.

– Да, хотелось бы послушать, как Сэмюэл попал к тебе, – с интересом сказал Дэвид.

Ученый встал и нервно прошёлся по комнате. Затем снова погрузился в кресло и, заметно волнуясь, произнёс:

– Это очень скорбная история. Я стараюсь не вспоминать о ней, поэтому и не рассказывал раньше. Но раз вы так настаиваете... Эти события случились чуть больше тридцати пяти лет назад. Мать Сэмюэла работала на заводе по производству химических волокон. Однажды на предприятии из-за утечки газа произошёл мощнейший взрыв. Результат был просто ужасным. Впоследствии эту аварию признали одной из самых трагичных производственных катастроф за всю историю Объединённого Королевства. Наверняка вы о ней слышали.

– Во Фликсборо, что ли? – уточнил Дэвид. – Конечно, слышали. Я читал об этом в какой-то статье. Бабахнуло так, что пострадал не только завод, но и дома в окрестных городках...

– Да. Тогда погибли пятьдесят пять человек и семьдесят пять получили ранения... Так вот, смена матери Сэмюэла выпала как раз на этот злосчастный день. Её изуродованное тело обнаружили, разгребая завалы, лишь через неделю. Мистер Гейбл Пикок, отец Сэма, опознал жену только по родимому пятну. Смерть супруги настолько потрясла Гейбла, что он впал в глубокую депрессию, потребовавшую госпитализации. В то время я собирал материал для научной работы в клинике и взял его под свой патронаж. Сэмюэла, которому тогда было лет пять, приютила бабушка, мать мистера Пикока. Через полгода, когда в состоянии Гейбла наметился значительный прогресс, новое потрясение постигло их семью. Мать Гейбла, уже довольно пожилая женщина, страдавшая тяжёлой формой астмы, где-то инфицировалась штаммом золотистого стафилококка и буквально за месяц сгорела.

– Некротическая пневмония? – грустно поинтересовалась девушка.

– Угу, типичный случай, – кивнул учёный. – Психика у мистера Пикока тогда была ещё совсем неустойчива, и мы решили скрыть от него новость. Но вот напасть, всегда находится какой-нибудь умник, который вечно всё портит. Этот идиот посчитал нужным сообщить больному о смерти матери. Наутро мистера Пикока нашли повесившимся... Юный Сэмюэл остался совершенно один.

– Бедный ребёнок, – воскликнула Элизабет и утёрла непроизвольно выступившую слезу. – Но как же Сэм оказался у вас, профессор?

– Понимаете, моя дорогая, в тот момент я был потрясён испытаниями, выпавшими на долю этой семьи. Ну как тут не поверить во всяческие родовые проклятья? Я посчитал себя обязанным помочь беззащитному мальчонке. Сэмюэл и так с самого рождения немного отставал от сверстников в умственном развитии, а после этих драматических событий его

состояние усугубилось. Ночные кошмары и приступы головной боли требовали постоянного медицинского наблюдения, вот я и взял мальчика под присмотр...

Профессор замолчал и, прикрыв глаза, погрузился в грустные воспоминания. На несколько минут в комнате воцарилась тишина.

Я сидел впечатлѐнный рассказом и машинально мямсал салфетку. Мысли смешались, сознание накрыл лёгкий туман, а на белом материале салфетки внезапно начал проявляться рисунок в чёрно-красных тонах. Несмелые линии выдавали руку ребёнка... В багровых тучах висела гигантская машина, поливающая пространство огнём, с неба сыпались обгорелые обломки. Особенно выразительно была нарисована женщина. На обожжённой земле лежало её тело, прикрытое остатками одежды. Голова безвольно свесилась на бок, на бледном лице зияла страшная рана, а остекленевшие глаза смотрели прямо на меня. От неожиданности я отбросил салфетку. Когда через секунду я взглянул на неё вновь, салфетка, как и прежде, сияла белизной...

"Ну вот, опять..." – поморщился я и принялся растирать кончиками пальцев виски.

– Не стоило рассказывать. – Покосился на меня профессор. – Я же говорил, что это довольно печальная история... До сих пор я провожу с Сэмом сеансы терапии. Прогресс существенный, но вернуть его обществу полностью видимо не удастся... Давайте лучше продолжим игру. Позвольте угадать, в честь кого назвали вас, мисс Элизабет? – постарался он перевести тему.

– Конечно.

– Я просто уверен, что ваших родителей вдохновила слава знаменитой королевы. Это имя вам очень подходит.

– Не-а, – улыбнулась Элизабет, – всё гораздо прозаичнее. Мама назвала меня в честь актрисы Элизабет Тейлор.

– Забавная игра получилась. Вечно ты что-нибудь этакое придумываешь, братец. Даже уходить не хочется, – сказал Дэвид Бриджел, поглядывая на часы, – но я договорился с другом, Майклом Маккензи, встретиться в пабе, чтобы посмотреть игру моего любимого "Портсмута" с "Саутгемптоном". Ну, ты должен помнить сержанта, Гор. Ты как-то помог его жене.

– Да помню, помню, – сухо ответил учёный.

– Не обижайся. Я правда обещал, – сказал полисмен извиняющимся тоном.

– Даже и не думал. Нам всем тоже пора идти трудиться. Залетай почаще в моё гнездышко, Дэйв, а то придётся тебя занести в Красную Книгу в категорию редких птиц.

– Конечно-конечно. Просто последнее время столько дел навалилось... И дома, и на работе. Кроме того, ты же знаешь, я в любительской команде полицейских в футбол играю. А недавно меня выбрали председателем попечительского совета нашей церкви... – оправдывался Бриджел-младший.

– Рад, что у тебя такая насыщенная жизнь. Но для одинокого старика, думаю, время всё же можно выделить. И жену с моим любимым племянником приводи.

Вечером мистер Бриджел ворвался в комнату в таком взбудораженном состоянии, что я его просто не узнал. Забыв об одышке, профессор метался из стороны в сторону, словно случайно залетевшая в открытую форточку птица в поисках выхода. Чуть ли не подпрыгивая, учёный энергично размахивал руками. Эмоции, как волны, меняли выражение его лица. Он не мог произнести ни слова, исторгая только какие-то нечленораздельные звуки. Мы с Элизабет изумленно наблюдали за сумасшествием почтенного учёного.

– Друзья мои! Свершилось! Я смог! Смог! – кричал мистер Бриджел, не в силах сдерживать слёзы радости. Он подбегал то ко мне, то к Элизабет, поочередно сгребая нас в объятия. – Вот, смотрите, я всё же их изготовил! Мистер Сэведж, ну что вы стоите как истукан? Это же те самые лекарства! – Профессор дрожащей от волнения рукой протянул мне две продолговатые пилюли.

"Неужели всё, что я написал, не просто бред воспаленного разума? Неужели я наконец-то смогу всё вспомнить?"

Ураган эмоций, обуревавших профессора, захлестнул и меня. Находясь под властью какого-то волнительного безумия, я не раздумывая забросил пилюли в рот и быстро проглотил их.

– Па... па... па... стойте, – безудержная радость профессора сменилась страхом, смешанным с изумлением. – Что вы делаете?! А как... как же клинические испытания? Так нельзя! Что за *beata stultica*?! [3]

– Ну ты и авантюрист, Джон. На, хоть водичкой запей, – Элизабет протянула мне стакан.

В глазах девушки я не увидел такого страха, как у профессора. Мало того, мне показалось, что она поддерживает моё безрассудное решение.

– Простите, мистер Бриджел. Я понимаю, что это глупая выходка, но таков мой выбор. Клинические испытания могут занять годы, а я не готов столько ждать. Давайте считать, что курс лечения по новой методике уже начат.

Несколько минут профессор молча ходил по комнате и сосредоточенно глядел под ноги, будто пытался разгадать тайну затейливого узора персидского ковра.

– Что же вы со мной делаете, мистер Сэведж? – внезапно остановившись и всплеснув руками, обречённо простонал он. – Да! Да! Да! Мне тоже не хочется ждать. Мне тоже хочется поскорее убедиться в правильности нашей теории. Но как врач я не могу подвергать вас такому риску. Это невозможно. Никак!

– Мистер Бриджел, это моё решение. Я считаю, что вправе делать собственный выбор. Вы не уверены в моих лекарствах? Но разве вы можете точно знать, что традиционные методы вернут мне память? Нет! А я не хочу потерять кучу времени, чтобы потом потерпеть фиаско.

Профессор снова задумался. Он замер на месте, с остервенением теребя многострадальную бородку. Было видно, как в нём борются любопытство учёного и осторожность врача, меняя цвет его лица с пунцово-красного на мертвенно-бледный.

– Ну, хорошо, хорошо! – Профессор поморщился, словно только что проглотил лимон. – Пусть будет по-вашему... Мисс Стоун, запас этих треклятых пилюль находится в моём кабинете. Каждый день я буду выдавать вам необходимую дозу, – он махнул рукой и вышел из комнаты, даже не попрощавшись.

[1] *Фамилия Сэведж (англ. — Savage) переводится как "дикарь".*

[2] *Настоящее имя писателя Марка Твена.*

[3] *Beata stultica (лат.) — блаженная глупость.*

Следующая неделя прошла очень насыщенно. Вихрь событий накрыл нас с головой. Физическое восстановление шло настолько впечатляющими темпами, что напоминало сказочное волшебство. Если ещё несколько дней назад я радовался десятку твердых шагов, то сейчас уже бегал, причём довольно быстро. Мышечная память подсказывала какие-то специальные упражнения, которые помогали вернуть утраченную форму. Вскоре уже не Сэмюэл носил меня на руках, а я, не без усилий, конечно, мог приседать с его неподъёмной тушей на плечах.

На утренней тренировке в моей памяти внезапно всплыли забытые комплексы боевых искусств. Руки и ноги выделяли невероятные пируэты. Сэмюэл, увидев мои выкрутасы, завизжал от восторга, словно ребёнок.

– Ух ты. Ого! Миста Джон – большой мастер. Сэмюэл должен позвать миста Бриджела! – воскликнул он и исчез за дверью.

Через несколько минут в спортзале вместе с Сэмом появились испуганные профессор и Элизабет, видимо, решившие, что стряслась какая-то беда.

– Сэмюэл думает, что миста Джон справится даже с Брюсом Ли. Пусть миста Джон покажет. Пожа-алуйста, миста Джон, – попросил Сэм, глядя на меня с забавно-умоляющим выражением лица.

– Конечно, Сэм, – улыбнулся я.

Элизабет и мистер Бриджел, не понимая, о чем идёт речь, с удивлением смотрели на нас. Я начал крутиться, словно ветряная мельница при урагане, нанося шквал ударов по боксёрскому мешку. Толстая кожа спортивного снаряда, не выдержав такого испытания, треснула. Мистер Бриджел, от удивления не в силах сказать ни слова, жадно глотал воздух. Элизабет замерла в изумлении, вытаращив глаза и приоткрыв рот. Сэмюэл смотрел на них с блаженной улыбкой, словно желал сказать: "Ну, что вам говорил Сэмюэл? Не зря он оторвал вас от важных дел?"

– Джон, да ты просто Терминатор, – первой пришла в себя Элизабет. – Это на тебя так пилюли действуют? Может, и мне парочку выпить?

– Не знаю. Может и пилюли, а может, становлюсь самим собой, – пожал я плечами.

– Это... это просто невероятно, – вышел из ступора профессор. – Какой ошеломительный прогресс! Не зря я так рисковал. Как говорится: "Audentes fortuna juvat^[1]". Мои таблетки работают! Теперь у меня есть аргументы, основанные на опыте, – восторгался учёный. – Мисс Стоун, у меня к вам просьба.

– Да, мистер Бриджел? – девушка вопросительно посмотрела на профессора.

– Хочу попросить вас сопроводить мистера Сэведжа в клинику. Необходимо сделать кое-какие исследования, чтобы посмотреть динамику. Я сейчас обо всём договорюсь и вызову машину. И ещё... – профессор задумался. – Сейчас достаточно рано, и вы должны успеть... Было бы неплохо организовать для мистера Сэведжа культурную программу – экскурсию по городу, например, или поход в какой-нибудь музей. Думаю, это поспособствует процессу восстановления.

В клинике нас продержали почти целый день. Врачи оказались теми же, к которым я попал после того, как меня нашли на скамейке привокзального парка. Удивляясь

невероятному исцелению, каждое обследование они проводили по несколько раз, думали, что в результате закралась ошибка... Больницу мы покинули уже ближе к вечеру.

– Да, похоже, план профессора по поднятию твоего культурного уровня сегодня провалился. Или у тебя есть какие-то соображения? – спросила Элизабет.

– У меня? Да я здесь ничего не знаю.

– Так уж и ничего? Посмотри туда.

Медицинский комплекс стоял на возвышенности. В нескольких десятках шагов от выхода из больницы холм резко обрывался. У его подножья раскинулся парк. Из-за деревьев выглядывало старинное здание, над которым возвышалась знакомая мне башня с часами. У входа в вокзал кишела толпа народа. Сейчас сооружение уже не казалось таким мрачным и угрюмым, как при первом впечатлении. Напротив, комплекс, выстроенный в георгианском стиле, завораживал красотой.

– Точно, – улыбнулся я. – Это же моя новая малая родина.

– Ага, – усмехнулась в ответ девушка. – Куда же нам всё-таки направиться?.. Если хочешь, можно сходить в зоопарк, он буквально в нескольких минутах отсюда.

– Куда-куда?

– Ты не помнишь, что это? – удивилась Элизабет. – Там зверей разных содержат. Кстати, недавно в местной газете писали, что у пары тигров появилась тройня. Маленькие тигрята такие милые. Пойдём, посмотрим...

На следующий день профессор решил лично вывезти нас в город на своём шикарном Rolls Royce Silver Cloud III тысяча девятьсот шестьдесят пятого года выпуска. Двухцветная окраска корпуса подчёркивала плавные изгибы линий. Блестящий серебристый низ и кипенно-белый верх, дополненные массивной хромированной решеткой радиатора, действительно превращали машину в серебристое облако, летящее над дорогой.

Несмотря на видимую степенность, профессор обожал скорость. Он выжимал из двигателя роскошного авто всё, что было возможно. Машина неслась по полупустому шоссе. Свистящий сквозь открытое окно тёплый воздух трепал мои волосы. В бешеном темпе мелькали деревья, сливаясь в сплошную зелёную массу. Ощущение скорости пронзало тело, приятно щекоча нервы...

...Я внезапно ощутил себя в кабине совсем другой машины. Интерьер сияет загадочным матовым блеском. Сквозь лобовое стекло видны окна громадных высоток, совсем не похожих на дома этого мира. За приборной панелью сидит крепко сложенный мужчина лет сорока с бесстрашным взглядом и аккуратно подстриженной густой бородой. Его нарядный мундир украшен разноцветными нашивками. С добродушной улыбкой бородач подмигивает мне и тянет рычаг на себя. Аппарат бесшумно взмывает ввысь. Мир в иллюминаторе уменьшается с невероятной быстротой, и я вижу под нами гигантский чудо-мегаполис с кольцевой структурой. Он напоминает исполинскую снежинку, украшенную огромным количеством сияющих на солнце домов-сталагмитов. Машина кружит над городом, выписывая в воздухе немыслимые пируэты...

– Сегодня, друзья мои, я покажу вам наш город изнутри. Вы узнаете его лучше, чем родители знают своего ребёнка, – голос профессора вырвал меня из невероятного видения.

Я перевёл дыхание и тряхнул головой.

Экскурсия впечатлила. Проявив всё своё красноречие профессор, рассказал об истории и архитектуре города, поведал о забавных и невероятных эпизодах из жизни его обитателей... Следующие три дня он водил нас по музеям, театрам и даже предоставил нам

билеты на очень хорошие места в местной опере.

Ничего подобного я не мог обнаружить в глубинах памяти, и потому культурная программа, устроенная профессором, вызвала во мне целую бурю восторженных эмоций. Я радовался, словно ребёнок, которому показали, как чёрно-белые картинки в книжке-раскраске от обычной воды окрашиваются сочными цветами.

В отличие от физического здоровья, восстановление моей памяти оставляло желать лучшего. Видимо, в формулу Элафрина закралась какая-то ошибка. Я не мог вспомнить ничего реального. Вымыслов о другом мире рождалось всё больше. Мало того, они становились более яркими и подробными. Порой я даже начинал путаться, какой мир для меня более реален.

Обсуждая очередную мою фантазию, мы с Элизабет прогуливались по саду. Вечерние прогулки уже стали нашей доброй традицией. Даже создался некий ритуал: сначала мы пили чай на окраине сада, в увитой розами беседке и весело болтали обо всём, забыв о моей болезни. Но почти всегда, зацепившись за очередное псевдовоспоминание, переходили к дискуссии. Вот и сегодня, что-то оживлённо обсуждая, мы неторопливо шли к дому по тропинкам сада, огороженным ровно подстриженными кустами.

Тут из-под куста прямо к нам под ноги выскочила кошка Сэмюэла. Развалившись на нагретых солнцем камнях тропинки, она принялась уморительно крутиться на спине, подняв кверху лохматое брюшко.

– Ах ты моя симпатяга, – с умилением сказала Элизабет и, присев на корточки, почесала живот питомца. – Где же твой хозяин, Зевс?

Сэма действительно чаще всего можно было застать именно в саду. Уход за растениями был его любимым времяпровождением. Сад на его заботу отвечал пышным цветением и благоуханием, превратившись в настоящий рай. Сэм, словно с маленькими детишками, разговаривал с каждым цветочком, с каждой букашкой, с каждой пролетающей мимо пичугой. Нет. Наверное, это не самое лучшее сравнение. По правде говоря, детей Сэм опасался. Ему было совершенно непонятно, что можно ожидать от этих маленьких монстров.

– Да вон он, смотри, – сказал я, заметив копошащуюся на крыше фигуру.

Дом профессора был построен несколько веков назад, поэтому время от времени требовалась реставрация и починка некоторых его элементов. Особое очарование особняку придавал комплекс труб и башенок на крыше. Недавно одна из труб начала разрушаться. От готовых вот-вот отвалиться камней кто-нибудь мог пострадать, поэтому пару дней назад мистер Бриджел вызвал специалистов для её переборки и укрепления. Контролировать работы профессор поручил Сэмюэлу. За этим делом мы его и застали. Одетый в оранжевый страховочный пояс, он возился у полуразобранной дымоходной трубы. Рядом с ней лежали камни, ровными рядами уложенные на поддоне.

Мы подошли к особняку и остановились на пяточке у дорожки, огороженной с одной стороны стеной дома, а с другой – густым колючим кустарником типа шиповника. Это место было самым удобным для разговора с человеком, забравшимся на крышу. Задрвав голову, Элизабет шутливо выкрикнула:

– Сэм, ты выглядишь прямо как Кинг-Конг на башне Манхэттена!

Обрадовавшись, что можно немного отвлечься от нудной работы, он поддержал шутку.

– Да-а! – Поднявшись во весь свой огромный рост и стуча по груди кулаками, Сэм начал исторгать гортанные звуки и весело подпрыгивать. – Гы-ы-ы... Сэмюэл большая обезьяна.

Изображая дикого зверя, Сэм остутился и только благодаря страховке с трудом удержался на крыше. Неловким движением он зацепил поддон, и камни лавиной устремились на нас.

Я почувствовал, как где-то в животе начал расти тугой комок страха. Элизабет, широко раскрыв испуганные глаза, остолбенела от ужаса. Какая-то неизвестная сила заставила меня сконцентрироваться. Мысли с бешеной скоростью искали выход. Я схватил девушку в охапку и, сгруппировавшись, бросился в подвальное окно, на лету выбив ногой раму. Мы кубарем вкатились в тренажерный зал. Я, как мог, прикрывал Элизабет от стёкол, летевших брызгами во все стороны. Камнепад с рёвом обрушился на то место, где мы находились долю секунды назад. Несколько булыжников отскочили вслед за нами в оконный проем, но, к счастью, никого не задела.

Некоторое время мы лежали на полу, свернувшись клубком. Придя в себя, я поднялся, чтобы осмотреть полученные ранения. Слава богу, особых последствий не было. Элизабет совсем не пострадала, а у меня появилось лишь несколько незначительных ссадин на лице и руках, да сильный ушиб на ноге, полученный от удара по тренажеру, о который я затормозил при падении.

Элизабет, ещё не отойдя от пережитого стресса, крепко вцепилась в меня руками и, уткнувшись головой в плечо, тихо всхлипывала.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату вбежал испуганный Сэмюэл. Вслед за ним волочился страховочный трос, который он не успел снять.

– Миста Джон и миста Элизабет живые?! Они не ранены?! Слава богу! Простите простите Сэмюэла! – выкрикнул он и, упав на колени, вскинул вверх руки.

Через несколько минут в спортзале появился и мистер Бриджел. Он находился где-то неподалеку и, услышав шум, прибежал сюда. Узнав причину переполоха, профессор испуганно носился вокруг нас, то и дело восклицая:

– Какое несчастье! Какое несчастье!

Весь следующий день Сэмюэл ходил понурый. Он беспрестанно извинялся, а я, как мог, пытался его успокоить.

Наступило время очередной тренировки, и мы с Сэмом спустились в спортзал. Все осколки в комнате были тщательно убраны, но полиэтиленовая плёнка, которой затянули ещё не застеклённое окно, колебалась на ветру, напоминая о вчерашнем происшествии.

Я лежал на гимнастической скамье и делал упражнение с разведением гантелей. Закончив, я отложил снаряды в сторону и попросил Сэмюэла помочь мне собрать штангу.

– Даже для миста Джона это много, – сказал он, надевая последний блин, и отошёл от скамьи.

– Посмотрим, – хитро подмигнул я.

– Ох, только из-за силы миста Джона Сэмюэл не стал убийцей, – продолжил он причитать, заламывая руки и искоса поглядывая то на штангу, то на истерзанную мной грушу.

– Да хватит уже тебе. Вот заладил... – сказал я добродушно и улёгся на скамью. – Слава богу, всё кончилось, и тебя никто не винит.

– Миста Джон уверен?

– Угу, – кивнул я, взявшись за гриф.

– Сэмюэл очень, очень рад! Спасибо миста Джону, – и он импульсивно рванул ко мне с распахнутыми для благодарного объятия руками.

Заметив, что я уже снял штангу со стойки, и она висит только за счёт силы моих рук, Сэм попытался остановиться. Он сообразил, что сейчас не самый подходящий момент для его эмоционального порыва, но лежащая возле скамьи гантель помешала ему. Не заметив её, Сэм споткнулся и полетел на меня. Штанга, утяжелённая весом Сэмюэла, устремилась напрямиком на моё горло. Всё произошло так быстро, что я даже не успел испугаться. Изменив траекторию падения смертельного груза, я чудом извернулся и упал на пол справа от скамьи. Штанга с лязгом рухнула слева. Сэм грохнулся сверху, прямо на гриф. Когда опасность миновала, по телу пробежала волна холода. Я содрогнулся от ужаса, осознав, что могло произойти.

Сэм приподнялся, почёсывая ушибленный бок.

– Ну почему, почему Сэмюэл такой неуклюжий?! Он опять чуть не сделал для миста Джона что-то очень плохое, – проревел он и, присев на колени, обхватил голову руками.

В спортзал вбежала Элизабет.

– Что за грохот?! Что опять стряслось?! – воскликнула она встревоженно.

Девушка вопросительно посмотрела на нас, и я вкратце поведал о случившемся.

– О, я чувствовала! Что-нибудь подобное должно было произойти, – заохала она. – Это не спортзал, а какая-то комната страха. Пойдём скорее отсюда, Джон. Тем более, тебе уже пора ставить капельницу.

Вернувшись к себе, я лег на кровать и привычно засучил рукав. Элизабет, стоя у столика с медикаментами, готовила раствор.

– Ну ты и супермен! И как только тебе удаётся так чётко реагировать на опасность?

– Видимо, чувствую себя гораздо уверенней, когда меня припирают к стенке. Да и угроза смерти, согласишься, неплохая мотивация, – отшутился я.

– Шутки шутками, Джон, но разве ты не понимаешь, что после вчерашнего нельзя было заниматься таким опасным делом, как работа с тяжестями. Ладно Сэмюэл, он совершенно не испорчен интеллектом, но от тебя я такого никак не ожидала, – укоряла меня Элизабет. – Понятно, что мужчины более толстокожие в эмоциональном плане, но всё же, не стоило так рисковать... Мы все ещё не отошли от стресса. Вот посмотри, у меня до сих пор руки трясутся, – она открыла ладони, демонстрируя своё состояние, и зацепила один из флаконов.

Жидкость растеклась по столику. Что-то привлекло внимание Элизабет. Я приподнял голову и увидел еле заметную полоску рассыпанного порошка.

– Хм... Что это? – Элизабет удивлённо выгнула бровь и насторожилась.

Поддев кончиком пальца несколько крупинок, она принялась. На секунду Элизабет замерла, разглядывая кристаллики, и что-то решив для себя, попробовала их на язык. Она долго вглядывалась в порошок и вдруг, наморщив лоб, воскликнула:

– Так вот оно как! Всё ясно! Нужно немедленно положить этому конец!

Девушка собрала частички вещества на бумажный лист и аккуратно свернула. Глаза Элизабет сверкнули решимостью, и она стремглав выскочила из комнаты.

[1] *Audentes fortuna juvat* (лат.) — удача сопутствует смелым.

Прошло несколько часов. На улице уже стемнело, а Элизабет всё не возвращалась. Во время обеда она тоже не появлялась. На мои вопросы о причине её отсутствия профессор только многозначительно отмалчивался.

Я встревоженно ходил по комнате, думая о внезапном исчезновении Элизабет.

"Что же её так взволновало? Что всё-таки произошло? А может..."

Чтобы отогнать дурные мысли, я решил отвлечься и стал перелистывать коллекционные книги профессора. Необычный заголовок одного из рассказов привлёк моё внимание. Он назывался "Человек с рассечённой губой". Перед глазами сразу всплыл суровый образ Майкла Маккензи. Герой рассказа совершенно не походил на сержанта, скорее наоборот. Это была история о репортёре, перевоплощавшемся в нищего ради наживы.

– Джон, ты здесь?!

Стук внезапно распахнувшейся двери заставил меня вздрогнуть. В комнату ворвалась Элизабет. Отбросив книгу в сторону, я вопросительно уставился на неё. Непривычный наряд девушки озадачил. Элизабет всегда представляла передо мной только в нежном и романтическом образе. Сейчас же на ней были высокие чёрные сапоги, кожаные штаны и байкерская куртка. Растрёпанные волосы перехватывала чёрная бандана. Её глаза блестели от слёз, а губы дрожали.

– Что? Что случилось, Бетти? Куда ты пропала?

– Потом расскажу. Пойдём! Скорее же! Нужно срочно взять в кабинете твои лекарства и бежать отсюда! – озабоченно протараторила Элизабет и в нетерпении дёрнула меня за руку.

Обескураженный, я послушно последовал за ней. Промчавшись по дому к соседнему крылу, мы мгновенно взлетели на второй этаж. В коридоре я споткнулся о чёрный мотоциклетный шлем. От удара он отскочил в сторону и громко звякнул о металл разбросанной вокруг рыцарской экипировки. В полумраке коридора среди царившего беспорядка я увидел тело лежащего в неестественной позе профессора. Рука мистера Бриджела крепко сжимала пистолет, а полоска света, пробивающаяся из-за приоткрытой двери кабинета, освещала рваную рану на его голове. Рядом растеклась лужица крови, окрасив седые волосы профессора пурпуром. Моё сердце замерло.

– Что здесь стряслось? Он мёртв, да? – вытаращил я глаза.

– Я всё объясню... Пойдём скорее...

– Да ты что, Бетти? Надо выяснить, что случилось.

– Он... он хотел нас убить...

– Как убить?! Профессор?! Давай позвоним в полицию.

– Нет! – взмолилась Элизабет. – Ты не понимаешь... Бриджел хотел нас убить! Какая полиция? Ты что, забыл, кто его брат? Они заодно... Нам необходимо сейчас же найти твои пилюли и быстро исчезнуть из этого проклятого дома.

– Это же...

– Джо-он! – крикнула девушка и впиалась в меня полным слёз умоляющим взглядом.

– Ты должен, должен поверить, или мы оба покойники!

Искренний испуг Элизабет и какое-то внутреннее чувство подсказывали, что ей можно довериться. После секундной заминки я кивнул. Воодушевлённая моим согласием, она ловко

перепрыгнула через безжизненное тело профессора, распахнула дверь кабинета и решительно потянула меня за рукав.

– Это самооборона, вопрос выживания... – скороговоркой твердила она. – Скорее, скорее же... Надо разыскать лекарства. Я бы и сама попробовала их найти, но одной было очень страшно... – Доставая один за другим ящики письменного стола, Элизабет вываливала их содержимое прямо на пол. – Ищи, ищи, Джон.

Заразившись её волнением, я подскочил к полкам и принялся рыться среди книг, коллекционных механизмов и разных диковинок. Я старался как можно бережнее передвигать экспонаты, но из-за спешки что-то всё равно с грохотом падало на пол.

За аккуратной стопкой фолиантов я неожиданно наткнулся на старинный сейф. Дверца была задекорирована так, что её нельзя было отличить от стены, но еле заметное отверстие ключевины выдавало тайник.

Я снял со стены кинжал, который, как мне запомнилось из рассказа профессора, назывался баллок. Он имел массивное, заточенное со всех сторон треугольное лезвие. Как и всё оружие в коллекции, кинжал был в идеальном состоянии – хоть сейчас иди в бой. Я вспомнил, как мистер Бриджел хитро ухмылялся, спрашивая:

"А вы знаете, почему у кинжала такое имя? Хе... Это самый мужской кинжал. Его рукоять имеет явно фаллическую форму. Обратите внимание, два шарика на гарде объединены с черенком. К тому же изначально рыцари их носили, крепя прямо на причинном месте. Отсюда и название 'баллок' – кинжал с яйцами. Уже позже историки-ханжи викторианской эпохи переименовали его в 'почечный кинжал', очевидно, желая приуменьшить сексуальный оттенок..."

Вспомнив рассказ, я улыбнулся и принялся расковыривать стену вокруг сейфа, чтобы отжать дверцу. Сделанный из толстого металла тайник не поддавался.

– Бетти, нужен ключ! – кивнул я на хранилище и машинально заткнул кинжал за ремень.

– Мне не попадался, – буркнула она, не отвлекаясь от поисков.

Через секунду мы одновременно посмотрели на тело учёного, виднеющееся за дверным проёмом, и почти хором вскрикнули:

– У него!

Я подбежал к профессору и наклонился над ним.

– Да он жив!

Приложив палец к артерии на шее, я наскоро осмотрел учёного.

– Рана поверхностная, максимум сотрясение мозга...

– Ясно, – поморщилась Элизабет.

– Думаю, скоро очнётся.

Я взял пистолет из руки профессора и засунул за пояс. Нащупав в кармане учёного ключ, я достал его и рванул к сейфу. В тайнике на груди каких-то бумаг словно долгожданный приз, красовались баночки с пилюлями.

– Ну вот, теперь можно будет закончить твоё лечение, – обрадовалась Элизабет. – А сейчас скорее беж...

Громкий стон за спиной прервал её, заставив нас обернуться. В дверном проёме над бездыханным телом профессора горой нависал Сэмюэл. Он оглядел устроенный нами погром и свирепо сверкнул глазами. Поднявшись во весь свой богатырский рост, Сэм вскинул вверх руки и заревел, точно раненый зверь:

– А-а-а! Миста Бридже-э-эл! Зачем, зачем миста Джон убил его?!

– Нет-нет, Сэм, всё не так... – попытался я оправдаться.

Глаза Сэмюэла налились кровью. Ничего не видя и не слыша он бросился на нас. Запихнув лекарства в карман, я заслонил Элизабет и опрокинул стеллаж на Сэма. Тот потерял равновесие и упал, погребённый книгами. За доли секунды разметав завал, он снова вскочил на ноги. Этих мгновений нам хватило, чтобы выскользнуть из кабинета.

Сэм сорвал со стены коллекционный моргенштерн ^[1] и понёсся за нами. Убегая, Элизабет поскользнулась на валявшемся в коридоре щите и с грохотом растянулась среди рыцарской амуниции. Сэм размахнулся. Я бросился к Элизабет и еле успел выдернуть щит, прикрыв им себя и девушку. Сэм наносил удар за ударом. Ядро мелькало в воздухе, сметая всё вокруг. Я поднялся и попятился назад, прячась за щитом. Элизабет в панике вцепилась в меня ногтями и, выглядывая из-за спины, вскрикивала при каждом ударе.

– Нет, нет! Не надо, Сэм!

Хорошо, что стены коридора и потолок не давали Сэмюэлу размахнуться как следует, иначе эта ужасная звезда средневековья, пробивающая тяжёлую броню, оставила бы от нас только кровавое месиво. Ядро крушило экспонаты, разнося в щепки мебель и выбивая куски стены. Защищаясь, я старался ставить щит так, чтобы удары приходились вскользь, но от яростного напора он весь покрылся рваными дырами и глубокими вмятинами. Казалось, еще чуть-чуть и наша последняя защита разлетится вдребезги.

Улучив момент, когда уставший Сэмюэл снизил темп, я оттеснил Элизабет в сторону, выхватил кинжал и, подскочив к противнику, полоснул его по запястью. Вскрикнув от боли, тот выронил цеп, схватившись другой рукой за рану. Отбросив щит, я тут же с силой ударил Сэмюэла в бровь. Он пошатнулся. С разворота я саданул пяткой ему в висок. Сэм ударился головой о стену, стёк на пол и затих, безвольно опустив голову на грудь. Широко раскинув ноги, он сидел в полном беспомоществе.

В этот момент в кармане профессора зазвонил мобильный. Учёный застонал и очнулся. Встав на четвереньки, он обвёл поле боя мутным непонимающим взглядом. Посмотрел на поверженного Сэмюэла, открытый сейф и разбросанные экспонаты, потрогал рукой рану на голове. Взгляд его стал осмысленным и злым.

– Что вы натворили, недоумки! – яростно заорал профессор.

– Джон, скорее! – воскликнула Элизабет и потянула меня к лестнице. – Там внизу мотоцикл!

Телефон продолжал надрываться. Мы рванули к входной двери.

– Это ты, Дэйв? – послышался за спиной голос профессора, наконец ответившего на звонок. –... Как ты узнал?.. А, сигнализация... Дэйв, они сбежали!.. Понял... Будут через пару минут?.. Всего два экипажа? Отправь ещё несколько, ты даже не представляешь, на что способен этот дикарь...

– Заводи мотоцикл, я сейчас! – крикнул я и побежал в свою комнату.

Когда Элизабет так стремительно увлекла меня в кабинет профессора, я совершенно не подумал о перстне и брелке. Схватив со столика у кровати пластиковый пакетик, я выбежал на улицу. Элизабет уже сидела на мотоцикле и газовала. Я вскочил на заднее сиденье, и мы помчались прочь.

– Зачем это им? – перекрикивал я рёв мотора.

Повернув голову вполборота, Элизабет прокричала:

– Он хоте... – звуки сирен прервали её на полуслове. – Полиция! – завопила она.

– Нужно спасаться!

Машины остановились, заблокировав дорогу. Элизабет резко затормозила в сотне ярдов от полицейского заслона. Я соскочил с мотоцикла и выхватил руль из её дрожащих рук.

– Дай мне бандану и поддержи сцепление! – крикнул я растерявшейся девушке.

Я сбросил крышку с бензобака. Выкрутив на полную мощность ручку газа, закрепил её в таком положении, подвязал банданой и снова перехватил руль. Полицейские рассредоточились, прячась за машинами, и направили на нас дула пистолетов.

– Опуститесь на колени и поднимите вверх руки, чтобы мы их видели. Шутить не советую – у нас приказ стрелять на поражение, – звучал в мегафон знакомый голос с хрипотцой.

– Сержант Маккензи... Бетти, внимание, – предупредил я. – На счёт три прыгай за обочину. Раз... два... три-и...

Я отпустил сцепление, мотоцикл с диким визгом понёсся в сторону полицейского форпоста. Элизабет бросилась в кусты. Я упал. Полицейские начали стрельбу. Мотоцикл, проехав некоторое расстояние, завиял и свалился на бок. Скользя по дороге, он по инерции понёсся дальше, пока удар о корпус полицейской машины не остановил его. Перекатившись, я выхватил пистолет и сделал несколько выстрелов. В темноте засверкали искры, высекаемые пулями о дорожное покрытие. Ручеёк топлива вспыхнул, огонь охватил бензобак. Пары горючего воспламенились. Раздался оглушительный взрыв, и полицейский заслон скрылся в клубах дыма. Пламя перекинулось на один из автомобилей, и тот тоже взлетел на воздух. Пальба прекратилась. Я бросился к Элизабет. Девушка, сжавшись от страха, сидела на корточках и прикрывала от грохота уши.

– Они же не убьют нас? Правда, Джон? – от ужаса она еле шевелила губами.

– Всё будет хорошо, – как можно увереннее ответил я.

Прячась за придорожными кустами, мы подобралась поближе к полицейским и стали наблюдать за происходящим. Одна машина была перевернута, другую отбросило в сторону. Раненые полицейские стонали рядом с покореженным транспортом, остальные в панике носились среди дыма и пыли.

Через несколько минут подъехало ещё три экипажа. Опасаясь пламени, прибывшие полицейские оставили технику подальше от огня и бросились спасать товарищей.

Воспользовавшись темнотой и всеобщей суматохой, мы пробрались к крайнему автомобилю и незаметно забрались внутрь. Я быстро завёл двигатель и рванул с места, протаранил одну из машин, сбросив её в кювет, и прострелил колеса другой. Полицейские с криками и пальбой кинулись за нами. Резко развернувшись, я помчался в сторону города. Одна из пуль попала в заднее стекло, и оно под визг Элизабет с дребезгом разлетелось по салону.

"Преступники на угнанной полицейской машине направляются к городу. У нас раненые. Весь транспорт выведен из строя. Преследовать не можем. Пришлите подкрепление и перекройте трассы..." – трещала полицейская рация.

Оторвавшись от полицейских, мы съехали на просёлочную дорогу. Чтобы не привлекать внимание, я выключил габаритные огни и стал удаляться от трассы.

Элизабет, потрясённая произошедшим, находилась в полной прострации. Её остекленевшие глаза бессмысленно смотрели куда-то вдаль.

– Всё будет хорошо, – снова произнёс я, стараясь подбодрить девушку.

– Угу, – ответила она, не выражая ни малейших эмоций, словно находилась где-то очень

далеко.

"Пусть отойдёт немного..." – подумал я.

Через некоторое время я заметил, что топливная стрелка начала резко падать.

– Бетти, нужна твоя помощь, – сказал я, видя, что моя спутница потихоньку приходит в себя.

Элизабет вопросительно посмотрела на меня.

– До города не дотянем – бензобак повреждён. Вся надежда на тебя. Кроме дома профессора, я здесь ничего не знаю. Есть какой-нибудь план?

Девушка задумалась и спустя минуту произнесла:

– В соседнем графстве у моего однокурсника Дэниеля Флореса есть небольшой домик. Когда я была студенткой, мы частенько собирались там с ребятами на выходные. В доме обычно никто не живёт – Дэн приезжает туда только отдохнуть. А если вдруг он и окажется на месте, то нас с радостью примет – раньше мы были очень дружны. К его деревне можно добраться на электричке, так что нам нужно любым способом оказаться на вокзале.

– Есть, босс! – сказал я шутливо и козырнул, стараясь её развеселить. – Готов следовать вашим указаниям.

Девушка в ответ устало улыбнулась.

– Кстати, тебя нагло прервали... Что все-таки произошло между тобой и профессором? – поинтересовался я.

Сев поудобнее, Элизабет тряхнула головой, как бы сбрасывая весь произошедший кошмар, и подробно рассказала о своих приключениях.

[1] *Morgenstern* (нем.) – утренняя звезда. Цеп с шаром, снабженным шипами, вид ударно-дробящего оружия.

Как я узнал, покинув мою комнату, Элизабет направилась напрямик к профессору.

– Мистер Бриджел, это нужно немедленно остановить! Джона хотят убить! – выпалила она, ворвавшись в кабинет.

– Погодите, дорогая мисс Стоун, не так быстро. Кто хочет убить? Изложите всё последовательно, – профессор успокаивающе взял девушку за руку и усадил в кресло напротив. – А теперь, рассказывайте, только, пожалуйста, не торопитесь.

Элизабет глубоко вдохнула и, немного успокоившись, поведала профессору об инциденте в спортзале.

– Сначала я решила, что это последствие вчерашнего происшествия...

– Абсолютно с вами согласен.

–...но когда готовила раствор для капельницы, обнаружила вот это, – Элизабет протянула свёрнутый лист.

Профессор осторожно раскрыл свёрток и принялся к содержимому.

– Запаха нет. И что? Как я должен, по-вашему, на это реагировать?

– А вы лизните. Ничего опасного, я пробовала.

Профессор нехотя отправил в рот несколько кристалликов.

– Обыкновенный хлорид калия.

– Я считаю, Джона хотели отравить!

– Да что вы, моя милая. Его можно хоть ложками хлебать. Взять хотя бы спортсменов. В своём рационе они используют хлорид калия как заменитель соли. Он совершенно безвреден.

– Неужели вы не понимаете?! Это как пища он не ядовит. А если его ввести в вену? Вы же знаете, профессор, ионы калия нарушают электролитический баланс крови и блокируют работу сердца. Если не ошибаюсь, это один из компонентов смертельной инъекции, которую использует правосудие некоторых стран. А порошок обнаружен именно возле капельницы! Джона точно хотели убить! Я сопоставила все факты, столько случайностей подряд не происходит... Несколько мешков хлорида калия я видела в ангаре у Сэма. Не знаю, зачем, но Сэмюэл хочет убить мистера Сэведжа. Нужно срочно вызвать полицию! Мистер Бриджел, свяжитесь со своим братом!

– Да успокойтесь вы! – прикрикнул профессор. – Зачем делать скоропалительные выводы и обвинять всех вокруг, а тем более безобидного Сэмюэла? Кто-кто, а он точно не додумается до столь хитроумного плана, да и не способен Сэм на такое. Естественно, трагическая судьба родственников повлияла на характер и интеллект Сэмюэла, но я абсолютно уверен в его преданности и полностью доверяю ему, ведь именно я вырастил и воспитал Сэма. И сейчас мне больно слышать от вас такие обвинения в его адрес. К тому же, я вижу, что Сэмюэл очень расположен к мистери Сэведжу и даже восхищается им. Как вы можете этого не замечать?

– Да, но...

– Моя милая мисс Стоун, никаких "но". Вы по-женски эмоциональны. Думаю, события последних дней выбили вас из равновесия, и я это прекрасно понимаю. Такое пережить... В том, что мешки хлорида калия есть в ангаре, нет ничего странного, ведь это довольно популярное удобрение. Я просто уверен, что порошок появился на столе без злого умысла.

Он мог попасть туда, например, с рукава Сэмюэла, после работы в саду, а мог быть принесён и через одежду мистера Сэведжа, ведь они часто контактируют. Или другим, бог весть каким, способом... Случай в спортзале был вызван последствиями стресса после вчерашнего события, как вы сами отметили, а первый инцидент – однозначно несчастный случай. Всё естественно и просто объясняется... А вам, моя дорогая, нужно немного отдохнуть. Съездите-ка куда-нибудь на недельку, а я пока сам здесь как-нибудь управлюсь. Развеетесь, отвлечётесь от пережитого, и с новыми силами продолжим...

– Ну как же, мистер Бриджел? А вдруг мои подозрения – правда? Нельзя же вот так бросить человека, если есть хоть малейший риск, – неуверенно возразила Элизабет.

– Послушайте, милая моя, – заметно разозлившись, процедил профессор. – Я совершенно не хочу, чтобы из-за женской истерики весь эксперимент провалился. Хорошо, пусть будет по-вашему. Я проконтролирую Сэмюэла, а мистер Сэведж будет под моей неусыпной опекой. Довольны? Это то, что вы хотели?

– Да, – кивнула девушка, совершенно подавленная напором профессора.

– Вы же прямо сейчас отправитесь в свою квартиру собираться в дорогу, – продолжал разгорячённый учёный. – Вечером подойдёте, я выдам вам отпускные. Считайте это приказом. В противном случае я буду вынужден вас уволить.

"Возможно, профессор прав, и я действительно излишне подозрительна из-за нервного перевозбуждения", – вздохнула девушка и вышла из кабинета.

– И ни в коем случае не делитесь с мистером Сэведжем вашими глупыми версиями. Он болен, и это только навредит ему! – крикнул вслед учёный.

Через несколько часов Элизабет вернулась. На улице уже начало темнеть. Девушка припарковала мотоцикл у ворот и, повесив мотоциклетный шлем на руку, вошла в дом. Во время сборов она ещё раз проанализировала разговор с профессором. Ей действительно нужно отдохнуть. Чтобы случайно не сболтнуть лишнего, со мной Элизабет решила не прощаться – ведь совсем скоро мы всё равно должны будем увидеться.

Девушка шла по погружённому в полумрак коридору, мечтая о предстоящей поездке. По совету друзей, чтобы побороть некоторые свои страхи, несколько месяцев назад она купила мотоцикл и вот сейчас решила провести отпуск на этом железном коне. Элизабет представила, как целую неделю будет колесить по стране. Может быть, даже успеет заскочить в родной городок, который не видела уже несколько лет. Воображение рисовало картинку весёлых встреч с университетскими приятелями и друзьями детства. Эти мысли заставили Элизабет улыбнуться. Все сомнения, беспокоившие её, испарились, и в приподнятом расположении духа она подошла к кабинету.

Из-за двери раздавался эмоциональный голос мистера Бриджела, говорившего по телефону. Тон беседы был настолько серьёзным, что Элизабет никак не могла отважиться прервать профессора своим стуком. Пару минут она простояла у двери, в нерешительности переступая с ноги на ногу, но разговор всё никак не прекращался. Природное любопытство взяло верх, и Элизабет прильнула ухом к двери.

–...ты должен, должен мне помочь! – почти кричал в трубку профессор. – Мне не на кого больше рассчитывать... Нет, нет... Этот парень оказался не так прост... Конечно... Он великолепный учёный. Мне кажется, он проводил свои работы в секретной лаборатории какого-то фармакологического гиганта. У кого ещё хватит денег на такие эксперименты? Да и зачем это держать в секрете? Ну да... Думаешь? Наверное, ты прав, Дэйв... Правительство или военные... Скорее, военные... Или спецслужба... Эти его боевые навыки и ужасные

шрамы по всему телу... Ага... Таблетки действительно работают... Нет, что ты. Современными методами невозможно так быстро восстановиться... Угу... Скоро он всё вспомнит, и мне настанет конец...

"Он явно говорит о Джоне", – насторожилась Элизабет.

Чтобы ничего не пропустить, она решила ещё чуть-чуть приоткрыть дверь. Старые петли предательски заскрипели.

– Секунду, Дэйв. Я сейчас.

Послышался звук приближающихся шагов. В панике Элизабет нырнула за одного из рыцарей. Присев на корточки в тени железного истукана, она так сильно вжалась спиной в холодную стену, будто хотела раствориться в камне. Открывающаяся дверь натужно затрещала, и в широкой полосе света появилась взъерошенная тень мистера Бриджела.

– Кто здесь? – Озираясь по сторонам, тень вертела головой. – Сэмюэл? Хм. Сквозняк что ли?

Дверные петли снова заскрипели, и коридор погрузился в полумрак. Любопытство перебороло страх, и Элизабет снова устремилась к кабинету. При плотно закрытой двери слова были не так хорошо слышны, но их можно было разобрать.

– ...всё не так... не так просто... – говорил профессор. – Понимаешь, у меня сейчас, так сказать, небольшой творческий кризис. А на последней конференции я выступил с докладом, в котором описал теорию этого найдёныша... Ну, естественно, от своего имени. Джона я представил как добровольца, согласившегося на эксперимент. Ты не представляешь, какой это был фурор... Меня называли гением! Самым выдающимся учёным современности... Таких эпитетов я ещё никогда не слышал... Нет, нет. Это лекарство точно сделает переворот в фармакологии... А кое-кто из коллег вообще пророчил мне Нобелевскую премию! Как-то я присутствовал в числе приглашённых на Нобелевском банкете. Если бы ты знал, как я тогда мечтал оказаться среди лауреатов... Да нет же. Что ты? Как я могу от этого отказаться?

В голове Элизабет всё сразу встало на свои места. Она увидела, какими болезнями страдала скрытая от всех душа профессора. Когда человек считается знатоком лишь одного дела, он всеми способами стремится поддерживать свой авторитет. Мистер Бриджел был замечательным популяризатором науки. Лектором от бога. Но как учёный, похоже, он был далеко не гениален. Элизабет вспомнилась старая грязная история, в которой был замешан Горацио Бриджел. Молодой учёный, партнёр профессора, обвинил его в присвоении открытия, того самого, которое сделало Бриджела знаменитым. Парня тогда затравили, и он то ли спился, то ли отправился добровольцем на Ближний Восток.

– ...кроме того, – продолжал профессор, – сразу несколько фармгигантов предложили мне очень сладкие контракты... Нет, братец, такой шанс выпадает только раз... Этим нужно пользоваться. Тем более сейчас. Ты же знаешь, я весь в долгах... А что мой образ жизни? Это необходимо для поддержания статуса нашей семьи. Если б не мои связи, ты бы до сих пор был патрульным в Портсмуте. Ты что, забыл, что свою должность получил лишь благодаря моей беседе с сэром Роджером?.. К тому же, у меня никого нет, кроме тебя, и после моей смерти всё достанется тебе с сыном... Да ладно, брось ты. Я уже давно не мальчик, а мы, к сожалению, не молодеем...

"Вот манипулятор!" – возмущенно подумала Элизабет. Каждый студент знал, что "этот удивительный профессор Бриджел" завещал особняк со всеми коллекциями университету в качестве музея истории и искусств.

"Да-а, ради удовлетворения своего тщеславия и гордыни он не остановится ни перед чем!" – промелькнуло в её голове.

– Дэйв, ты должен это сделать!.. – возмущенно визжал профессор. – Да я пробовал. У него слишком хорошая подготовка... Может быть... Этот увалень Сэм дважды провалил мой план... Правда, и у меня ничего не получилось... Девчонка обо всём догадалась... Конечно, её тоже нужно убрать, зачем лишние риски...

Услышав эти слова, Элизабет в ужасе отпрянула от двери и, споткнувшись об ногу рыцаря, упала на пол. Рыцарь с грохотом повалился на девушку. Латные доспехи и щит разлетелись в стороны.

– Я перезвоню! – крикнул учёный.

Послышался удар ящика стола и щелчок пистолетного затвора. Быстрые шаги приблизились к двери, и в коридор выскочил разъярённый профессор. Словно прибитая к полу, Элизабет продолжала сидеть, испуганно таращась на учёного.

– Эх, мисс Стоун, мисс Стоун. Ну зачем вы в это влезли? Мне жаль, но все обстоятельства против вас, – с притворным состраданием произнёс профессор. – А теперь медленно встаньте, – в голосе мистера Бриджела послышались безжалостные нотки, и он направил на девушку пистолет.

Элизабет начала плавно подниматься, будто находилась под гипнозом смотрящего на неё черного зрачка дула пистолета. Состояние всепоглощающего ужаса сковало её мысли. Вдруг какая-то внутренняя пружина заставила девушку резко выпрямиться.

"Умирать из-за нереализованных амбиций какого-то старого кретина... Ну уж нет!" – гневно подумала Элизабет и со всей злобой обрушила на голову профессора висевший на руке мотоциклетный шлем. От мощного удара он выскользнул и покатился по коридору. Профессор пошатнулся и рухнул, зацепив виском массивную ручку двери...

Дальше мы ехали молча.

"Ну и подонок! А казался таким... Убийца! Ещё и наивного Сэма впутал в эту грязь... Ладно меня, но Бетти, Бетти-то зачем..." – кипел я от возмущения.

Машина с трудом дотянула до окраины города. Мы откатали её в овраг и забросали ветками. Там же я бросил и пистолет, в котором не осталось патронов. Прячась в тени домов, мы побрели тихими улицами в сторону вокзала. Один из дворов чем-то привлёк внимание Элизабет, и она остановилась.

– Стой тут, я сейчас, – шепнула моя спутница и скрылась в темноте.

Минут через пять она появилась с охалкой одежды.

– Пришлось позаимствовать. Попробую вспомнить театральное детство, – девушка вывалила ворох барахла на траву.

Мне досталось выдавшее виды длинное пальто грязно-зелёного цвета, не первой свежести чёрная широкополая шляпа и потрескавшиеся кожаные ботинки со шнуровкой и длинными голенищами.

– Ну как? – Бетти с улыбкой посмотрела на мой гардероб.

– Пойдёт. Только тянет в некоторых местах, – я демонстративно свёл руки перед грудью. Материал натянулся и чуть не разошёлся по шву.

– Стой, стой, Джон. Там, где я была, твои размеры уже разобрали, а до следующего поступления мы не дотянем. Так что будь паинькой и потерпи немного.

– Хорошо, я не привередливый. А ты, как я понимаю, была на распродаже коллекций для защитников садово-огородных угодий?

– Что?

– Ну, для местных пугал.

Элизабет хихикнула. Придирчиво оглядев мой наряд, она подняла воротник пальто и напялила шляпу глубже на голову, чтобы скрыть лицо. Самой Элизабет досталась мальчишеская куртка и цветастая вязаная шапочка.

– Зато теперь нас никто не узнает, приняв за папу с сыном. – Она натянула головной убор до бровей, спрятав под ним длинные волосы.

Я ещё раз оглядел себя. Перед глазами всплыли образы из книг профессора, которые я в большом количестве проглотил за последнее время, чтобы побыстрее вспомнить этот мир.

– Послушай, Бетти, тебя не смущает, что я одет, как типичный сыщик или шпион?

– Кхм... Шпион? На, взгляни, – давась от смеха, девушка вытащила из кармана зеркальце и протянула мне.

Из-за ссадин, полученных при спасении от камнепада, я не брился, и на моём лице проступила щетина. Битва с полицейскими оставила выразительные следы в виде грязи и копоты... Всё это в комплексе с новым нарядом делало мой вид безнадёжно потрёпанным. Да, сейчас меня можно было принять скорее за опустившегося на самое дно общества маргинала. Я весело рассмеялся.

– Пожалуй, насчёт "типичного" я погорячился.

Продолжая шутить над нашим одеянием, мы добрались до вокзала. Шагах в пятидесяти от входа Элизабет остановилась.

– Я на разведку, а ты побудь здесь, – бросила она и побежала к входной двери.

В ожидании спутницы я привалился к стене и от нечего делать принялся рассматривать прохожих. Краем глаза я заметил полицейский патруль. Двое стражей порядка, заглядывая в какую-то листовку, внимательно изучали проходящих мимо людей. Чтобы не быть узнанным, я нелепо обхватил растопыренными пальцами нижнюю часть лица и посмотрел на опасную парочку осоловевшими глазами. Другой рукой сквозь дырявый карман пальто я машинально сжал рукоятку кинжала, позаимствованного в кабинете профессора. Брезгливо взглянув на меня, полицейские прошли мимо, видимо, приняв за подвыпившего бродягу. Через несколько шагов один из полицейских резко остановился, будто вспомнил что-то очень важное.

– погоди минутку, Паркер, я кое-что проверю, – сказал он и направился в мою сторону.

Это был Рик, тот самый констебль, который нашёл меня на скамейке парка. Вспомнив прочитанный у профессора рассказ о перевоплощении репортёра, я решил притвориться нищим. Искривив в пьяной гримасе лицо, я сел на землю. Какая-то песня из неведомого прошлого всплыла в памяти. Необъяснимо защемило душу. Я запел. Мелодия была очень мощной. В ней слышались боль, борьба и надежда. Песня пробуждала внутренние чувства и, как мне казалось, могла растрогать любого.

– слышь, О'Брайен, ты что, не видишь – это же профессиональный попрошайка? Не стоит тратить на него время. Не забыл, что у нас серьёзное задание? – торопил моего знакомого напарник. – Или хочешь ему милостыню подать? Ненавижу, когда здоровые жлобы вроде этого, вместо того чтобы работать и кормить семью, побираются, выдавливая слезу у сердобольных лопухов...

– Да вижу я, вижу. Просто мне показалось... Ладно, пойдем, – Рик махнул рукой и вернулся к коллеге.

Необычный напев привлёк нескольких зевак, они образовали полукруг и зачарованно слушали. Кто-то, расчувствовавшись, даже бросил несколько монет в шляпу. Среди голов пассажиров, выходящих из дверей вокзала, показалась яркая шапочка Элизабет. Я замолчал. Народ, немного потоптавшись вокруг, разошёлся. Элизабет подбежала ко мне и, увидев расходящихся людей, восхищенно спросила:

– Так это ты так проникновенно пел?

– Угу, – кивнул я.

– Какая странная мелодия. Никогда не слышала ничего подобного. Откуда она?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Что там на вокзале?

– Да ну, – Элизабет махнула рукой. – Похоже, мой кошелек сгорел вместе с мотоциклом, так что билеты купить не на что, а поезд уходит через десять минут. Не представляю, как нам пробраться на перрон...

– Этого хватит? – я протянул ей горсть монет из шляпы.

Девушка удивлённо уставилась на меня.

– Ну ты даёшь! Стоило на несколько минут отойти, а ты уже целый капитал сколотил, – смеялась она, пересчитывая мелочь.

– Ну, так хватит?

– Не на весь маршрут, конечно, но пару станций сможем проехать честно. А дальше, если что, будем бегать от контролёров. Надеюсь, справимся.

В туалетной комнате поезда, чтобы не привлекать внимание, мы избавились от "позаимствованной" одежды, умылись и как могли привели себя в порядок.

Мы сидели в полупустом вагоне, отходя от выпавших на нашу долю испытаний. За

окном мелькала сплошная серая масса из домов и деревьев.

– До нашей станции осталось минут пятнадцать, – сказала Элизабет.

– Хорошо, – задумчиво ответил я.

– Надеюсь, за это время не появится никаких контролёров, и не случится ничего опасного...

Словно назло произнесённым словам в кармане Элизабет задребезжал звонок. Девушка удивлённо вытаскила телефон и, сбросив вызов, вытаращилась на меня.

– Это Бриджел! – испуганно прошептала она.

– Они смогут по нему отследить наше местоположение? – насторожился я.

– Полиция? Думаю, да...

– Отключи все сигналы и дай мне аппарат.

Пока Элизабет колдовала над телефоном, я огляделся. В соседнем ряду за нашей спиной молодой человек в новеньком костюме и галстуке самозабвенно вчитывался в текст на экране ноутбука.

– Простите, сэр... – обратился я к нему, перегнувшись через спинку кресла.

– Да, – вздрогнул он от неожиданности.

– Вы не подскажите, в этом поезде есть буфет?

– Через два вагона, в ту сторону, – махнул он рукой, показывая направление.

– Спасибо, – сказал я и повернулся к Элизабет. – Дорогая, пойдём чем-нибудь перекусим, нам ещё не меньше часа ехать.

Я потянул девушку за руку, и мы направились к выходу.

– А где телефон? – прошептала она.

– Не беспокойся. У того парня в кармане.

Когда мы вышли на маленькой станции с одной платформой, уже наступила полночь. Наше новое убежище находилось буквально в нескольких минутах ходьбы.

Домик был совсем небольшим и казался заброшенным. Ограда местами покосилась, а давно не стриженная трава доставала до пояса. Сквозь мокрые от росы заросли мы пробрались к крыльцу. Элизабет со знанием дела отодвинула боковую дощечку одной из ступенек и ловко извлекла из тайника ключ.

– Вуаля. – Она радостно покрутила ключом. – Всё по-прежнему. Как хорошо, что Дэн не меняет привычек.

Я довольно ухмыльнулся в ответ. Преодолев скрипучую дощатую веранду, мы вошли в дом. Элизабет шмыгнула в темноту и через пару секунд зажгётся свет.

Внутренняя обстановка оказалась неожиданно уютной. Гостиную украшал сложенный из прокопчённого камня внушительного вида камин, рядом с которым громоздился приличный запас дров. На полу лежали звериные шкуры, а со стен, словно живые, смотрели головы их хозяев.

– Дэн заядлый охотник, – перехватила мой заинтересованный взгляд Элизабет. – Это у них семейное. Отец с раннего детства прирастил его к такому хобби.

Я кивнул и стал рассматривать фотографии, которых здесь было великое множество. Все они изображали либо сцены охоты, либо счастливых людей, гордо демонстрирующих трофеи.

– Разжигай камин и располагайся, а я пока поищу, что-нибудь поесть, – Элизабет указала на стоящий посреди комнаты диван, обтянутый грубой кожей, и по-хозяйски направилась на кухню.

После непродолжительного хлопанья дверцами я услышал радостное восклицание:

– О, Дэн, спасибо! Теперь мы точно не умрём с голоду.

Минут через десять в дверях появилась Элизабет с нагруженным подносом в руках. Наш поздний ужин состоял из чая, сухих хлебцев, масла и джема. Удобно устроившись за столиком у камина, мы жадно набросились на еду.

– Как и обещала, я доставила нас в тихое местечко. Что будем делать дальше? – спросила Элизабет, весело похрустывая хлебцами

– Ну-у, – отозвался я, намазывая очередной тост. – Ситуация скверная. Пока память не подскажет, кто я и откуда, сложно сообразить, что делать.

– Ещё два дня до окончания курса лечения. Как думаешь, продержимся тут?

– Надеюсь. Меня беспокоит другое: я не уверен в результатах. Сама видишь, мои воспоминания становятся всё больше оторванными от реальности. Похоже, я допустил какую-то ошибку в формуле... или мой случай не поддаётся лечению Элафрином.

– Но Оттоклевит-то сработал!

– Это да... И откуда-то у меня взялись эти необычные знания. Может, пока не закончен курс, имеет смысл порыться в интернете? Вдруг повезёт.

– Согласна. Вылезать отсюда сейчас неразумно. Но есть ещё одна проблемка... У нас нет ни цента. Для властей мы преступники. Обвинить профессора без веских доказательств мы не сможем. Так что, неизвестно, сколько нам придётся тут торчать, а запасов в доме больше чем на пару дней не хватит.

– Может, продадим перстень? По словам профессора, за него можно приличную сумму выручить.

– Рискованно, конечно... Он наверняка проходит по ориентировке, но попробовать можно. К тому же перстень поможет разъяснить хоть что-нибудь о тебе.

– Ага, сразу двух зайцев убьём.

– Будем надеяться, что всё получится. Только, пожалуйста, Джон, давай отложим это на утро. Совсем с ног валюсь, и голова уже ничего не соображает... – вяло ответила Элизабет, заметно разморённая от еды и тепла камина.

Проспали мы почти до полудня. Стресс отнял у нас последние силы, а в этой глуши мы чувствовали себя в полной безопасности и смогли расслабиться. После завтрака я принял предпоследнюю порцию лекарств.

Элизабет привела меня в комнатку на мансардном этаже, в которой был оборудован кабинет Дэниеля. Возле выходящего во двор окна стоял письменный стол, застеленный мягким пластиковым листом, из-под которого просвечивала большая фотография. С группового снимка весело улыбались два десятка человек, одетые в длиннополые мантии и забавные четырехугольные шапочки с кисточками. Среди них я заметил и Элизабет.

– Смотри, Бетти, это же ты! – воскликнул я.

– Ага. Это наш выпускной.

На столе стоял внушительных размеров монитор, рядом с которым лежали наушники и большой микрофон на подставке. Похоже, Дэниель был не прочь потрепаться с друзьями, находясь вдали от цивилизации. Мы уселись за компьютером и принялись прочёсывать интернет.

Первым, что попало нам на глаза, был новостной ролик, в котором брали интервью у Дэвида Бриджела. Брат профессора стоял на крыльце особняка в окружении репортёров. Измученный журналистами и жарой, он вытирал выступившие на лысине крупные капли пота и усталым голосом отвечал на бесконечные вопросы.

"Владеете ли вы хоть какой-нибудь информацией о нарушителе?" – спрашивал суетливый журналист, тыча в лицо Бриджела-младшего микрофон.

"Да. Нам известно, что это особо опасный преступник Джон Сэведж. Под покровом ночи бандит проник в дом к известному учёному Горацио Бриджелу. Жестоко избив пожилого профессора и его помощника мистера Пикока, злодей выведаль, где хранятся ценности, и похитил их"

"Были ли раньше замечены в преступлениях этот человек?"

"Правильный вопрос. Джон Сэведж уже не в первый раз попадает в поле зрения полиции. Это известный рецидивист с богатым криминальным прошлым. Он вооружён, опытен и очень опасен".

"Известно, где сейчас находится преступник?"

"К сожалению, нет. Сэведжу удалось взять в заложники ассистентку профессора Бриджела – мисс Стоун, что сорвало попытку его захвата. Прикрываясь заложницей, преступник ранил нескольких стражей порядка и ускользнул от преследования".

"Вот такие нешуточные страсти кипят в тихих предместьях нашего города, – репортёр театрально выпучил глаза. – Будьте бдительны. Посмотрите, как выглядят бандит и его несчастная жертва. Если у вас есть информация о преступнике, позвоните по телефонам, указанным под фотографией. За сведения о Диком Джоне и помощь в его поимке объявлена премия в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов..."

Когда на экране появилась фотография, я ахнул от удивления. На ней было запечатлено, как я схватил ошалевшую от ужаса Элизабет и куда-то тащу её. Похоже, одна из многочисленных камер видеонаблюдения, установленных в особняке профессора, зафиксировала момент, когда я спасал Элизабет от камнепада.

– Вот это шоу! Надо же, "Дикий Джон"! Если б я не знала всей правды, то решила бы

что ты воплощение абсолютного зла.

– Угу, – только и смог выдавить я, возмущенный изошрённой ложью.

– Что тебя искать? Ты же везде, просто звезда экрана, – грустно пошутила Элизабет.

– Хорошо, что никто не знает о нашем убежище.

– Надолго ли? С такой шумихой особо не попрячешься... Нам нельзя терять ни минуты. Хотя, что это я? Мы... Тебе нужно идти в полицию. Зачем рисковать? Преступником объявлен только я. Да и затеряться одному проще.

– Смерти моей хочешь? Забыл, что профессор приказал и меня убить?

– Что-то я об этом не подумал...

– Эгоист! Проще ему "одному затеряться"... Да далеко ли ты скроешься с такой дырой в памяти? Нет уж. Теперь мы связаны до тех пор, пока не выберемся из этой передрыги.

– Ну, ладно, ладно. Извини, если обидел, – стусеивался я под напором праведного гнева, и мы устремились в глубины интернета на поиски перстня.

Какими же прекрасными бывают ювелирные изделия! А какие интереснейшие истории и легенды связаны с некоторыми из них! А цены.... Стоимость на отдельные экземпляры выражается десятками миллионов фунтов.

– Вот бы и наше колечко оказалось таким же ценным... – мечтательно произнесла Элизабет.

Долгое любование ювелирными красотами в сети так и не помогло нам обнаружить никаких следов.

– Давай попробуем выяснить у специалистов? – с досадой предложила Элизабет. – Я щёлкну перстень на свой смартфон, закинем картинку на форум и спросим, вдруг кто-то поможет.

– Давай.

Элизабет принялась хлопать себя по карманам.

– Ой. Мы же от него избавились... – расстроилась девушка. – Хотя, ладно, воспользуемся вебкамерой компьютера.

Мы сфотографировали перстень и разместили его изображение на интернет-площадку, где общались в сети антиквары и ювелиры. Ответы были мало обнадеживающими. Как мы узнали, наш перстень не проходил ни по каким каталогам и, вероятно, не представлял художественной или исторической ценности. Оправа интересная, камень похож на кашмирский сапфир... Но делать какие-то выводы по картинке никто не решался.

– Увы, – огорчённо вздохнула Элизабет. – Похоже, это тупиковый путь. Перстень, скорее всего, пустышка, – сделала она неутешительный вывод. – Что дальше?

– Ну, надежда умирает последней. Когда выберемся отсюда, попробуем показать его профессионалу вживую.

– А сейчас? Сейчас-то что делать?

– Ну-у... Может, полицейские что-то пропустили? Давай попробуем порыться среди пропавших без вести?

– Сомневаюсь, что это поможет, но давай попробуем. Других идей всё равно нет...

Количество людей, пропадающих в Великобритании, ошеломило. За прошлый год их насчитывалось около сотни тысяч! Увидев такую огромную цифру, мы загрустили. Но оказалось, что большая часть исчезнувших – дети, а половина оставшихся – женщины. Мы просеяли информацию о пропавших мужчинах через фильтры роста, возраста, расы и отбросили неподходящие приметы. Цифра всё равно оставалась внушительной. Просмотрев

бесконечное количество фотографий, прочитав море отчётов, рассказов и свидетельских показаний, мы так и не смогли обнаружить ни малейшей зацепки.

Элизабет заметно нервничала, её страх ощущался почти физически.

– Ну что за невезенье! – воскликнула она чуть не плача. – Джон, а может, ты какой-нибудь засекреченный агент, и поэтому о тебе ничего не известно?

– Может...

– А вдруг и того хуже: какой-нибудь диверсант, заброшенный в нашу страну?

– Всё возможно... – вздохнул я.

Элизабет задумалась.

– Послушай, Джон, ты же не мог родиться со своими знаниями? Где-то тебя должны были обучать, – внезапно озарило девушку. – Давай поищем среди выпускников учебных заведений?

– Отличная мысль, – согласился я.

Мы выбрали подходящие специальности, примерные годы выпуска и с новыми силами бросились на поиски... Потом перебрали всех учёных. Вспомнив слова профессора, прошерстили фармакологические компании, нашли какие-то скудные сведения о военных лабораториях. Элизабет скачала где-то программу распознавания лиц. Но, увы – всё без толку. Совсем отчаявшись, мы взялись за псевдонаучные сайты...

– Дэн, дружище! Почему не предупредил, что приедешь?! – вопил мужской голос.

Внезапный возглас застал нас врасплох.

– Неужели нас так быстро нашли? – испуганно прошептала Элизабет.

Я встал из-за стола и тихо вышел из кабинета. Спрятавшись за столбом галереи, я стал внимательно наблюдать за дверью прихожей. Элизабет затаилась за моей спиной. Дверь с грохотом распахнулась, и в прихожую ввалился молодой человек лет двадцати семи. Он был худощавого телосложения, чуть ниже меня ростом и носил очки с сильно увеличивающими линзами. На парне были высокие болотные сапоги, мокрый от дождя брезентовый плащ с капюшоном и непромокаемые штаны.

– Это Питер, сосед Дэниеля. Надеюсь, ему пока ничего неизвестно, – тихо сказала девушка и неожиданно выкрикнула: – Привет, Питти!

Пытаясь скрыть волнение, она постаралась вложить в голос как можно больше непосредственности. Нежданный гость снял очки и протёр запотевшие линзы. Прищурив глаза, он посмотрел на Элизабет.

– О, Бетти! Неужели ты? Сколько же мы не виделись? Как твои дела? А где Дэн? – Питер радостно забрасывал её вопросами.

Раскрыв объятия, он пошёл навстречу. Маскируя страх, девушка бросилась к нему и потянула меня за собой.

– Это Питер Рэддинг, друг детства Дэниеля, – Элизабет указала рукой на гостя. – А это Адам – мой жених, – представила меня девушка. Она нежно обняла меня и чмокнула в щёку. – Мы решили спрятаться здесь от мира и, само собой, Дэна с собой не взяли, – рассмеялась она.

– Адам... Адам Уорвик, – протянул я руку Питеру, назвав первую всплывшую в памяти фамилию из исторических рассказов профессора.

– Ну, Адам, дружище, тебе и повезло. Такую красавицу отхватил. Мы с парнями о ней могли только мечтать, – энергично тряс мою руку Питер. – Уж я бы не стоял как вкопанный, когда меня целует такая куколка. Завидую страшно.

Блестящие глаза Питера горели. От него так и веяло здоровьем и сумасбродством. Лицо парня показалось мне очень знакомым.

"Где же я его видел? Где? Нет... вряд ли... наверное, показалось".

– А я три дня на рыбалке был. Друзья пригласили, – сказал Питер, поправляя пятернёй короткие соломенные волосы. – Нужно же иногда отдыхать, вот я и решил гульнуть. Проезжаю – смотрю, свет горит. Думаю, неужели Дэн посетил родные пенаты? О, что это я? – встрепенулся он. – Я такую рыбку поймал. Сейчас угощу. Никакие отказы не принимаются. Она в багажнике, – сказал Питер и, сорвавшись с места, выскочил за дверь.

Я отодвинул занавеску и посмотрел в окно. Под нещадно лившим дождём Питер подбежал к старенькому красному пикапу, стоящему у калитки, и открыл багажник.

– Между прочим, Пит служит в полиции. Может, он действительно ничего не знает? – шепнула мне через плечо Элизабет. – Нам нужно не проколоться, чтобы он ничего не заподозрил. Подыгрывай мне.

Я согласно кивнул. Буквально через минуту Питер вернулся со здоровенной, больше трех футов^[1] длиной, щукой.

– Во какая красавица, – он довольно улыбнулся и гордо продемонстрировал добычу. – Мой рекорд. Она весит почти сорок фунтов^[2]! Если б кто рассказал, не поверил бы. А тут на тебе, сам поймал. Ваш приезд очень кстати, будет с кем разделить мою маленькую радость.

Питер оказался замечательным кулинаром. Приготовив шикарный ужин, он принёс из дома пару бутылок рислинга. Мы сидели за праздничным столом, который неожиданно организовал сосед.

– Пит всегда был душой компании и мог как бы невзначай создать праздник, – рассказывала Элизабет. – Кстати, где твоя знаменитая цветастая рубашка, Немец?

– Ну, я же не знал, что будет вечеринка, – улыбнулся Питер.

– Почему "немец"? – удивился я.

– Да он лучше многих коренных немцев знает их язык и любого профессора заткнёт за пояс в вопросах германской истории. Это его любимый конёк, – ответила Элизабет.

– На самом деле я почти чистокровный англичанин. Почти, потому что мой дед русский.

– Ух ты! – воскликнула Элизабет. – Всегда хотелось увидеть Красную площадь.

– Не, Красную площадь я не видел, хотя и ездил один раз в Россию. До Москвы не добрался, был только в Санкт-Петербурге. Очень красивый город.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мы болтали на самые разные темы. Питер действительно оказался настоящим балагуром. Он постоянно подтрунивал над собой, надо мной, над Бетти, над старыми друзьями. Они с Элизабет задорно смеялись, вспоминая истории совместных вечеринок. Заразившись весельем, я радовался вместе с ними, позабыв обо всех невзгодах.

– Кстати, если не секрет, как вы познакомились? – неожиданно спросил Питер.

Мне показалось, что в его голосе послышались нотки подозрительности.

"Бетти как-то далеко отодвинулась. Так не должно быть у влюблённых..." – подумал я.

Словно прочитав мои мысли, Элизабет естественным движением забралась ко мне на колени и, обняв, стала ласково крутить мои волосы пальцами.

– Адам – учёный. Я его заприметила, когда мы с шефом ездили на конференцию, – сказала девушка, влюблённо глядя на меня.

"У неё действительно актерский талант, – подумал я. – Или..."

– Учёный? Никогда б не подумал. С такими физическими данными ты скорее похож на спортсмена, ну, или на военного. А если при таких параметрах ещё и котелок варит, то действительно неплохо.

– Вот именно! И я не смогла устоять перед его интеллектом, да и других талантов у моего Адама немало, – Элизабет хитро улыбнулась и поцеловала меня.

Поцелуй получился настолько страстным, что любой скептик отбросил бы все сомнения.

– Ну, всё, голубки. С вами хорошо, но уже совсем поздно. Вы люди свободные, а мне с утра на работу. Да и вам уже, наверное, хочется побыть наедине, – лукаво подмигнул Питер. – Сейчас приду домой и сразу свалюсь спать, а то на рыбалке так вымотался... Нескучной ночи. Завтра увидимся.

На следующий день мы действительно встретились, но совершенно не так, как можно было ожидать...

[1] Фут равен примерно тридцати с половиной сантиметрам.

[2] Английский фунт соответствует примерно четырёмстам пятидесяти граммам.

– Нужно бежать. Он сдаст нас, если узнает, кто мы, – сказал я, как только Питер вышел за дверь.

– Нет, Пит не сделает этого. Хотя... Да в любом случае, ночью, без денег мы далеко не уйдём. Машины у нас нет, дождь смотри какой хлещет... Любой, случайно увидевший нас человек, заподозрит что-то неладное, и каждый полицейский заинтересуется, что мы делаем в такой ливень на улице среди ночи. Давай лучше с самого раннего утра попробуем пробраться на первую же электричку и отправиться на север, подальше от этих мест. Ты как раз последние лекарства выпьешь... – предложила Элизабет.

Это было рискованно, но я всё же согласился.

Ночь я провёл почти без сна. В каждом шорохе мне мерещилась полицейская облава. Элизабет я разбудил ещё до рассвета. Перед дорогой мы наскоро позавтракали. Не успел я принять последнюю дозу лекарств, как вдруг раздался зычный голос Дэвида Бриджела.

– Сэведж, дом окружён! Выходи с поднятыми руками, если не хочешь, чтобы твоя девчонка случайно пострадала! – кричал он в громкоговоритель.

Мы в ужасе замерли.

– Попробую выяснить, что происходит, – вскочил я и вихрем взлетел в кабинет на мансарде.

Оттуда можно было лучше оценить обстановку, оставаясь незамеченным. Прячась в тени, я осторожно приоткрыл окно и посмотрел наружу. На пригорке стояла полицейская машина, за которой укрывалось пять человек. Кроме Дэвида Бриджела, там был его брат с перевязанной головой, Сэмюэл, наш сосед Питер и сержант с рассечённой губой. Враги очень выгодно расположились для осады – весь дом был перед ними как на ладони. Видимо, после истории с разгромом полицейского заслона на дороге они боялись подойти ближе. Было件нятно, что цель профессора – убить нас, и я пожалел, что у меня нет пистолета.

Я прислушался к речи, но слова растворились в шуме улицы. Выдернув из-под монитора пластик, я быстро свернул его в конус и закрепил канцелярскими скрепками. Получилось нечто среднее между колпаком и шляпой вьетнамских крестьян. Достав баллок, я срезал вершину конуса и запихнул туда настроенный на максимальную чувствительность микрофон. Кинжал на всякий случай я заткнул за длинное голенище ботинка. Не знаю, откуда появились эти навыки, но изготовление примитивного микрофона направленного действия заняло у меня чуть больше минуты.

Я надел наушники и высунул приспособление в окно, стараясь, чтобы его не заметили люди профессора. Теперь все, даже малейшие звуки с пригорка были чётко различимы.

–...никто из них не должен остаться живым, – шипел профессор.

– Да после того, что он сотворил с моими ребятами, я с превеликим удовольствием собственными руками разорву этого найдёныша, – злобно ответил Маккензи.

– Пойдите! Вы же сказали, что будете ждать местных полицейских. Как это никого не оставить в живых? – удивленно спросил Питер, пятясь назад. – Ведь девушка заложница. Давайте подождём. Сейчас подъедут ребята, и мы возьмём его без крови.

– Тем более нужно спешить. Вы, молодой человек, получите обещанное вознаграждение и даже гораздо больше от меня лично. Двести тысяч вас устроит? Поверьте, в ваших интересах помогать нам, – нервно сказал мистер Бриджел.

– Не нужны мне ваши деньги, – возмутился Питер. – Я не позволю убивать невинных лю...

– Ваше право, – оборвал его профессор и кивнул Сэмюэлу, стоявшему за спиной полицейского.

Сэмюэл вскинул вверх руки с зажатым в них камнем и с силой опустил его на голову Питера. Очки от удара слетели, пошатнувшись, Питер упал на землю.

– Смотрите, он там! – увидев меня, гаркнул Бриджел-младший и выстрелил.

Многократно усиленный звук чуть не разорвал перепонки. Сорвав наушники, я залёг на полу.

– Стреляйте! Давайте выкурим их! – орал Дэвид.

Шквал пуль накрыл дом. Сквозь грохот послышался испуганный крик Элизабет. Я вскочил и кубарем скатился вниз.

Бетти кружилась по комнате в вихре летящих осколков и щепок. Ошалев от страха, она беспомощно закрывала лицо руками.

– Быстро на пол! – крикнул я, прыгнул на послушно упавшую девушку и закрыл её собой.

Гостиная с пригорка хорошо простреливалась, и каждую секунду шальная пуля могла зацепить нас.

"Бетти не должна пострадать. Она тут ни при чём".

Дождавшись момента, когда осаждавшие перезаряжали оружие и грохот на секунду смолк, я прокричал:

– Хорошо, хорошо! Я выхожу! – и, направляясь к двери, прошептал девушке: – Бетти, я их отвлеку, а ты беги через окно кухни.

С высоко поднятыми руками я вышел на улицу.

– Так-то лучше, – сказал Дэвид Бриджел, прицелившись в меня.

Всё внимание врагов было сконцентрировано на осаде дома, и никто не заметил, что Питер пришёл в себя. Краем глаза я увидел, как он приподнялся на локтях и выстрелил, попав полисмену в голову. Рука Бриджела-младшего дрогнула, и он рухнул на землю. Пуля от выстрела, который полицейский всё же успел сделать, просвистела буквально в нескольких дюймах от моего лица. Увидев, что Питер теперь целится в профессора, Сэмюэл бросился между ним и мистером Бриджелом. Остановив собой пулю, преданный пёс упал к ногам хозяина. Профессор метнулся в сторону и спрятался за открытой дверцей машины.

– Успокой этого убудка, Маккензи! – заорал он и направил дуло пистолета на меня.

Я пригнулся и сиганул с крыльца. Профессор оказался не самым опытным стрелком – пули пролетали мимо. Сделав несколько кувырков, я достал из-за голенища баллок и что есть мочи метнул в профессора. Раскрошив зубы, кинжал почти по рукоятку вошел в глотку профессора. Удивлённо вытаращив глаза, он вскинул вверх руки и рухнул лицом на капот автомобиля. Удар ещё глубже вогнал кинжал в голову, и острое лезвие выскочило у основания черепа. Не теряя времени, я бросился на остолбеневшего сержанта и сбил его с ног.

Когда всё стихло, Элизабет осторожно выглянула из дома. С ужасом оглядев поле боя, она подбежала ко мне. Её бледное лицо было мокрым от слез, губы дрожали.

– Жив... жив... – прошептала Элизабет и, то ли радуясь, то ли ища поддержки, повисла на моей шее, крепко обхватив её руками.

Питер покачиваясь подошёл к нам. С его лба стекали грязные ручейки крови, а

перекошенные очки еле держались на переносице.

– Адам.... Хм... Джон. Извини... – Он обнял нас за плечи, наклонив окровавленную голову. – Бетти, а ведь я ехал спасать тебя от опасного преступника. Прости, что так вышло...

Так мы простояли несколько минут, не проронив ни слова, пока рёв сирен подъезжающих автомобилей не заставил нас вздрогнуть.

– Всем на колени и поднять руки! – Полицейские высыпали из машин и направили на нас стволы.

– Стойте! Стойте! – побежал к ним Питер, размахивая руками. – Не стрелять! Они не опасны. Лучше оприходуйте того фрукта, – показывал он на связанного сержанта.

Полицейские, узнав коллегу и убедившись, что мы действительно не представляем угрозы, опустили оружие. Надев на меня и Элизабет наручники, они усадили нас в машину и, затолкнув следом сержанта, повезли в отделение. Остальные экипажи остались исследовать место нашей боевой славы.

В полицейском управлении детективы допрашивали нас несколько часов.

– ...пользуясь служебным положением брата, профессор Горацио Бриджел хотел убить Джона Сэведжа, чтобы присвоить его научную работу. Я оказалась случайной свидетельницей, поэтому меня они тоже приговорили, – рассказывала Элизабет.

– ...эта банда хотела именно убить подозреваемых, а не арестовать. Я пытался помешать, за что чуть сам не поплатился жизнью, – подтверждал Питер.

Мы в деталях рассказали о наших зловключениях, опустив некоторые фантастические подробности.

После допроса меня отвели в отдельную камеру. Уже ближе к ночи появился Питер.

– Джон, дружище, я тут договорился с ребятами и смог пробраться к тебе. Не волнуйся, Бетти отпустили. Она просила передать тебе вот это, – озираясь по сторонам, Питер протянул мне сложенный лист бумаги, в котором находилась последняя порция лекарств.

– Благодарю, очень кстати, – ответил я и быстро закинул пилюли в рот.

– Наркотики? – насторожился Питер.

– Не-е, так, болячка, – отмахнулся я.

– А, ясно. Ну, так вот, ваши показания подтвердились. Сержант Маккензи во всём сознался. Он сказал, что нарушил закон под давлением Дэвида Бриджела. Оказывается, пару лет назад на задержании, Маккензи застрелил одного авторитетного бандюгана. Дружки убитого выследили, где живет сержант, и ворвались к нему в дом. Именно тогда он заработал свой шрам. Его жена при нападении серьёзно пострадала и нуждалась в дорогой операции. Сержант обратился за помощью к своему закадычному другу и начальнику Дэвиду Бриджелу, а тот, в свою очередь, к старшему брату. Профессор свёл сержанта с хорошим врачом, да ещё и деньгами помог. Естественно, Маккензи чувствовал себя обязанным и просто не смог отказать. А когда их убили, он всё и выложил, – рассказал Питер.

– Понятно. Спасибо, что спас. Если бы не твой выстрел...

– Да ладно, – махнул рукой Питер. Его серые глаза довольно замигали. – Удивляюсь, как я тогда умудрился завалить двух человек? Я ведь только мутные пятна без очков вижу, а они где-то рядом в грязи валялись. Да и стрелять я не сразу решился. Ведь они свои, полицейские, а ты злодей, Дикий Джон, как окрестили тебя журналисты. Но разные вопросы заставили меня передумать. К примеру, почему полицейские позволили напасть на меня? Зачем они хотят убить Бетти, если она заложница? А когда ты вышел безоружный и готовый сдать, Бриджел всё равно хотел тебя убить, даже не сделав попытку арестовать. Вот тогда я окончательно решил, что преступники не в доме, а вокруг меня.

– Правильно решил, – похлопал я Питера по плечу.

– Да ты не беспокойся, к утру тебя тоже должны выпустить. Твоя невиновность доказана. Ты действовал в рамках закона, защищая данное любому человеку от рождения право на жизнь. Просто у них насчёт тебя некоторые сложности, не могут выяснить, кто ты. Так что держись. Увидимся ещё, – Питер крепко пожал мою руку и убежал.

Прошло уже полчаса после того, как я проглотил пилюли, но ничего не происходило. Я долго ходил по камере, ожидая эффекта. Без толку, только голова начала трещать от беспокойных мыслей. Сквозь решётку я видел, что в небе одна за другой начали гаснуть

перемигивающиеся звезды. Приближался рассвет. Я лёг на кровать и не заметил, как уснул.

Утром меня не выпустили. Только ближе к полудню охранник вывел меня из камеры и сопроводил в кабинет к следователю.

– Джон Сэведж, или как вас там, – сказал детектив, – мы полностью воссоздали картину преступления и сделали вывод, что ваши действия не превышали пределов самообороны. Кто вы, нам выяснить пока не удалось, но мы это обязательно сделаем, а до тех пор прошу не покидать пределов страны. – Он поднялся со стула и, холодно кивнув, произнес: – Вы свободны.

Детектив подошёл к двери и крикнул:

– Констебль, выдайте мистеру Сэведжу его вещи и проводите к выходу!

Ожидавшие на крыльце Питер и Элизабет радостно бросились ко мне.

– Ну как? – спросила девушка в ожидании чуда.

Я только руками развёл.

– Ничего. Видимо, формула Элафрина всё-таки была не совсем корректной. Или ошибка при производстве... – с досадой ответил я.

– Да погоди ты, – шикнул Питер на Элизабет. – Парень совсем изголодался, отстань от него со своими расспросами. Тут рядом есть замечательный паб. Я угощаю.

Паб действительно оказался уютным. Тусклый свет, пробиваясь сквозь витражи, освещал деревянные столики, создавая романтическую атмосферу средневековья. Питер заказал нам еду и по кружке пива.

– Ну что, ребята, поздравляю с завершением чёрной полосы. Надеюсь, больше вам нечего опасаться – все враги повержены, – сказал он, поднимая кружку. – Кстати, меня тоже можете поздравить. Кое-кто по секрету сообщил, что за "отважные действия в борьбе с преступниками" меня скоро повысят. После служебной проверки, конечно. Это у нас бюрократия обязательная, если кто-то из полицейских оружие применяет.

Мы ели, бурно обсуждая произошедшие события, и вдруг... меня затрясло, тело начало крутить. Голова словно взорвалась изнутри. Казалось, что я получил ключи от ячеек, в которых хранилась память. Все они разом распахнулись, изливая потоки информации. Закатив глаза, я стал съезжать со стула. То самое критическое событие, о котором говорил профессор, как ясный кадр кинофильма всплыло в памяти. Ералаш воспоминаний сложился в чёткую картину. Я вспомнил всё...

– Что с тобой, Джон?! – с ужасом в глазах прокричала Элизабет и обхватила ладонями моё лицо. – Пит, ну что ты сидишь как каменный? Скорее помоги вывести его на свежий воздух.

Когда приступ миновал, мы вернулись за столик.

– Я всё вспомнил, – очухавшись, произнёс я.

– Что? Что? – нетерпеливо спросила Элизабет.

– Позже расскажу, – сказал я, не решаясь открыться перед Питером. – У меня совсем мало времени. Нужно срочно действовать.

– На что нет времени? Как действовать? – затараторила она. – Чтобы действовать, тебе понадобятся деньги, а у нас их нет. А твой перстень – пустышка.

– Какой перстень? – поинтересовался Питер. – Можно взглянуть?

– На, смотри. – Я достал из кармана украшение.

Питер долго крутил перстень. Щупал его, пробовал на зуб, смотрел на просвет, царапал стекло, стучал по полу. В общем, провел полный анализ.

– А камень-то настоящий, – сделал он вывод с лицом знатока и поднял вверх руку с перстнем. – У меня всё детство прошло в окружении таких вот безделушек. Мой папа – антиквар, специализирующийся как раз на ювелирных изделиях, поэтому кое-что в этом деле я смыслю.

Он вернул мне перстень и достал из заднего кармана записную книжку. Полистав её, Питер вырвал чистый листок и что-то написал.

– Держи, тут номер моего мобильного и адрес отца. Он живёт в Лондоне, у него там небольшая антикварная лавка. Отец точно не откажет в помощи моим друзьям.

– Спасибо, Пит, – сказал я. – Нужно срочно ехать.

– Погодите, – Питер достал из кармана бумажник. – Пятьдесят... семьдесят... – пересчитывал он купюры. – Возьмите, тут двести десять фунтов – больше у меня сейчас нет. Надеюсь, на первое время хватит. Раз вы так рвётесь отсюда, пойдёмте, я хоть провожу вас.

На перроне мы обняли и горячо поблагодарили Питера.

– Не знаю, что произошло, но верю, что у вас всё получится. Я предупрежу отца о вашем приезде, – прощался он. – Счастья вам, голубки.

Было видно, что Элизабет с трудом удаётся сдерживать любопытство. Ёрзая на сиденье, она кое-как дождалась отправления поезда и тут же начала трясти меня за плечо.

– Ну же, Джон! Что, что ты вспомнил?

Я посмотрел в её горящие нетерпением глаза и, тяжело вздохнув, начал рассказ.

Часть II ВОЙНА КОРПОРАЦИЙ. РОЖДЕНИЕ ГЕРОЯ

Всё, что мы считали фантазиями, рождёнными большим воображением, – правда. Моё имя Виктор Блэйз. Кто я, теперь уже не важно. Искать меня среди вас бесполезно – меня не должно здесь быть. Я появлюсь на свет только через три сотни лет. Мой мир, полный чудесных машин и научных достижений, – ужасен. И он погибнет, я сам был свидетелем его жуткой смерти. Но обо всём по порядку...

Уже сейчас видны ростки той чудовищной перемены, которая сделала людей другими. Экономическая система, на которой строился миропорядок, изжила себя и начала давать сбои. После нескольких десятков лет спокойствия страшное и тяжёлое предчувствие стало витать над человечеством. Кризисы накатывали всё чаще, становились всё продолжительней и глубже. То тут, то там разгорались войны, множились террористические, сепаратистские и бандитские группировки разных мастей. Всё чаще происходили перевороты и революции.

И вот наступил невиданный по размаху кризис. Выхода из него не было. В великих державах при поддержке крупных корпораций к власти пришли партии войны, капитал решил, что только так он сможет выжить. Кровавые столкновения стали обыденностью. Волны людей, бегущих от смерти, захлестывали то один, то другой регион, изменяя страны. Карта мира перекраивалась практически ежедневно. Пожар войны охватил всю Землю.

Крупные корпорации, желая выжить, сжирали все компании без разбора, невзирая на область их деятельности. Наиболее мощные обзавелись собственными армиями. Постепенно окрепнув, они захватили власть. Государства перестали существовать. Чёткие границы исчезли. Сферы влияния корпораций, причудливо переплетаясь, метастазами расползались по разным территориям.

Война переросла в битву между крупнейшими капиталами. Так завершился Период Перемен, и началось время, названное Эпохой Войны Корпораций. Все ресурсы человечества были брошены на нещадную борьбу. Больше сотни лет длился кровопролитный период, пока из его пепла не выкристаллизовалось пять Великих Корпораций, поделивших мир. Началась Эпоха Пяти Гигантов.

Новые хозяева планеты заключили временный, необходимый всем, мир. Самой могущественной среди них была Объединенная Западная Корпорация со штаб-квартирой в Техасе. В сфере её влияния находились обе Америки, Антарктида и небольшая часть Евразийского континента с Камчаткой и Чукоткой.

Остальные четыре корпорации были примерно равны по силам. Красный Дракон с центром в Гонконге владел Юго-Восточной и Центральной Азией, Индией, Австралией и Дальним Востоком. Под властью Мубато, базирующейся на Аравийском полуострове, находилась почти вся Африка и Ближний Восток. Границы Лиги Севера доходили до Уральских гор, включали в себя Сибирь, часть Приморья и Дальнего Востока. Корпорация Барстер, руководство которой располагалось в Англии, владело всей Европой и Северо-Западной Африкой.

Это было относительно спокойное время. Именно тогда удалось полностью избавиться от ядерного оружия, много раз ставившего человечество на грань самоистребления в Период Перемен и в Эпоху Войны Корпораций. Нет, его уничтожили не потому, что Гиганты перестроили жизнь на мирные рельсы, просто это стало невыгодным. Ядерное оружие перестало быть сдерживающим фактором, но оставалось источником большой опасности.

Гиганты зализывали раны и копили силы, готовые в любой момент вцепиться друг в друга. Время от времени кто-то из них делал пробные попытки, отхватывая небольшие куски территорий соперников.

Всё изменилось, когда великий Кеннет Зилан, учёный из Западной Корпорации, разработал Фарн. Это был источник чистой энергии, основанной на делении ядер устойчивых элементов. Удалось полностью нейтрализовать опасное для живых организмов ионизирующее излучение. Фарн мог расщеплять атомы вещества на более простые. При этом вырабатывалось огромное количество энергии, которая аккумулировалась особым прибором, не нанося вреда живому. Топливом могло служить что угодно – от мусора до воздуха. Для производства колоссального количества энергии теперь требовались мизерные ресурсы.

Зилан понимал, что его изобретение может как созидать, так и разрушать. В то время он был молодым идеалистом. Чтобы предотвратить жестокие войны, учёный разработал план завоевания Земли бескровным способом – он предложил разрушить экономики конкурентов, используя значительные преимущества Фарна. Его идеи стали набирать популярность среди членов Высшего Совета, но Глава Корпорации решил по-другому. Он посчитал, что экономическая война будет длительной, а её результат – неоднозначен. Инакомыслие жестоко подавили, Зилана сослали трудиться в далёкую секретную лабораторию на Аляске, пристально контролируя его деятельность.

Работы по Фарну возглавил амбициозный помощник Зилана Кристобаль Сото. Центр исследования нового вида энергии устроили на базе лаборатории Лос-Аламоса в Нью-Мексико. Выбор был не случайным. Во-первых, она находилась относительно близко к штаб-квартире Корпорации, располагавшейся в Эль-Пасо, во-вторых, лаборатория имела большой опыт в подобных исследованиях – именно там в далёком прошлом была разработана первая ядерная бомба.

К новому проекту привлекли самые яркие умы Корпорации и огромные материальные ресурсы. Были приняты беспрецедентные меры секретности, никакая информация не могла выйти за пределы лаборатории.

Прогресс не заставил себя ждать. Фарн развивался лавинообразно. Было разработано оружие, использующее энергетические снаряды, скачок в развитии получили лазерные, электромагнитные и другие виды вооружения, требующие большого количества энергии. Технику перевели на двигатели, основанные на Фарне. Из-за большой закрытости программы все производства, связанные с новой технологией, развернули в непосредственной близости от лаборатории.

Первой жертвой стала Мубато. Война была жестокой и быстрой. Тактика выжженной земли привела к гигантскому числу смертей. Лидеры Мубато, не успев опомниться, потеряли всё. Используя эффект внезапности и новую технологию, западники буквально за несколько недель уничтожили противника. Мубато перестала существовать.

Одержав победу, захватчики готовились к новому рывку. Оставшиеся корпорации выстраивали оборону. Понимая, что эффекта неожиданности уже не будет, Западная Корпорация активно модернизировала армию. Все силы были брошены на развитие новой технологии, и она бурно совершенствовалась. Захватчики спешили, осознавая, что, несмотря на секретность, открытие может оказаться в руках противников.

Под руководством Сото была разработана мощная энергетическая бомба. В честь короля преисподней из мифологии майя её называли Ах-Пуч. История повторилась – бомбу решили испытывать в пустыне Белых Песков, недалеко от лаборатории. Именно там когда-то

тестировали и первую ядерную бомбу старого образца. Единственная разница заключалась в том, что нынешнее испытание проводилось под землёй. Новая бомба отличалась миниатюрными габаритами и абсолютным отсутствием радиации. К ужасу испытателей, мощность Ах-Пуч оказалась во много раз больше расчётной.

Взрыв был настолько сокрушительным, что вызвал сейсмическую активность. Находящийся примерно в шестидесяти милях вулкан Каризозо, спящий уже тысячи лет, ожил. Природа, раздражённая бесцеремонным вторжением, разъярилась. Вулкан, словно сделав недовольный вдох, быстро увеличился в размерах, а потом с остервенением выдохнул, изрыгнув гигантское облако пепла. Будто обиженный ребенок, разбрасывающий игрушки, Каризозо расшвыривал вокруг себя крупные куски породы. Раскалённая лава с дикой скоростью обрушилась на окрестности. Жизнь в радиусе двухсот миль перестала существовать.

Мстительная стихия буквально за час обезглавила сильнейшую Корпорацию. Она уничтожила штаб-квартиру и погребла под собой всё, связанное с новой технологией. Слово получив удовлетворение от совершённого злодеяния, вулкан с уже меньшим неистовством осыпал пеплом почти весь континент. Всё покрыл мрак. Вулкан бушевал почти месяц и постепенно затих. Оставшихся без лидеров жителей Корпорации охватили ужас и паника.

Не пострадавшие от стихии соперники, уже готовые было покориться агрессору, праздновали внезапную победу и злорадствовали на костях исполина. С завидным проворством обгоняя друг друга, они рвали на куски бесхозное наследство. Остатки армии западников, всё ещё обладавшие внушительной мощью, пытались сопротивляться. Но обезглавленные и разрозненные силы не смогли противостоять ополчившемуся на них миру.

Делёжка не затихала несколько лет. Осколки некогда могучей империи по несколько раз меняли хозяев. Внезапно распухшие, но совершенно обессиленные участники пиршества наконец-то договорились о перемирии.

За этими бурными событиями осталось незамеченным одно важное обстоятельство – Кеннет Зилан, отец Фарна и последний носитель информации о новой технологии, согласился служить Корпорации Барстер. Её Глава, мудрый Георг Спенсер, принял условия учёного не использовать Фарн в военных целях. Зилан стал Верховным Мастером Просвещённых Барстера.

Просвещёнными называли важный сегмент сотрудников Барстера. Это были учёные, инженеры и другие работники умственного труда. Иерархия Просвещённых делилась на семь ступеней. Первые три были стартовыми и присваивались новичкам. По мере приобретения опыта или за какие-либо достижения степень повышали. Четвертая и пятая давались уже состоявшимся учёным с присвоением звания Мастера. Шестая была у Старших Мастеров, руководивших целыми научными направлениями. Ну, а седьмой степени был удостоен только один человек – Верховный Мастер Кеннет Зилан. Обычно Просвещёнными становились дети таких же учёных и только изредка настоящих самородков из других слоёв могли принять в это сообщество.

Барстер процветал. Уровень жизни его сотрудников стал намного выше, чем у соперников. Народ в противоборствующих корпорациях с завистью поглядывал на соседа и потихоньку начинал роптать. Их руководство ответило введением жесточайшей диктатуры.

Через семь лет после перехода Зилана в Барстер Георг Спенсер скончался. Власть в компании уже два поколения передавалась по наследству. Поговаривали, что род Спенсеров

ведёт своё происхождение от самих Барстеров, создателей Корпорации. И в этот раз полномочия перешли к одному из сыновей Георга Спенсера – Альберту.

Это был импульсивный, жёсткий и властолюбивый человек. Он совершенно не умел проигрывать и никогда не прощал обид. Новый Глава снял запрет на применение Фарна в военных целях. Не забыв о печальной судьбе западников, он осторожно начал наступление, используя смешанную тактику военного и экономического превосходства. За несколько лет, понемногу откусывая земли противников, Барстер захватил практически две трети всех территорий.

Перед лицом опасности Лига Севера и Красный Дракон объединились, назвав себя Великим Альянсом. Новую Корпорацию возглавили два равноправных Главы. Понимая, что не смогут противостоять Фарну, они бросили все усилия на развитие технологий. Наука в условиях жёсткой конкуренции и щедрого финансирования развивалась бешеными темпами, но противопоставить что-то изобретению Зилана они не смогли.

Скорое поражение Альянса было бы неизбежным, если бы не одно событие. Брат-близнец Главы Барстера, Томас Спенсер, был таким же властолюбивым, как и Альберт. Видя успехи брата, он потребовал создать хотя бы на небольшой части завоёванных территорий новую корпорацию и передать в его независимое управление. Томас считал, что имеет такое же право на наследство отца. Альберт грубо осадил наглеца. Затаив обиду, Томас затеял переворот, подкупив часть высокопоставленных сотрудников.

Заговор был раскрыт, а Томас – арестован. Но соратники помогли ему совершить побег. Договорившись с Главами Великого Альянса быть третьим равноправным соправителем, Томас бежал, прихватив особо секретную документацию, описывающую Фарн. Началась Эпоха Великого Противостояния. Именно в это тяжёлое время я и появился на свет.

Я родился на землях Барстера в семье Стражей. Конечно, слово "семья" здесь не совсем подходит. Все жители Корпорации считались её служащими, и ничто не должно было отвлекать их от поставленной задачи. Главным являлось процветание компании и её превосходство над конкурентами.

Немалую долю населения составляли военные. Постоянно находясь на службе, участвуя в бесконечных битвах, они не могли полноценно растить детей. Специально для них создали так называемые Инкубаторы, где с самого рождения новых членов общества воспитывала Корпорация. Она становилась для них и отцом, и матерью.

После Инкубаторов таких детишек направляли в Школьные Дома, а затем распределяли на службу. Воспитанники этих учреждений получали прекрасное узкоспециализированное образование. Их растили беззаветно преданными Корпорации и программировали на предназначенную миссию. Такие дети делали хорошую карьеру и со временем занимали высокие должности. У них было больше шансов выбиться в люди.

Желая лучшей участи своим отпрыскам, представители других слоёв тоже начали сдавать детей в корпоративные воспитательные учреждения. Появились Инкубаторы и Школьные Дома не только с военными, но и с другими специализациями. Постепенно отказ от детей стал нормой, а со временем и вовсе превратился в обязанность, так как верхушка Корпорации считала своих воспитанников более лояльными власти. Но полностью связь между биологическими родителями и детьми не разрывали – иногда им позволяли встречаться.

Без детей, часто являющихся цементирующей основой в отношениях взрослых, развалился и сам институт семьи. Основная масса людей свои редкие дни отдыха теперь предпочитала проводить в развлечениях, а не с детьми и близкими. Связи между мужчинами и женщинами становились мимолётными и не серьёзными.

За долгие годы войн и разрушений население планеты сильно сократилось и к моменту моего рождения составляло не больше миллиарда. Корпорация нуждалась в увеличении числа работников и солдат. Все были обязаны становиться донорами репродуктивных клеток, хранящихся в специальных Банках Будущих Поколений.

Немалая часть детей появлялась в лабораториях. Сведения о родителях-донорах хранились в секретных базах данных, чтобы вновь появившихся барстерцев можно было распределить по специальностям. Однако представители Круга Власти считали, что дети, рождённые естественным путём, более перспективны и полезны Корпорации. Понятно, что это были ничем не подкреплённые предрассудки, но факт остаётся фактом, и родителей, решившихся на традиционный способ появления потомства, ждали поощрения и особые бонусы. Данные о том, как появился на свет ребёнок, тщательно скрывали, чтобы не спровоцировать противоборства. Каждый считал себя рождённым естественным путём.

Стражи составляли больше трети населения Корпорации. Кроме Стражей и Просвещённых, небольшой по численности прослойки общества, всех остальных в Барстере называли Пчёлами, основной массой которых были рабочие и обслуживающий персонал. Существовала ещё и совсем маленькая группа правящей элиты, которой дали имя Круг Власти.

Стражи делились на две категории – Стратеров и Корпов. Стратеры – Стражи

территорий, следили за соблюдением закона на землях Корпорации. Преступлений, в принятом у вас понимании, практически не существовало. Главной целью Стратеров считалось их предотвращение, ведь время от времени у кого-то всё же пробуждались низкие собственнические или звериные инстинкты. Все жители были обязаны помогать Стратерам – сообщать даже о малейшем подозрении на нарушение принятых норм. Боролись Стратеры и с людьми, думающими и действующими не по правилам Корпорации. Главными их врагами являлись Страдальцы – самые отъявленные ренегаты и предатели.

Корпами называли воинов. Они сражались с внешним врагом – бойцами Великого Альянса. Стать Корпом можно было, только прослужив какое-то время Стратером, да и то при определённых заслугах. Корпы считали себя самыми важными членами Корпорации и очень гордились своей профессией. Они всегда ходили в военной форме и важно выставляли напоказ звания и разноцветные наградные нашивки. Корпами были и мои биологические родители.

Чтобы было проще понять устройство нашего общества, я, пожалуй, начну рассказ о себе со школьных времён...

Своего двенадцатого дня рождения я ждал с большим нетерпением. Как и все дети, я воспитывался не в семье. Встречи с родителями случались редко, но я их помнил как самые светлые моменты детства. В дни рождения родители всегда брали меня к себе. Вот и тогда они обещали провести со мной целые сутки.

Моего отца звали Ричардом Блэйзом. Он был пилотом. Понятно, что техника могла функционировать самостоятельно, но в экстренных ситуациях человеческий разум всегда превосходил искусственный интеллект, поэтому без людей ни один полёт не обходился. Отец летал на штурмовом фарнолёте и даже участвовал в некоторых исторических сражениях. Около полугода назад его повысили до мидкомандера – это средний офицерский чин в армии Барстера – и назначили капитаном большого фарнолёта. В задачу его команды входило обеспечение медицинской поддержки во время боя. Отец был храбрым воином, в подтверждение этого на его кителе красовалось восемь зеленых и целых девять синих нашивок.

Все подвиги сортировались по важности для Корпорации. Зелёными нашивками отмечались заслуги третьей степени, менее значимые. Синими – второй. Когда количество зелёных достигало десяти, они заменялись одной синей нашивкой. Если же набиралось десять синих, то выдавали широкую нашивку фиолетового цвета. Моему папе оставалось совершить всего один подвиг второй или два – третьей степени, чтобы получить такую. Фиолетовые нашивки вручались и за особые подвиги второй степени. Красными же оценивались только самые выдающиеся заслуги, которые имели всекорпоративную важность, поэтому они были большой редкостью. Мне за двенадцать лет жизни не посчастливилось увидеть лично ни одного обладателя такой награды.

Моя мама, Тереза Вудсток, работала Ангелом Жизни – так называли военных врачей. С отцом они познакомились в госпитале, куда он попал после ранения в знаменитой битве при Ганге. Последнее время они служили в одной команде на папином фарнолёте.

Светлый образ родителей навсегда запечатлелся в моей памяти. Отец запомнился мне высоким, крепко сложенным сорокалетним мужчиной, с густой, аккуратно подстриженной бородой и короткой причёской. Солнце и ветер докрасна закалили его кожу. Волевое лицо с цепким взглядом сразу выдавало мужественного человека с высокими лидерскими качествами. Мама, мягкая, миловидная блондинка с добрыми глазами, была моложе отца на два года. Весь её вид источал любовь и тепло. Когда мне было трудно, я всегда представлял себе, как она обнимает меня, а я сижу, уткнувшись лицом в её колени. Я очень гордился родителями, а когда мы гуляли по улице, частенько оглядывался по сторонам, пытаюсь понять, видят ли люди, что я сын этих героев.

В редкие периоды отдыха между военными заданиями родители жили в том же городе, где воспитывался и я. Это был Нью-Лондон, столица Корпорации, в которой располагалась штаб-квартира. Гигантский мегаполис вырос западнее разрушенного в войнах старого Лондона.

Приложив к дисплею турникета запястье, я выпорхнул из муравейника Школьного Дома Стражей. На крыльях нетерпения я летел к ближайшей точке загрузки Ленточной

Магистрала. Дешевизна энергии позволяла ей работать круглосуточно. Существовал, конечно, и более скоростной транспорт, но детей моего возраста без взрослых туда не пускали. Переплетая город причудливым узором, Ленты позволяли быстро добраться практически в любое место. Вдоль всего полотна на небольшом расстоянии друг от друга были организованы точки загрузки.

Вереницы кресел-кабин или капы^[1], как их ещё называли, ожидала новых пассажиров. Я запрыгнул в подъехавшее загрузочное кресло и приложил Нейронную Метку к датчику.

Нейронные Метки играли важную роль в жизни барстерцев. Их вживляли всем людям в семилетнем возрасте, когда дети из Инкубаторов переводились в Школьные Дома. Приспособление закачивалось под кожу в области запястья и ладони левой руки и функционировало, получая энергию от тепла тела и движений человека. Соединяясь с нервными окончаниями, Метка интегрировалась в нейронную сеть человека и управлялась мысленными командами. Устройство было настолько удобным и невесомым, что буквально через несколько дней его владелец переставал думать о нём как о чём-то инородном и воспринимал только как необходимую и важную часть организма.

Основная функция Метки заключалась в том, чтобы собирать сведения и отправлять их в ГИЦ, Главный Информационный Центр, находящийся в штаб-квартире Корпорации. Метка сообщала, где находится человек, безостановочно снимала данные о состоянии его здоровья, говорила о необходимости посетить врача или сама присылала? медиков в критических случаях.

Прибор "видел" и "слышал" всё вокруг. За это в народе его иногда называли Всевидящим Оком или просто Оком. Он служил и пропуском, и платежным инструментом. На него начислялись заработанные деньги и списывались потраченные. С его помощью можно было получать любую разрешённую информацию, вызвав Сферу Света.

Око использовалось как средство общения между барстерцами и несло в себе ещё множество функций. Его нельзя было отключить. Если это всё же происходило, то тут же появлялись Стратеры, чтобы выяснить причину. Никто не мог вживить чужое Око, так как оно настраивалось на ДНК владельца.

Выбрав на экране капы координаты дома родителей, я нажал кнопку готовности. Компьютер построил оптимальный маршрут, и скоба безопасности защёлкнулась. Мягко набирая скорость, вспомогательный транспортёр плавно переместил кресло на Ленту. Освободившееся место тут же заняла вновь подъехавшая капа. Я не стал закрывать защитный терморегулирующий кожух и, полной грудью вдыхая воздух свободы, помчался на долгожданную встречу.

Моими попутчиками в основном были дети и пожилые барстерцы, уже вышедшие на отдых. Насколько я знал из рассказов родителей и других взрослых, раньше списанных по возрасту или по болезням сотрудников Корпорация никак не поддерживала. Дети тоже практически не помогали престарелым родителям, да и сейчас это происходило не часто, ведь связь между ними была довольно зыбкая. Буквально двадцать-двадцать пять лет назад средняя продолжительность жизни не превышала пятидесяти пяти лет. Только за несколько лет до моего рождения, когда Фарн подарил обществу дополнительные ресурсы, Корпорация начала заботиться о здоровье своих сотрудников, а раньше стариков и больных просто выбрасывали на обочину жизни. Им приходилось, попрошайничая и воруя, доживать короткую нищенскую жизнь в Глазницах Предков. Так называли руины заброшенных городов, разрушенных многочисленными войнами.

В старые времена, когда даже детям разрешали играть в древних городах, и они ещё не были завалены горами гниющих отходов, вывезенных из соседних мегаполисов, там частенько ошивались разные отщепенцы и бездомные. Холодными ночами бродяги разжигали костры прямо на полу облюбованных комнат, чтобы согреться и отпугнуть диких зверей. Мерцающий в темноте свет окон делал покинутые здания похожими на многоглазое чудовище. С лёгкой руки какого-то впечатлительного человека их и назвали Глазницами Предков. Они в великом множестве покрывали Землю, словно оспа, уродуя лицо планеты. В наше время пересекать границы разрушенных городов строго запрещалось, и только прячущиеся от закона Страдальцы иногда находили там приют.

При Георге Спенсере была принята новая экономическая стратегия, изменившая жизнь стариков к лучшему. Возросшее благосостояние помогло реализовать некоторые социальные пункты программы Зилана. Чем больше заслуг накапливал барстерец, тем более ощутимую поддержку он получал в старости. Уверенность в будущем делала сотрудников преданными и стимулировала работать с большей отдачей. Во времена моего детства вид празднично слоняющихся стариков уже не был редкостью.

Магистраль несла меня над городом, мягко перенося кресло в пересадочных узлах с одной Ленты на другую. Улицы уносились вдаль со страшной скоростью. Встречный ветер приятно трепал волосы. В поле зрения появился жилой район родителей. Я вызвал Сферу Света – на раскрытой ладони левой руки появилась голограмма шара, сверкающая мягким голубым сиянием.

– Си эм ти эйч шестьдесят три пятьдесят восемь ноль семь эс ай, – назвал я учётный номер отца, и в Сфере появились улыбающиеся лица мамы и папы. – Привет! Я уже вижу ваш дом, – радостно сообщил я.

– Привет, Вик! Уже спускаемся.

Район представлял собой участок круглой формы, заполненный несколькими десятками домов-великанов. Каждый из них был не ниже ста пятидесяти этажей и на разных уровнях соединялся галереями-переходами с другими зданиями. Издалека небоскребы сливались в гигантский, вздымающийся в небо цилиндр. Таких районов в городе было много, и, хотя каждый из них отличала собственная оригинальность, они были очень похожи.

Огромный мегаполис имел концентрическую структуру. В самом центре столицы располагалось её сердце – исполинских размеров штаб-квартира Корпорации, опоясанная несколькими рядами массивных стен. Проникнуть за них без особого разрешения даже при большом желании было невозможно. Стены окружало грандиозное, просматривающееся на много миль поле.

Штаб-квартира была самым важным и таинственным объектом Корпорации. Вокруг неё всегда витала масса слухов и легенд. Кто-то называл её новой вавилонской башней, а некоторые мальчишки в Школьном Доме поговаривали, что подземные этажи доходили "аж до самого ядра Земли". Мой детский разум видел в штаб-квартире недостижимую волшебную крепость, в которой обитают великие воины в форме, сплошь покрытой красными нашивками.

Следующую за полем часть круга занимал Центральный район. В нём находились вспомогательные корпоративные учреждения, торговые центры, культурно-развлекательные, учебно-воспитательные и публичные заведения.

Вокруг Центрального района располагалось семь концентрических колец, застроенных цилиндрами жилых районов. Мои родители жили на третьем жилом кольце. Нумерация шла

от центра города к периферии, причём престижность района уменьшалась с увеличением номера.

На некотором отдалении от жилых районов расположилось ещё одно кольцо, образованное огромными круглыми участками, где разместились промышленные зоны, военные объекты и крупные транспортные узлы, из которых можно было добраться до других городов и областей Корпорации.

Лента принесла меня к точке загрузки у дома, где уже стояли в ожидании родители. Они были одеты в парадные мундиры Корпов, подчеркивающие важность нашей встречи.

Петля вспомогательного транспортёра перенесла кресло на землю, и скоба безопасности открылась. Я выпрыгнул наружу и понёсся к родителям. Капа отъехало в сторону и скрылось под землёй.

– Мам! Пап! – завизжал я, не в силах скрыть восторг. – Как же давно я ждал этого!

– Ты только посмотри, как вымахал наш Викки за эти полгода, – улыбнулся отец. Он поднял меня вверх и принялся крутить вокруг себя. – В следующий раз я уже вряд ли смогу тебя так вертеть – растешь как на дрожжах, – сказал он и осторожно опустил меня на землю.

– Куда хочет отправиться наш именинник? – ласково спросила мама, вороша мои непослушные волосы.

– А можно?.. – хитро прищурился я. – А давайте... на папином Свифте полетим в парк Юных Стражей.

– Мы же там в прошлый раз были, – удивлённо сказала мама, – может, лучше в Храм Просвещённых? Там столько диковинок и технических новинок...

Отец мамы, мой дед, которого я, увы, никогда не видел, был Просвещённым, но по профессии бабушки маму распределили в Стражи. Даже став военным, она выбрала карьеру Ангела Жизни, близкую к работе Просвещённых. Я не могу сказать, что ей не нравилось быть Корпом, ведь тогда бы она не встретила с моим отцом. Но порой мне казалось, она мечтает, чтоб я стал учёным.

– Ну ма-ам, папа же обещал, что когда мне стукнет двенадцать, мы сможем пострелять в настоящем боевом тире.

– Хорошо, хорошо, – нежно улыбаясь, согласилась мама. – Ты сегодня именинник, и тебе никак нельзя отказывать.

– Ура-а! – заорал я, радостно подпрыгивая. – Пойдёмте скорее, – я схватил их за руки и потянул в сторону дома.

Мы подошли к площадке выдачи. Папа приложил Око к дисплею и произнёс команду. Буквально через несколько секунд из открывшегося люка выдвинулась платформа, на которой в лучах солнца сверкал фарнолёт. Папа погладил воронёный корпус летательного аппарата, словно это был живой питомец, и ласково похлопал по нему ладонью. Выдвинулась лестница, и мы поднялись в брюхо Свифта.

– Привет, Стрижик, давненько не веселились, – оглядел я знакомую капсулу. – Па-ап, дашь мне порулить? Са-амую чуточку.

– Ты же знаешь, сын, что он реагирует только на мою ДНК. Загрузить твои данные можно будет только в шестнадцать лет. Давай-ка лучше мы с тобой в парке на симуляторах посоревнуемся.

– Ну, хотя бы очки пилота... – дергал я его за рукав.

– Это сколько угодно, – согласился отец, протягивая мне прибор. – Держи, я надену резервные. Мы расселись по креслам – я рядом с папой, а мама позади нас. – Все готовы?

– спросил отец и, обернувшись, подмигнул маме. – Сейчас мы с Викки тебе высший пилотаж покажем.

Обычно бытовые фэрнолётыв управлялись с помощью автопилота. Нужно было лишь задать конечную точку, и аппарат без каких-либо проблем доставлял пассажиров в пункт назначения, выбрав самый оптимальный маршрут. Папа хотел порадовать меня и сам сел за панель управления.

Свифт бесшумно взмыл в небо. Мир в иллюминаторе уменьшался с непостижимой быстротой. Я включил очки. В правом верхнем углу появилась колонка с меняющимися цифрами. Они показывали скорость, координаты и ещё какие-то данные. Всё вокруг окрасилось в красные и зелёные цвета, деля пространство на опасные и безопасные секторы. Если специально не программировать ограничения, в зелёных секторах можно было проводить любые манёвры. В красных же существовала опасность помешать другому транспорту или столкнуться со строениями. Появляющиеся рядом фэрнолётыв подсвечивались мигающим контуром, а высокие постройки – жирным. Если фэрнолётчику становилось плохо или он не справлялся с управлением, компьютер брал пилотаж на себя и летел к ближайшей парковке.

Долететь до парка можно было буквально за пять минут, но мы решили почудить, сделав несколько кругов над городом. Папа был настоящим асом. Он заставлял Стрижа то резко взмывать вверх, выписывая невероятные фигуры, то падать камнем вниз. Моё сердце то замирало в груди, то выпрыгивало, адреналин захлёстывал, а немыслимое удовольствие заставляло радостно повизгивать.

Закончив аттракцион, папа подлетел к посадочному дереву. Так называли парковочный комплекс для фэрнолётыв. Это был высокий столб с лифтом, по всей высоте которого на ветках-переходах располагались круглые посадочные площадки. Припарковав Стрижа, мы направились к заветному тиру.

Погода будто бы вместе со мной радовалась этому прекрасному дню. Яркое сияло солнце, а в голубом небе плавно парили летучие Окна Правды. Они были везде, с их экранов людям показывали рекламу, лозунги, восхваляющие Барстер, но чаще всего из Окон на обывателей смотрело лицо Главы Корпорации, с добрым, всепонимающим взглядом.

В парке было много детей. Они гуляли кто по одному, кто в группах, а кто со взрослыми. Держа папу и маму за руки, я шёл посередине, высоко поднимая голову. Гордость за боевых родителей распирала меня.

Мы зашли в огромный стрелковый павильон, внутреннее пространство которого сверкало синими и голубыми цветами. Сразу за входом я увидел длинный ряд стоек. Зал был полон упражняющимися в мастерстве посетителями: детьми, взрослыми и пожилыми людьми обоих полов. Дождавшись, когда освободится одна из стоек, мы подошли к инструктору, коренастому мужчине лет шестидесяти с пышными седыми усами. Судя по ЛУНу, личному учётному номеру, он был бывшим Корпом.

ЛУН были обязаны носить все. Он помещался на правой стороне груди и на спине, активируясь от сигнала с Нейронной Метки. Номер показывал, кем является его владелец. Взглянув на ЛУН с помощью Всевидящего Ока, можно было узнать возраст, место проживания, профессию, должность – практически всю подноготную человека. Если кто-то вызывал подозрение у бдительных барстерцев или был замечен в преступлении, а тем более не имел на одежде учётный номер, об этом сразу же сообщали Стратерам.

– Здравствуйте, мидкоммандер, – сказал инструктор, уважительно глядя на отца. – Вам,

конечно, всё известно, но я обязан разъяснить основные правила.

– Делайте свою работу, – с пониманием ответил отец.

– Мы стреляем боевыми патронами. В этом зале используются голубые энергетические заряды. Если захотите поупражняться другими, то можете пройти в Зелёный павильон. Как действует голубая пуля... Попав в тело врага, она генерирует волны, которые разрушают внутренние органы. И ещё, запомните одно важное правило: ствол заряженного оружия нужно стараться держать строго по оси стрельбы. При отклонении более чем на сорок пять градусов оружие автоматически отключается. Если нарушение повторится больше двух раз, то вас дисквалифицируют и полгода не будут допускать ни в один тир Корпорации. Всё понятно?

– Угу, – кивнул я.

– Отлично. Что выбираете, энергетическое ружьё или пистолет?

– Мне ничего. Я лучше полюбуюсь вашим мастерством со стороны, а потом как медик оценю успехи, – сказала мама.

– А нам, пожалуй, дайте ружья, – подмигнул папа и обнял меня.

Инструктор достал оружие и положил на стойку два магазина с мерцающими голубым светом патронами.

– Ух ты, настоящее... – прошептал я восхищённо и погладил блестящий корпус.

– Здесь по двадцать патронов, – кивнул инструктор на магазины. – Как я понимаю, вам не нужно объяснять, что с этим делать?

– Правильно понимаете, – утвердительно кивнул папа. – Справимся? – спросил он, хитро глядя на меня.

– Ну, не знаю... за себя-то я точно уверен... – засмеялся я в ответ.

– Ах ты, хулиган, – качая головой, улыбнулся отец.

Мне действительно было много известно об оружии. Я знал все типы снарядов и мог подробно рассказать историю создания почти любого ружья или пистолета за последние сто лет. Вставив магазин, я занял позицию у стойки и включил ружьё. На корпусе загорелась голубая полоска.

– Можете начинать, – потеревив седые усы, произнёс инструктор и подключил дорожки.

На противоположном конце появилась цель – голограмма человека в форме бойца Великого Альянса. На таком расстоянии мишень казалась совсем крошечной. Хотя мне ещё не приходилось стрелять из боевого оружия, я много тренировался в виртуальном тире. Я прицелился и плавно нажал на спусковой крючок. Наши с папой выстрелы прозвучали почти одновременно. Фигурка на моей дорожке, корчась, упала.

– Bravo, очень неплохо. Обычно в первый раз все промахиваются. Сразу видно – сын Корпов, – сказал инструктор, хлопая меня по плечу.

– Это точно, – гордо ответил отец. – Когда вырастет, станет великим воином. Не зря мы его назвали Виктор. Это означает – победитель, тот, кто принесёт победу нашему Барстеру.

– Давайте посмотрим детально, – сказал инструктор и нажал на дисплей.

Подстреленные голограммы вздрогнули, понеслись в нашу сторону и около стойки замерли. Ноги и руки фигурок были раздвинуты в стороны, как на знаменитом эскизе да Винчи, который я видел в одной из маминых книг.

– А почему голограммы сразу не появляются рядом с нами?

– Не знаю, какая-то старая традиция... – Пожал плечами папа. – Ну и, наверное, чистс

психологически, чтобы было видно, что это именно твоя цель...

– Так. Что у нас тут? – сказала мама со знанием дела и подошла к папиной цели.

Внешних повреждений на голограмме видно не было. Мама активировала прозрачность и принялась крутить изображение в пространстве. Этот способ отображения результатов был более наглядным, чем какие-нибудь таблицы. В таком режиме просматривалось всё – кожный покров, кости, мышцы, внутренние органы. Меня прозрачность тканей, можно было сконцентрироваться, например, только на внутренних органах.

– Отличный выстрел, – сделала вывод мама. – Пуля вошла прямо в сердце и разорвала его. Ни один другой орган не задет. Человек умер мгновенно. А что у нас здесь? – она принялась рассматривать мою голограмму. – Пуля попала в живот. Повреждено множество внутренних органов. Человек ещё жив, но совсем скоро умрёт, сильно мучаясь.

Я продолжил упражняться с ещё большим усердием. Папа научил меня некоторым хитростям, а мама объяснила возможные последствия выстрела с точки зрения строения человека. К концу стрельбы у меня получалось уже гораздо лучше, и действовал я с бóльшим пониманием. Опустошив магазины, мы поблагодарили усатого хозяина стойки и направились в следующий павильон.

Устройство Зелёного тира отличалось от предыдущего. Пространство было разбито на огромные квадраты, отгороженные друг от друга невидимым энергетическим барьером. В центре каждого находился пятачок для стрелка. По правилам в квадрате мог находиться только один человек, и папа с мамой остались в зале болельщиков, который располагался возле входа. Здесь на огромном экране, поделённом на секторы, зрители могли наблюдать за всеми участниками стрельб. В углу каждого квадрата высвечивались очки результативности. Поле самого успешного на данный момент участника передвигалось в центр экрана и имело бóльшие размеры.

Инструктор проводил меня на позицию и принялся рассказывать о правилах стрельбы ударно-волновыми зарядами. Я с нетерпением глядел на боевое энергетическое ружье со светящимся зелёным светом магазином и практически ничего не слушал. Мне был хорошо известен принцип действия зелёных зарядов. Они предназначались для поражения групп или прячущихся за укрытиями противников. Пуля взрывалась на некотором расстоянии от цели и ударной волной оглушала неприятеля. Этот умный снаряд мог сам рассчитывать место подрыва, чтобы нанести как можно больше урона. Здесь, в тире, корректировка была отключена, иначе пропадавал весь смысл соревнования.

Присоединив магазин, я активировал ружьё и замер в ожидании. Внезапно в разных частях квадрата стали появляться голограммы. Потраченное в виртуальном тире время не пропало зря. Крутясь, как юла, я с восторгом крушил несметные орды призрачных врагов. Опустошив магазин, немного вспотевший, но счастливый я выбежал к родителям.

– Молодец! – отец встретил меня аплодисментами. – Удивил. Четыреста пятьдесят восемь баллов! Да ты настоящий мастер.

– Твоё поле почти всегда было в центре экрана, – восторженно тискала меня мама.

– Поздравляю. На сегодня это самый высокий результат, – сказал инструктор, пожимая мне руку.

После таких похвал меня распирало от важности, я был на вершине счастья.

Отец расплатился за наши развлечения в тире, приложив к дисплею Нейронную Метку.

– Никак не могу понять, – спросил я, когда мы вышли из тира. – Врагов нужно уничтожать, а ударно-волновые их просто оглушают. Разве не лучше было бы, если б враги

разлетались на кусочки?

– Ну, нет, не всегда. Иногда гораздо выгоднее, чтобы противник остался живым, – объяснял папа, – ведь у мертвецов сложно выведать нужную информацию...

– Сложно, но можно? – пошутил я.

– Поверь, иногда можно... – подмигнул отец. – Но время от времени возникает необходимость захватить человека, владеющего важной информацией или какого-нибудь специалиста. Кроме того, среди врагов могут находиться наши разведчики или диверсанты. Ситуации разные случаются...

– К тому же, пленные работают на вредных производствах, – добавила мама.

– Понятно, – кивнул я.

Мы гуляли по парку ещё несколько часов. Соревновались с папой на симуляторе фарнолёта, бегали по полосе препятствий, посещали разные аттракционы и просто болтали обо всём. Сил на другие парки у нас уже не хватило, хотя их в городе было предостаточно. Корпорация поощряла такие мероприятия. Сотрудники, настоящие или потенциальные, развлекаясь, повышали здесь профессиональные навыки, все подобные заведения были нацелены именно на это. Кроме того, они приносили Корпорации неплохую прибыль.

В квартиру родителей мы вернулись уставшие, но довольные. На улице уже начало темнеть. Когда мы зашли в скоростной лифт, папа, приложив левую руку к дисплею, скомандовал:

– Домой.

На табло с бешеной скоростью менялись цифры и буквально через несколько секунд замерли на числе сто тридцать семь. Я вбежал в квартиру первым и начал радостно скакать и кувыркаться.

– Свет. Убрать прозрачность окон, – произнесла вошедшая следом мама.

Практически пустое помещение в серебристых тонах наполнилось мягким светом. Огромные окна, за которыми открывался прекрасный вид, стали молочно-белыми и скрыли огни города.

– Режим "лес", – продолжила мама настройку комнаты.

На окнах, стенах, потолке и полу появилась живая, натуральная картинка. Легкий ветерок, колышущий ветки, чуть слышное щебетание птиц и стрекотание насекомых создавали полную иллюзию естественной природы.

– И откуда в детях столько энергии? – спросил папа, глядя на то, как я носился. – Я вот немного подустал. Диван, – произнес он, и из пола вырос большой мягкий диван, на который папа сразу же плюхнулся, облегчённо вздохнув.

– Никто не желает чайного коктейля? – спросила мама.

– Не откажусь, – отозвался отец.

– Поможешь, егоза? – обратилась ко мне мама.

Я утвердительно кивнул и пошёл за ней к кухонному углу.

– Ты что будешь? – спросила она.

Немного подумав, я поднял вверх глаза и отчеканил:

– Мор-роженое, шоколадное.

– Ну, хорошо, – мама, улыбаясь, погладила меня по голове.

Включив экран, она выбрала нужные блюда. Через несколько минут окошко осветилось по периметру голубым цветом, и люк открылся. В нише появились мороженое, чизкейк и печенье. Продукты доставлялись в квартиры по коммуникационным трубам из кухни

ресторана, который находился на цокольном этаже.

– Бери своё мороженое и беги к папе. Я сейчас тоже подойду, – сказала мама, выставляя еду на самодвижущийся столик.

– Спасибо, – сказал я и, схватив лакомство, понёсся к дивану. Но, неловко развернувшись, споткнулся и растянулся на полу.

Бдительный робот-уборщик тут же спикировал откуда-то из-под потолка и принялся, чавкая, убирать следы моей небрежности. Я приподнялся и сел, глупо уставившись на огромное коричневое пятно, красовавшееся на моей рубашке. Услышав шум, мама обернулась.

– Чумазый, как Пчела на службе... – рассмеялась она. – Иди, переодевайся, грязнуля, а я пока тебе новую порцию закажу.

Вздыхнув, я поднялся и направился к стене, в которой прятался одежный шкаф. Закинув испачканную рубашку в отсек молекулярной чистки, я включил принтер. Зелёная сеточка лучей сканера пробежала по моему телу, снимая мерки, и принтер мягко заурчал. Пока я надевал свежераспечатанную одежду, за спиной появилась мама.

– На, держи, торопыга, – улыбнувшись, протянула она мороженое. – И постарайся быть аккуратнее.

Я снова вздохнул и направился к папе. Он смотрел какую-то информационную программу на голографическом визуализаторе. Прибор передавал объёмные изображения, которые можно было крутить в пространстве и менять их масштаб.

На площадке рядом с диваном вооружённые Стратеры выводили людей в электронных наручниках из развалин Глазниц Предков.

"Сегодня обезврежено очередное гнездо Страдальцев..." – слышался приятный голос диктора.

– Пап, а почему Страдальцев называют Страдальцами? – поинтересовался я.

– Даже не знаю, – пожал он плечами. – Наверное, кто-то сострил, и шутка прижилась.

– А почему за ними охотятся?

– Понимаешь, Страдальцы очень опасны. Своей идеологией они работают на руку врагам и разрушают Корпорацию изнутри.

– Как это?

– Вот представь, все мы шестерёнки в механизме нашей Корпорации. Каждый должен делать то, что ему предназначено. Полбеда если сломается один из элементов – его всегда можно заменить. А если одна из шестерёнок начнёт крутиться в другую сторону? Тогда она зацепит другие, и они начнут вращаться не так, как нужно и в результате может сломаться вся система.

Я задумался, и в моей голове представилась почему-то чёрно-белая толпа, в которой люди с хмурыми лицами, подняв руки на уровень плеч, синхронно вращаются вокруг своей оси. Внезапно один из них скидывает серую одежду и на нём остаётся разноцветный комбинезон. Он хитро улыбается и начинает бегать по кругу, цепляя недоумевающих людей. Те, кого он задел, тоже оказываются в цветных одеждах и постепенно всё равномерное движение превращается в забавную кутерьму...

От весёлой картинке мои губы расплылись в улыбке. Чтобы сдержать смешок, я закрыл рот ладошкой.

– Они утверждают, – продолжал папа, не обратив внимания на мои ужимки, – что все мы рабы Корпорации, что нужно возродить искусство, вернуться к старым ценностям и традициям, например, к таким, как семья. И ведь некоторые идиоты им верят, становясь

предателями. Я понимаю, для отсталых Предков это было нормальным, но для нас, современных людей... Ты сам подумай, какой толк от картин, музыки или литературы? Никакой выгоды, только лишняя трата ресурсов. Или семья... Вот зачем она нужна? Мы всегда можем увидаться или связаться, но при этом не несём никаких обязательств. Мы более свободны. И рабом себя я никак не могу назвать. Мне нравится моя жизнь и моя работа.

– Понятно.

– Да забудь ты об этих ренегатах. Совсем скоро всех их уничтожат. Давай лучше посмотрим передачу о знаменитой операции "Аляска".

– А что это?

– Как что? Ты слышал о великом Зилане?

– Пфф... Конечно, о нём знают даже малыши, у которых ещё нет своего Ока, – обиженно фыркнул я.

– А ты знаешь, как он попал к нам в Барстер?

– Ну, что-то слышал на уроках, – неуверенно ответил я.

– Тогда тебе будет интересно, – улыбнулся папа и дал команду визуализатору.

Передача действительно захватила меня. В ней говорилось об историческом рейде, во время которого небольшой отряд спецподразделения Мантикора освободил учёного из тюрьмы западников. Меня заинтересовало не столько спасение Зилана, сколько невероятные способности бойцов отряда.

– Когда вырасту – обязательно стану Мантикорой.

– Хм... Неплохой результат просмотра, – улыбнулся отец. – А ты знаешь, что это самая элита наших войск? Чтобы туда приняли, нужно иметь отличные природные данные и очень, очень, очень много трудиться.

– Я буду, буду, – закивал я.

– Нет курсов, окончив которые, можно было бы гарантировано попасть в Мантикоры. Туда приглашают! Хотя я почему-то абсолютно уверен, что именно тебя обязательно пригласят, – подбодрил меня отец.

– Да-а! Да-а! – радостно запрыгал я на диване.

– Ну, тогда запомни правило: всегда нужно делать немного больше, чем от тебя требуется. Хоть в учёбе, хоть на службе. Времени потратится не намного больше, а результат просто удивит. И ещё... Всё делай с увлечением, тогда любое, самое сложное дело превратится из работы в игру, а это всегда приятней...

Мы ещё долго дурачились и болтали на разные темы. Я, как мог, пытался растянуть этот вечер, но как только наступил положенный час, послышался голос мамы:

– Ну что, мой герой, пора спать. Завтра с утра ты возвращаешься в Школьный Дом. Тебе нужно восстановить энергию, чтобы не ударить в грязь лицом.

– Дур-рацкий сон! Зачем только его придумали? – бухтел я. – Ма-ам, ну неужели нельзя съесть таблетку из Фарна, чтобы энергия появилась? И не спать никогда.

– Ах ты мой фантазёр. К сожалению, человеческий организм не машина. Он устроен по-другому, и Фарн тут не поможет. Когда-нибудь Просвещённые обязательно придумают, как решить эту проблему, а пока людям сон необходим. Иди, попрощайся с папой.

– Эх... Тогда расскажи мне ещё чуть-чуть о Просвещённых и их изобретениях. Ладно?

– С удовольствием.

Пока я прощался с отцом, мама "построила" мне комнату:

– Детская, – произнесла она запрограммированную команду. Из пола поднялись стены, отгородив пространство для моего сна. Затем мама "вырастила" кровать и включила так нравившийся мне режим каюты фарнолёта.

Приготовившись слушать, я удобно расположился в кровати. Мама, сев рядом, гладила меня и рассказывала о невероятных научных достижениях. Просвещённые и их науки всегда вызывали во мне интерес, хотелось самому сделать какое-нибудь великое открытие.

– А ты посмотрел материалы, которые я советовала при прошлой встрече? – спросила мама после очередного рассказа.

– Ну-у, да... почти... – замялся я.

Не то чтобы мне не нравилось читать или смотреть учебные ролики, просто всегда находились какие-то более важные дела, и мамино задание я каждый раз откладывал на потом.

– Понятно. Значит, нет...

– Угу, – грустно вздохнул я. – Обещаю, что к следующему разу я изучу в десять раз больше, чем ты задавала. Правда.

Сгорая от стыда, я отводил глаза в сторону, хотя в темноте их и так не было видно. В этот вечер я дал себе твёрдое обещание, что при следующей встрече поражу маму знаниями, как сегодня папу – результатами стрельбы. После такого она точно будет гордиться мной и ещё сильнее полюбит.

– Верю, мой хороший, верю. А теперь пора спать, – она поцеловала меня, и, подоткнув под бок одеяло, вышла.

Утром, еле сдерживая слезы, ведь мне не хотелось показаться слабаком, я попрощался с родителями и поплёлся в Школьный Дом. Это была наша последняя встреча.

[1] *Обиходное название транспортных капсул.*

Прошло два с половиной месяца после поездки к родителям. Утром, когда я заправлял кровать, ко мне подошёл наставник Купер. Это был угрюмый здоровяк лет пятидесяти. Я спиной почувствовал его приближение. Из-за нейронного протеза вместо правой ноги наставник имел походку, ритм которой ни с чем нельзя было спутать. Раньше Купер был Корпом, но после ранения его перевели к нам. Этот бездушный солдафон строго следовал жёстким военным порядкам, совершенно не думая о том, что мы ещё дети. Ребята боялись его как огня. Если Купер появился в спальне, то точно нужно было ждать беды. Я испуганно съёжился и повернулся. К моему удивлению, взгляд наставника был полон сочувствия.

– Сожалею, мой мальчик, – печально произнёс он. – Фарнолёт с твоими родителями был сбит. Они не выжили...

Я замер. Всё внутри похолодело от ужаса.

– Это тест, да? Вы специально всё придумали, чтобы проверить меня? – спросил я, не желая верить в случившееся.

– Мне б тоже хотелось, чтобы всё сложилось по-другому... – вздохнул Купер.

Обескураженный, я опустился на кровать.

– Может, это ошибка, и они живы? – с надеждой произнёс я.

– Понимаешь, там случилась жуткая мясорубка... По сигналам с Нейронных Меток ГИЦ обнаружил скопление тяжелораненых. Твоему отцу поручили спасательную операцию. Когда он подлетал к месту, его достал выстрел Небесной Крепости. Фарнолёт разлетелся вдребезги. Не спасся никто.

Мне приходилось видеть Небесные Крепости. Это были громадные летательные аппараты, стационарно висящие в воздухе и обладающие огромной огневой мощностью. В задачу Крепостей входила оборона и защита рубежей. Обычно их устанавливали на границе или над особо охраняемыми объектами. Я прекрасно понимал, что при прямом попадании в фарнолёт из такого оружия шансов выжить не оставалось.

Осознание случившегося постепенно овладевало мной. Тело стало ватным, руки опустились, точно плети. Энергия, которой у меня всегда было хоть отбавляй, будто превратилась в комок боли, поднявшийся к самому горлу, и слезами брызнула из глаз.

– Нет! Неправда! – закричал я, словно моё нежелание верить в услышанное могло всё исправить.

– Понимаю, малыш. Поплачь, поплачь...

Купер что-то говорил, утешая меня, но я не слышал его слов. Обессиленный, я рухнул лицом в подушку и зарыдал, вздрагивая всем телом. Наставник сел рядом и участливо положил на меня руку.

– Ты знаешь, а я был с ним знаком... с твоим отцом...

– Правда? – ответил я, вытирая слёзы.

– В моём последнем бою я потерял ногу и, если бы не помощь твоего отца, то потерял бы и жизнь. Ричард Блэйз тогда ещё служил штурмовиком. Мастерский был пилот. Рассказы о его подвигах гремели по всему фронту. Знаешь, как его прозвали?

– Как?

– "Бешеный аллигатор!" Корпус его фарнолёта был раскрашен под рептилию. Порой Рич такое вытворял... – усмехнулся Купер. – После моего спасения мы с ним частенько

встречались. С ним и с твоей мамой. Замечательные люди.

– Угу, – хлюпнул я.

– А ты знаешь, что он не хотел переводиться на медицинский фарнолёт?

– Нет, – заинтересовался я.

– Он считал, что эта служба менее важная и совсем не такая опасная, как работа штурмовика. Готов был даже отказаться от предложенного звания мидкомандера... А согласился только при условии, что в его команду переведут твою маму... Редко встретишь такие чувства. У нас же как принято – месяц-другой покувыркались и разбежались. Если повезёт, ещё и бонусы за потомство получили. Большая любовь в нашем обществе опасна...

– Почему это?

– Ну-у... Как тебе объяснить? Ты ещё мал. Понимаешь, когда чувства к кому-нибудь начнут превышать преданность Корпорации, то человек становится лёгкой добычей для коварной идеологии Страдальцев. Превращается в предателя. Конечно, это никак не касается твоего отца. Ричард был сильным человеком. В тебе, кстати, видна его закваска.

Я тяжело переживал потерю родителей. Моя эмоциональная связь с ними была гораздо сильнее, чем у многих других детей.

Наша группа состояла из сорока мальчишек. Все мы жили в одной большой комнате, как нам говорили, для развития командного духа. Последнее время я практически перестал общаться с ребятами из группы. Так, перекидывался иногда парой фраз. Меня и раньше нельзя было назвать самым открытым человеком, а после этой трагедии я совсем заперся в скорлупе своего маленького мирка. Моими друзьями стали книги и учебные ролики.

Я должен был выполнить обещание, данное матери. Особенно теперь, после её смерти, я считал, что если не сделаю этого, то предам маму. И я окунулся в изучение наук. Много и без разбора читал, смотрел обучающие программы, благо Сфера Света предоставляла такую возможность хоть круглые сутки. Новые науки захватили меня. Особенно увлекало устройство всего живого. Я изучал медицину, биологию, химию, физику. По верхам, конечно. Хотелось знать всё, и только время ограничивало мои желания.

По нескольким теоретическим предметам я поднялся на первые позиции в рейтинге нашего Уровня. Над этим страстным увлечением мальчишки в Школьном Доме посмеивались, а некоторые, завидуя моим успехам, обзывали кличкой "Недо" – Недоображем и Недопросвещённым. Говорили, что я не способен быть Стражем и поэтому выпендриваюсь, показывая, будто имею таланты Просвещённого.

Как-то вечером, после окончания уроков, я сидел на кровати и рисовал. Мне нравилось это занятие, да и получались мои работы довольно реалистичными. Передо мной часто всплывала картинка того проклятого боя. Вот и сейчас на бумаге появились Небесная Крепость, горящий фарнолёт, папа, мама...

– Что, Недо, опять свои схемки выводешь? – прозвучал сзади неожиданный голос и тут же, под задорный мальчишеский смех, я получил увесистую затрещину.

Увлёкшись рисованием, я не заметил, как со спины ко мне подкралась кучка ребят во главе с Райли Маллиганом, главным забиякой нашей группы. Ему нравилось поиздеваться над кем-нибудь, показывая свою значимость. За Маллиганом постоянно следовало четверо дружков, видимо считавших, что его сомнительный авторитет делает их круче. Райли был старше меня на полгода и выше на голову. На его розовом лице с выпирающими щеками всегда висела, словно приклеенная, ехидная улыбочка.

Он выхватил рисунок и, подняв его, принялся дразнить меня:

– Ну... ну... Покажи, как ты прыгаешь.

– Отстань, Маллиган! Верни! Это моё! – кричал я, пытаюсь отнять лист.

Парни схватили меня за руки и плечи и усадили, удерживая на кровати.

– Ух ты! Нехило получилось! Небесная Кре-епость... – восхищался Райли рисунком. – А это что за тётка в крови?

– Это не тётка, а моя мама. Она умерла... – опустил я голову.

– И что из того? Все старики помирают. Я своих родаков вообще не знал. Они повеселились, получили бонусы и всё. Зачем мы им ещё нужны? Зачем они нам?

– Как зачем? Это же моя мама! Я их больше никогда не увижу! Ты не понимаешь! Я никогда больше не увижу ни маму, ни папу! Никогда!!! – не выдержал я и зарыдал.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Райли и его шестёрки тут же подхватили веселье. – Ути-ути... Наш маменькин сыночек расплакался. Слабак. Плакса.

Закипавшая во мне злость на Маллигана, на несправедливость мира, на убийц, отнявших родителей, хлынула наружу.

– Отвали, урод! – крикнул я и, вырвавшись из рук мальчишек, бросился на обидчика.

У меня не было ни малейшего шанса. Маллиган был крупнее и сильнее. Он легко скрутил меня и, повалив на пол, победно водрузился сверху.

С тех пор, как только появлялась возможность, Маллиган дразнил и подначивал меня. Было ещё несколько случаев, когда я не выдерживал и бросался на задиру с кулаками, но каждый раз исход битвы был одинаковым...

И я решил научиться драться лучше, чтобы противостоять Маллигану и другим врагам, которые появятся в моей жизни. Конечно, нам преподавали основы рукопашного боя. Но мне казалось, что в нашем современном мире гораздо важнее владеть техникой и уметь стрелять, что достаточно нажать на спусковой крючок, и враг будет повержен. Так я думал раньше... После стычек с Маллиганом я стал смотреть фильмы о единоборствах и читать специальную литературу, а когда выпадала хотя бы минута свободного времени, бегать в спортзал.

Утром выходного дня, когда все ребята отсыпались или гуляли в городе, я побежал в тренировочный зал отрабатывать понравившийся мне по фильму прямой удар ногой в прыжке. Приём не очень получался. Я постоянно падал, но всё равно поднимался и, потирая ушибленные места, продолжал прыгать. Когда моё тело в очередной раз с грохотом рухнуло на пол, я услышал громкий командный голос.

– Стоп! Стоп! Стоп! Нет, Блэйз. Удар должен быть хлётким и резким, – наставник Купер сидел на зрительской скамейке и в такт словам стучал по ней ладонью. – Чтобы прыжок получался выше, после подскока резко выбрасывай вверх одно колено, затем другое, будто бежишь по лестнице с высокими ступенями...

– Здравствуйте, сэр.

– Ну, здравствуй. Чего остановился? Давай, давай, прыгай. Иначе ничему не научишься.

Я послушно выполнил команду наставника.

– Так... ещё... ещё... А теперь воспользуйся импульсом, который получается при сгибании колена, и резко выкидывай вперёд голень, словно плеть. Так... ещё раз... Подушечки пальцев напряжены... пальцы подтяни, чтобы не травмировать... Стопа должна вылетать резко, как пуля. Каждым движением нужно усиливать следующее, чтобы прыгнуть выше, увеличить силу или скорость... Давай ещё... ещё... Ну, вот видишь, уже гораздо лучше.

Я прыгал, прыгал и прыгал. Вконец запыхавшись, я сел на пол, пытаюсь перевести дыхание.

– Хорошо, передохни немного, – продолжал наставник. – Ты должен чувствовать каждую часть своего тела. Ты – единый организм. Руки, ноги и корпус должны быть одним целым, дополнять и помогать друг другу. Держи равновесие. И научись правильно падать, в конце концов, иначе все кости себе переломаешь.

Я с открытым ртом слушал подсказки учителя.

– Чего это ты не отдыхаешь, как все ребята? – неожиданно задал вопрос Купер.

– Да это... ну-у... – растерянно промямлил я, стараясь рукой прикрыть синяк, полученный в недавней схватке с Маллиганом.

– Поднимись-ка. Что у тебя там? – наставник подошел ко мне и, отодвинув руку в сторону, увидел фингал. – А-а, тогда понятно... Это хорошо, что ты понял – нельзя лежать пластом и трястись от страха. Я смогу тебе помочь, если пообещаешь серьезно отнестись к этому.

– Да, сэр! – воскликнул я. – Обещаю!

– Прекрасно. Жду тебя здесь сегодня вечером. Запомни, ты должен выпустить льва, сидящего в твоём сердце, и позволить ему издать боевой рык. Такой, чтоб только слышав его, враги сверкая пятками неслись прочь. Для этого нужно приложить немало труда. Будь сильным, как твой отец.

Каждый вечер мы встречались в тренировочном зале. Кроме отработки приёмов, Купер заставлял меня бегать, растягивать тело, укреплять мышцы. Я впитывал каждое слово учителя, боясь пропустить что-нибудь важное, и до изнеможения выкладывался на каждом занятии. Через пару месяцев я почувствовал себя более уверенным. Я перестал обращать внимание на придирки Маллигана, а лишь смотрел на него со снисходительной улыбкой, как взрослые смотрят на неразумного ребёнка. Изменение в моём поведении удивило и задело хулигана. И вот однажды раздосадованный Маллиган уже сам кинулся на меня с кулаками. Я ловко отпрыгнул в сторону и повалил его, заломив руку болевым приёмом.

– Отпусти, сволочь, мне же больно! – завопил Маллиган.

– А ты думаешь, мне было приятно? Быстро извиняйся, или я её сейчас сломаю! – рывкнул я и ещё сильнее надавил на руку.

– Всё... всё... прости... – застонал Райли.

Я усмехнулся и выпустил его руку. Маллиган вскочил и бросился на меня снова, но тут же оказался на полу.

– Отпусти! Я правда больше не буду! – завопил Маллиган.

– Смотри, в следующий раз не буду таким добреньким, – сказал я поднимаясь.

Держась за больную руку, Райли отбежал на безопасное расстояние.

– Псих ненормальный! – крикнул он, вытирая слёзы.

Я угрожающе двинулся в его сторону. Хулиган развернулся и под смешки, обиженных им когда-то ребят, убежал. Заметив тихо стоявших рядом дружков Маллигана, я подошёл к ним.

– Если взбредёт в голову напасть на меня толпой, то обещаю: выловлю каждого поодиночке, и тогда не обессудьте...

– Да не, что ты, Вик...

– Что тут происходит? А ну, разошлись! – послышался зычный голос Купера.

Лицо наставника искривилось от злости, но мне показалось, что в его глазах мелькнула

довольная усмешка.

После этого случая Маллиган больше не осмеливался даже косо взглянуть в мою сторону, стараясь обходить стороной. Слух о том, что я побил здорового Райли, пронёсся среди ребят, и они стали относиться ко мне с опаской и уважением.

Я понял, что, приложив усилия, можно найти выход практически из любой ситуации. Проблема с Маллиганом была решена. Единственное, что меня теперь угнетало – это смерть родителей. Вернее, злость на их убийц. И я решил отомстить. Я должен был стать отличным бойцом, чтобы меня пригласили в Манतिकоры. У меня появилась цель.

Папино упорство и мамина тяга к науке помогали мне двигаться вперёд. Я никогда не забывал, что всегда нужно делать больше, чем требуется, и всё свободное время посвящал достижению поставленной цели. У меня не было друзей, я считал, что тратить время на мальчишеские забавы бессмысленно. К чтению и физическим упражнениям добавились тренировки в тире и управление техникой. За последующие три года я показал неплохие результаты по предметам, преподаваемым в Школьном доме, освоил несколько дополнительных дисциплин и получил кое-какие полезные навыки.

Как-то после занятий меня подозвал наставник Купер.

– Блэйз.

– Да, сэр.

– Я давно наблюдаю за тобой, парень. Рад, что не ошибся в тебе. У тебя неплохой потенциал. Если так пойдет, ты сможешь стать хорошим полководцем.

– Спасибо, сэр, – ответил я, с трудом скрывая удовольствие.

– Но все твои успехи ничего не стоят...

– Почему, сэр? – удивился я.

– ...если не станешь лидером. Герои-одиночки бывают только в фантазиях. Ты должен научиться быть командиром. Командиром, которому верят, за которым идут.

– Сэр, вы хотите мне что-то посоветовать?

– Выйди за пределы своего мира, перешагни границы – иначе ничего не получится.

– Как это?

– Для начала вылезь из кокона, не сторонись людей. Присмотрись к ребятам, выбери себе друзей. Настоящая дружба – это ценный дар. Только не забывай, что превыше всего должна оставаться Корпорация.

– Спасибо, сэр. Я подумаю. А какое качество самое важное для лидера?

– Хм... Сложный вопрос, – наставник задумался, видимо, вспоминая какие-то события своей жизни. – Наверное, это умение брать на себя ответственность за всю группу, особенно в сложные моменты, и при этом не искать личную выгоду. Думаю, только так можно заслужить преданность команды.

Пятнадцатилетний возраст считался важным рубежом для учеников Школьных Домов. Заканчивалась средняя ступень обучения и начиналась высшая. Переход проходил после сдачи экзаменов, от результатов которых зависело распределение. Можно было попасть в продвинутую, основную или вспомогательную группу. На этом этапе учеников могли перевести в школы с другой специализацией: к Просвещённым или к Пчёлам. Но случалось такое крайне редко.

Предэкзаменационная кутерьма поглотила всех с головой. Ребята выкладывались по максимуму, ведь от рейтинга зависели дополнительные бонусы, которые могли повлиять на будущую карьеру. Мы готовились к сдаче тестов на симуляторах, штудировали теоретическую часть и выматывались до бессилия на физической подготовке. Задания были как индивидуальными, так и групповыми, теперь я стал больше контактировать с однокашниками для получения навыков работы в команде.

В тренировочный зал, где наша группа готовилась к тесту на ловкость, привели новичка.

– Хочу представить вам нового товарища – курсанта Отто Клевица, – говорил наставник. – Он прибыл к нам из Новой Зеландии. Из-за обострившейся военной обстановки было принято решение расформировать в их городе Школьный Дом, а детей распределить по разным регионам. Сейчас там ведутся ожесточённые бои с Альянсом. Курсанта Клевица направили к нам. Отто, как и все вы, из семьи Стражей, причём не из самой обычной. Его отец – участник знаменитой операции "Аляска", один из немногих, кто имеет красную нашивку.

– Красную?! Обалдеть! – воскликнул кто-то из ребят. – Кхм... – Купер сурово сверкнул глазами на перебившего его мальчика. – Что ж, курсант Клевиц, идите знакомиться с новыми друзьями.

"Боец той самой Мантикоры!" – с восхищением подумал я.

Я с интересом посмотрел на новичка. Ничего выдающегося. Это был худенький паренёк среднего роста с прямыми, как солома, светлыми волосами. Спортивная футболка не могла скрыть сильный ожог, уродовавший его левую руку. Кожа от плеча и почти до самого запястья имела нездоровый розовый оттенок.

"Это из-за того самого 'обострения военной обстановки'? Больно, наверное, было..." – поморщился я.

Чуть заметные лучики-морщинки вокруг его больших серых глаз и живое лицо говорили о легком характере и весёлом нраве. Сейчас он явно чувствовал себя не в своей тарелке. От волнения Отто постоянно дёргал себя за мочку уха. Переминаясь с ноги на ногу, он то с любопытством рассматривал незнакомых ребят, то с испугом отводил взгляд в сторону.

– Здравьте, – заметно стесняясь, промямлил новичок и направился к нам.

– Вот увидите, этот жареный сморчок будет хвастаться папашкой, хотя сам он точно полный нуль, – прошептал дружкам Маллиган.

Ребята, поддержав злую шутку, рассмеялись, ехидно посматривая на новичка.

– Отставить! – прикрикнул наставник. – Сейчас мы проведём соревнование. Вы должны будете за максимально короткое время преодолеть дорожку из "парящих кочек". Есть вопросы?

– Нет, сэр! – дружно прокричали курсанты.

Посредине тренировочного зала зияла огромная яма диаметром примерно в сорок-пятьдесят шагов. Для безопасности на глубине десяти футов ^[1] в ней была натянута упругая сетка. В пространстве над бездной на уровне пола в хаотичном порядке болтались "парящие кочки". Это были разноцветные полусферы, висящие в определенных точках за счёт миниатюрных фарндвигателей. Наставник подошел к пульта управления и, произнеся команду, активировал тренажёр. Лишние полусферы отъехали к бортикам, а оставшиеся выстроились в причудливую змейку, протянувшуюся поперёк ямы.

– Курсант Адамсон, – вызвал наставник первого ученика. – На исходную.

– Есть, сэр, – ответил долговязый Пол Адамсон и, подойдя к стартовой площадке, приготовился к тесту.

– Пошёл! – скомандовал Купер.

На большом экране пульта управления замелькали цифры начавшего отсчёт таймера. Пол осторожно перепрыгивал с "кочки" на "кочку", балансируя всем телом, чтобы удержать равновесие. При прыжке полусферы колебались, постепенно возвращаясь к исходному положению.

– Смелее, курсант, – подбадривал наставник.

Не пройдя и трети дистанции, Пол рухнул в надёжные объятия страховочной сетки.

– "Бу-ум!" – прозвучало из динамиков, а на экране появилось изображение взрыва с разлетающимися в стороны тапочками.

Наставник по очереди вызывал мальчишек на старт, но добрая половина из них не смогла справиться с заданием. Ребята с весёлым улюлюканьем болели за товарищей. Очередь дошла до новичка. По всему было видно, что Отто шустрый малый. Неуёмная энергия не давала ему стоять на месте.

– Курсант Клевиц, – вызвал наставник.

– Есть, сэр, – парень подошёл к исходной позиции и начал движение.

– Сейчас посмотрим, как летают жареные окорока, – язвительно прошептал Маллиган и, подкравшись сзади, поставил новичку подножку.

Под гогот дружков Маллигана Отто свалился в яму. Довольный Райли стоял, скрестив руки, и наслаждался насмешливыми комментариями дружков. На его круглом лице сияла гадостная улыбочка.

Я вспомнил, как Райли издевался надо мной. Похоже, сейчас он выбрал новую жертву. Всё внутри меня закипело от негодования. Я подошёл к краю ямы и помог новичку выбраться. Повернувшись к Райли, я схватил его за грудки и со злостью прошептал:

– Ещё его раз тронешь и будешь иметь дело со мной.

За предыдущее лето я здорово вытянулся, и сейчас отставал от Маллигана в росте уже не больше чем на пару дюймов. К тому же я не бросал усиленно заниматься рукопашным боем и чувствовал, что справиться с Райли мне будет даже проще, чем раньше. Он это тоже прекрасно понимал, но должен был сохранить лицо перед своими дружками.

– Ух, как страшно, – состроил гримасу хулиган. – Только посмотрите – наш выскочка в одной команде с уродцем... – и шёпотом добавил: – Послушай, мы же договорились: я не трогаю тебя, а ты не лезешь в мои дела.

– Что ты сочиняешь? Я никогда о таком бреде не договаривался. Признайся, ты тогда просто трусил?

– Кто? Я трусил?

– А ну-ка, разойтись! – прокричал подбежавший наставник. – Ещё одна такая выходка,

и ты месяц не увидишь увольнительной, Маллиган. Тебя это тоже касается, Блэйз.

– Ну, Недо, теперь держись, – процедил Райли и отошёл в сторону.

Разняв нас, наставник продолжил соревнование. Мне дистанция далась довольно легко

– сказались многочисленные тренировки и в этом зале, и в парке Юных Стражей.

– Я недоволен результатом. Тот, кто не прошёл дистанцию, проведёт выходные в этом зале. А сейчас посмотрим на битву пятёрок, – продолжил он. – Двое курсантов, преодолевших дистанцию за минимальное время, наделяются правом возглавить команды, набрав по четыре человека на своё усмотрение. Это курсанты... Блэйз и Маллиган.

– У-у-у, – загудели мальчишки в предвкушении шоу.

Я произнёс фамилии наиболее способных, на мой взгляд, ребят.

– Прайз, Такер, Чейни и... Клевиц, – я не мог не выбрать Отто, который сейчас так нуждался в поддержке.

– Маллиган, естественно, набрал команду из ребят своей банды.

Наставник активировал режим битвы. Полусферы выстроились в сеть, напоминающую пчелиные соты. Один полукруг ямы был покрыт "кочками" жёлтого цвета, а другой – зелёного.

– Блэйз, твой цвет жёлтый, расставляй своих бойцов. Маллиган, твой – зелёный. Начинаете после моей команды. Бой заканчивается, когда на полусферах останутся игроки только одной команды.

Мы рассредоточились на "кочках" своего цвета.

– Готовы? – спросил наставник и, махнув рукой, скомандовал: – Битва!

– Парни, как договаривались, давай! – крикнул Маллиган.

Мальчишки достали приготовленные шарики с маслом и принялись швырять их в полусферы, на которых стояли мои ребята.

– Мазила! – прикрикнул Райли на одного из парней – его пакет пролетел мимо "кочки" Отто.

Такого коварства мы не ожидали. Трое моих бойцов с воплями свалились вниз. Я тоже не удержался и поскользнулся. В последний момент мне удалось ухватиться за рифлёные края полусферы, и я повис над сеткой.

Зрители недовольно зашумели:

– Нечестно, Маллиган жульничает.

– Такую битву запарол...

– Засчитайте ему поражение, сэр.

Но наставник не стал останавливать бой, а только с любопытством смотрел на то, как я болтаюсь под "кочкой".

– А ну, тихо! Продолжаем битву! – крикнул Купер, желая посмотреть, как я выпутаюсь.

– Всё честно, – самодовольно усмехнулся Маллиган. – Что не запрещено, то разрешено.

Я раскачался и вскарабкался на масляную поверхность. Скинув скользкую обувь и вытерев руки о штаны, аккуратно перебрался на соседнюю "кочку". Противники окружили нас с Отто и приготовились к атаке.

"Как Маллиган узнал, что именно сегодня пройдёт битва пятёрок? Такую подлость придумал... Вот сволочь..." – с досадой подумал я.

– Ну и сволочь же ты, Райли... – словно вторя моим мыслям, произнёс Отто. – Держись, командир, – подмигнул он мне и неожиданно прыгнул на Маллигана.

Он обхватил противника руками и увлёк за собой в пропасть. Лишившись вожака,

друзжки Маллигана растерялись. Воспользовавшись моментом, я прыгнул к одному из них и скинул вниз. Соперники стали более осторожными. Я попытался заманить их к облитым маслом полусферам. Один из парней, обращая больше внимания на меня, чем на "кочки", попался на уловку и, поскользнувшись, последовал за поверженными товарищами. Двое оставшихся уже совершенно не пугали меня, и я пошёл в нападение. Один из них, убегая, упал сам. А справиться с последним один на один не составило особого труда.

Зрители загудели в восторге:

– Молодец, Вик!

– Круто ты их!

– Bravo, Викки!

Как только я выбрался на твёрдую поверхность, ко мне подошёл Купер.

– Блэйз, удивил, честное слово. Похоже, из тебя действительно выйдет толк, – похлопал меня по плечу наставник. – А тебе, Клевиц, вот что скажу: во времена службы мне всегда не хватало в бою такого надёжного напарника.

Я стоял, обняв Отто за плечи, и шутливо кланялся одноклассникам.

– Радуйтесь, радуйтесь, – зло прошипел Маллиган. – Вы у меня ещё попляшете...

[1] *Примерно три метра.*

Следующим утром наша группа летела на экскурсию. Фарнолёт нёсся за город, к руинам старого Лондона. Ребята с любопытством прильнули к смотровым окнам, ведь никто из нас не видел прежде Глазниц Предков.

Несколько веков постоянных войн не позволяли выделять средства на восстановление разрушенных городов. Проще было создать новые.

Картина, открывшаяся взору, пугала. Дороги были испещрены воронками от взрывов, заполненными зелёной жижей. Тут и там валялись исковерканные остовы техники. Руины строений зияли рваными дырами от попавших снарядов. Отовсюду торчали ржавые покорёженные металлоконструкции и арматура.

Особенно меня поразили горы гниющего мусора и отходов, вывозимых из столицы. Контраст со сверкающим чистотой Нью-Лондона, кишашего ордами роботов-уборщиков, был разительным. Уже гораздо позже, когда разобрался в сути нашего общества, я понял, что стоящие у власти коммерсанты не хотели нести дополнительные издержки. Зачем перерабатывать, если можно просто выбросить всё ненужное куда-нибудь подальше? Пусть разбираются будущие поколения, если это станет проблемой...

Наступающая природа довершала разрушение покинутого города. Проросшие деревья и кустарники выламывали куски стен и перекрытий. Вьющиеся растения оплетали остатки зданий, а разросшийся бурьян покрывал фрагменты крыш.

Из какой-то книги я помнил, что несколько тысяч лет назад, когда на эту землю впервые пришли римские легионеры, здесь были болота. Во время войн дамбы, сдерживавшие воды Темзы, разрушились, и руины города регулярно затапливало. Старый Лондон снова превратился в болото, мрачное зловонное болото, сжирающее следы великой цивилизации.

– В будущем вы все станете Стратерами, – говорил наставник. – А кто главный враг Стратеров?

– Страдальцы! – хором отвечали мы.

– Верно. Они часто прячутся в Глазницах. Сегодня мы побываем на объекте, где неделю назад была захвачена одна из их баз. Разыскать Страдальцев не такая простая задача, ведь они уничтожают свои Метки.

– Это что же, они себе кисть отпиливают что ли? – спросил кто-то из ребят.

– Ради своих принципов эти фанатики готовы и на такое, – усмехнулся Купер, – но, к сожалению, есть способы и попроще...

– Как же они без Ока? Это же жутко неудобно: ни тебе помощи, ни развлечений.

– Извращённая идеология их так зомбирует, что кроме гадостей жителям Барстера они ни о чём и не помышляют.

– А как же их находят без меток-то?

– Чаще – при воздушном патрулировании. А так, способов много... Зимой по следам на снегу вокруг развалин. Летом их частенько вычисляют по огородам. Сканируют подозрительные помещения на наличие источников энергии, без Фарна сложно обходиться даже предателям и изгоям. Ищут с помощью тепловых датчиков. Правда, при этом нужно быть осторожным, ведь всегда есть шанс натолкнуться на диких зверей. У опытных Стратеров много хитростей. Когда попадёте в подготовительный отряд, старшие товарищи с

вами обязательно поделятся...

– А правда, что Страдальцы воруют маленьких детей и едят их?

– Ну, это чересчур, – засмеялся наставник. – Они, конечно, опасны, но не настолько...

Поднимайтесь, ребята – мы прибыли.

Фарнолёт приземлился около разрушенного корпуса какого-то древнего завода в промышленной зоне старого Лондона.

– Бдительные люди сообщили о подозрительном человеке без ЛУНа, – рассказывал наставник. – Стражи проследили за ним, и он вывел их на целое гнездо Страдальцев – около двух десятков человек.

Вслед за наставником по полуразрушенным ступеням мы осторожно поднялись на второй уровень заводского корпуса.

– Здесь у них была перевалочная база для отправки новичков в Глухие Территории, подальше от жилых городов, – продолжал рассказывать Купер. – На этом уровне Страдальцы занимали несколько помещений. Эти гады неплохо подготовились: на крыше оборудовали наблюдательный пункт, все подходы напичкали сигнализацией и ловушками. Когда бойцы проникли в здание, там уже никого не было. Но наши спецы всё же достали их в коммуникационных сетях под землёй... А сейчас можете очень осторожно осмотреть здание. По одному не шастайте, далеко не отходите и при малейшей опасности связывайтесь со мной.

Ребята разбрелись по корпусу, с любопытством рассматривая руины. Мы с Отто зашли в одну из комнат, где ещё недавно обитали Страдальцы. Тусклый свет освещал покинутую каморку, пробиваясь через толстое, чудом сохранившееся стекло. Чувствовалось, что обитатели комнаты пытались создать уют, притащив сюда ветхую мебель из древних жилищ. Возле стены я увидел массивный деревянный шкаф. Из-за открытой створки виднелись стопки аккуратно упакованных старых книг, явно подготовленных к транспортировке. Часть из них валялась рядом на полу. Пока Отто разглядывал комнату, я подошёл к шкафу.

– Сколько книжек! – восхитился я. – Интересно, что они читают?

Бумажные книги считались большой редкостью. Присев на корточки, я с любопытством перелистывал страницы. В основном это были художественные произведения, а иногда попадались даже томики стихов.

– Странные люди, – удивился я. – Зачем времена на эту ерунду?

В поисках чего-нибудь интересного я передвигал стопки, разглядывая по корешкам названия. И тут из шкафа вывалилась какая-то тварь. Её извивающееся тело блеснуло чешуёй, отражая солнечный свет.

– А-а-а! Змея! – испуганно завопил я.

Споткнувшись о книжные развалы, я грохнулся на пол и замер от страха: рядом с моим лицом парила голова ядовитой твари, раскачиваясь в такт неслышимой мелодии. Змея раздула пятнистый капюшон и, выпустив раздвоенный язык, грозно шипела. Чёрные немигающие глаза завораживали. Казалось, что волосы на моей голове от ужаса шевелились в унисон её смертельному танцу. Внезапно что-то быстрое, как молния, сверкнуло перед глазами и отбросило адское создание в сторону. Пригвождённая к дверце шкафа змея затрепыхалась в агонии под остриём вибрирующего лезвия ножа.

– Ух... ух... ух... – пытался я отдышаться. – Э... это... это же кобра... Ж-жуткая зверюга... Я читал о таких. Как же она попала в наши места?.. Спасибо, что не струсил. Если бы не ты...

– Да, брось, Вик, мы же друзья. Ты б тоже меня выручил, – Отто протянул руку и помог мне подняться.

Я выдернул крепко засевший в дереве нож. Безжизненное тело змеи пёстрой полосой упало на пол. Всё ещё внушающие ужас останки я откинул ногой подальше в угол.

– Откуда у тебя эта штуковина? – с любопытством рассматривал я оружие. В наше время холодным оружием уже давно никто не пользовался, может только как вспомогательным инструментом.

– Папа подарил. Это единственное, что мне от него осталось... Говорил, что ему этот нож не раз жизнь спасал. – Взгляд Отто стал печальным.

– Он погиб, да?

– Угу, – Отто опустил голову, его губы дрогнули, а глаза блеснули от проступившей влаги.

– Расскажешь потом о нём? – спросил я, протягивая нож другу.

– Конечно. Хочешь, научу метать? – произнёс Отто, переборов нахлынувшие воспоминания.

– Ещё бы! – обрадовался я.

Отто поднял какой-то осколок с пола и нацарапал на торце шкафа контур человека. Он отошёл на несколько шагов и с силой бросил оружие. Нож со свистом разрезал воздух и вошёл в то место, где должно быть сердце.

– Ого! – восхитился я. – Можно попробовать?

– Давай.

Что есть мочи я швырнул оружие в цель. Нож плашмя ударился о деревяшку и с дребезгом отскочил в сторону.

– У-у-у, – огорчился я.

– Это ничего. Ты бы знал, сколько мне пришлось тренироваться... Отец был мастером, мог с десяти шагов в волосок попасть. Нож так встревал в дерево, что я его двумя руками еле выдёргивал... Не думай, как он полетит. Сконцентрируйся на цели. Представь, как лезвие входит в нужную точку, – учил Отто. – Почувствуй нож, почувствуй его вес, форму – твой мозг лучше самого мощного компьютера рассчитает траекторию. Давай ещё.

Я снова метнул нож. Как и в прошлый раз, тот со звоном отлетел в сторону.

– Ну вот, опять... – расстроился я.

– А ты что хотел? Думал, всё сразу получится? На это нужна куча времени... Пробуй ещё.

Я поплёлся поднимать нож.

– А, вот вы где! – услышал я голос Маллигана.

Он появился в комнате в сопровождении неизменной свиты из четырех дружков. Неожиданно один из парней бросился на Отто и крепко схватил его, сцепив руки замком. Трое других во главе с Райли окружили меня.

– Ну, что? Теперь давай драться по-честному. Этот уродец тебе не поможет, – зло процедил Маллиган. – Сейчас я тебя точно проучу, а то возомнил о себе...

Похоже, четверо на одного он считал честной дракой. Я принял стойку, ожидая нападения. Первым бросился Маллиган. Я резко отпрыгнул в сторону. Выставив вперед ногу, я ухватил запнувшегося Райли за плечи и толкнул в завешанный рваными тряпками угол комнаты. Вернувшись в стойку, я приготовился к следующей атаке.

– А-а-а-а-а! – за спиной послышался протяжный вопль, закончившийся глухим ударом.

Позабыв о противоречиях, мы бросились в угол, из которого послышался крик. Оказалось, что за тряпками был замаскирован люк, в него и угодил Маллиган. Дав команду Нейронной Метке, я вызвал эффект свечения. Голубое сияние, исходящее от ладони, разбавило чернильную темноту колодца, скрывавшегося под крышкой. На глубине пятнадцати футов ^[1] виднелась фигура Райли с раскинутыми руками.

– Сваливаем! Он там насмерть расшибся! – прокричал один из подручных Маллигана, и испугавшиеся дружки выскочили из комнаты.

Я внимательно оглядел стенки колодца и заметил трещины. По ним, с помощью ножа Отто я осторожно спустился вниз. Помещение походило на бункер, в стене которого имелся проход в тёмный тоннель.

Я подошел к Маллигану. В его ногу и бок вонзились ржавые прутья арматуры, торчащие из бетонного пола. Вокруг растеклась большая лужа крови.

– Ну? – кричал сверху Отто. – Что там, Вик?

– Беги за помощью!

– Лучше я тебе помогу. – Отто нашёл в комнате какую-то верёвку и спускался вниз.

– Думаю, ребята уже всё рассказали Куперу.

Я осмотрел раненого. Мамины рассказы и прочитанные книги здорово помогли мне.

– Жизненно важные органы, кажется, не задеты...

Отто стоял рядом и с ужасом смотрел на Маллигана, не подававшего признаков жизни.

– Он точно не помер? – Как обычно в моменты волнения, Отто дергал себя за мочку уха.

– Много крови потерял... Если срочно не остановим, может и умереть. Помоги.

Я понимал, что извлекать инородное тело из раны опасно, но быстрая потеря крови перевешивала все риски. Мы приподняли Маллигана, осторожно вытаскивая прутья. Раздался душераздирающий крик. Райли орал как сумасшедший, кровь забрызгала всё вокруг.

– Потерпи немного, скоро придёт помощь. Мы тебя здесь не бросим.

На освобождение Маллигана ушло не больше минуты, и мы оттащили его в сторону. Я снял с себя рубашку и разорвал её на ленты.

– Приподними его за плечи, чтобы рана оказалась выше, и зажми. Я пока перевяжу ногу. – Из неё пульсирующей струей била ярко-красная кровь. – Бедренная артерия перебита... Надо кровоток перекрыть, – сказал я, накладывая давящую повязку над раной.

– М-м-м, – простонал он, скривившись от боли.

Сил рук для остановки кровотечения не хватало, чтобы пережать артерию, пришлось навалиться всем весом, упираясь голенью. От боли Маллиган закусил губу.

– Извини, так надо...

Закончив с ногой, я перешёл к ране в боку. Она оказалась не такой страшной. Разорвав кожный покров, арматура не повредила внутренних органов. Сделав из ткани тампон, я приложил его к рваной ране и перевязал лентами из разодранной рубахи.

На всякий случай я ещё раз осмотрел Райли.

– Ни одного перелома... С такой высоты... – удивился я. – А ты крепкий парень.

Другие травмы были совсем пустяковыми: ссадина на плече, неглубокий порез на левом запястье и несколько царапин на лице.

– Спасибо... – прошептал слабым голосом Маллиган. – Простите... я... я...

– Всё хорошо, Райли, – утешал я его. – Береги силы. Мы не оставим тебя. Скоро придёт помощь... – повторял я.

– Слушай, Вик, давай носилки сварганим. Представляешь, прибежит Купер, посмотрит, а мы тут даже до такого додумались... – предложил Отто.

– Хорошая мысль, с носилками проще будет, – согласился я.

Мы внимательно осмотрели помещение в поисках нужных деталей.

– Попробуем выдернуть? – Отто кивнул на торчащие металлические трубы.

Первая труба с легкостью вышла из полуразрушенной стены. Когда выдёргивали вторую, стена не выдержала и рухнула, перекрыв лаз. Мы ели успели отскочить в сторону, чудом не попав под обломки.

– Эх, зря мы это затеяли... Теперь сюда точно никто не проберётся, – грустно посмотрел я на завал.

– Да уж... – почесал затылок Отто и принялся манипулировать своим Оком. – Вот засада! Связь на нуле. Эти стены всё экранируют, – расстроено махнул он рукой.

– Мы тут уже минут двадцать, а никто так и не появился...

– Я тоже об этом подумал. Может, эти храбрецы побоялись сообщить Куперу?

– Хм... Может быть... Тогда давай я останусь с Райли, а ты беги за подмогой. Даже если они уже идут сюда, так будет быстрее. У нас каждая минута на счету, нужно срочно к медику. У Маллигана может быть заражение, а часа через полтора из-за повязки без питания ткани отмирать начнут...

– Через тоннель? Не, рискованно... Связи здесь никакой, а вдруг я заблужусь в этом подземелье? Ты тут будешь сидеть, ждать помощи... Ну уж нет! Надо идти вместе.

– Ладно, тогда давай доделывать носилки, и вперёд.

Теперь жизнь Маллигана зависела только от нас. Мы засунули трубы сначала в рукава куртки Отто, затем в мои. Болтающиеся полы крепко связали, перехлестнув через трубу. Получилась довольно надёжная конструкция.

– Райли, ты можешь включить свечение своей Метки, а то нам совсем не с руки? – попросил я.

– Нет, – мотнул он головой. – Моё Око сдохло.

– Ну-ка, дай посмотреть, – я взял ладонь Маллигана. – Да-а, похоже, при порезе нарушилась связь с нервными окончаниями. Ничего, как-нибудь справимся.

Мы уложили раненого на носилки и шагнули в темноту тоннеля. Двигались почти на ощупь, через каждые несколько шагов приходилось останавливаться, ставить носилки на землю и подсвечивать дорогу. Примерно через двести ярдов мы оказались на перекрёстке. Совершенно невозможно было предугадать, что это за ходы и куда они нас выведут. Растерявшись, мы стали кричать:

– Помогите!

– Кто-нибудь!

– Слышите нас?!

Из полумрака неожиданно появился человек. Это был пожилой мужчина лет семидесяти, одетый в лохмотья.

– Посмотри, у него нет ЛУНа, это точно Страдалец... – испуганно прошептал Отто.

– Не бойтесь, – сказал незнакомец тихим голосом, заметив тревогу на наших лицах.

Его добрый внушающий доверие взгляд, помог нам немного расслабиться. Старик оценивающе посмотрел на нас и, достав из кармана флягу, протянул её Райли.

– Вот, хлебни. При такой кровопотере нужно пить как можно больше. Пойдёмте, – сказал он, поманив нас за собой.

Мы долго шли по сменяющим друг друга коридорам, некоторые из них были подтоплены. Вокруг стояла невыносимая вонь. Время от времени по пути попадались жирные крысы, а под ногами противно лопались какие-то насекомые, которых здесь было видимо-невидимо. В одном из тоннелей вода поднялась уже по пояс. Зловоние мерзкой жижи становилось просто нестерпимым. Чтобы Райли не захлебнулся, приходилось поднимать носилки выше. От неудобного положения руки затекли, казалось, что они вот-вот отвалятся. И тут мы увидели спасительный свет. Сначала он казался маленьким светлячком, копошащимся где-то вдали, но с каждым шагом точка росла всё больше и больше...

– Дальше сами. Думаю, вас там уже заждались, – сказал Страдалец и скрылся в темноте так же неожиданно, как и появился.

Выбравшись на улицу, мы поставили носилки на землю и, совершенно обессиленные, повалились рядом. Примерно в пятидесяти ярдах^[2] от нас стоял фарнолёт, вокруг которого толпились ребята.

– Смотрите! Вот они! – прокричал кто-то, указывая в нашу сторону.

Толпа подбежала к нам, окружив плотным кольцом. Ребята шушукались, с сочувствием поглядывая на нас. С трудом проложив дорогу сквозь ораву мальчишек, к нам пробился разъярённый наставник.

– Что вы тут устроили? – проревел он, глядя на меня.

– Мы играли... несчастный случай... – сбивчиво объяснил я.

– Это он толкнул Маллигана! – крикнул парень из шайки Райли, тыча пальцем в мою сторону.

Я посмотрел на раненого Маллигана, на его дружков, прячущихся за спинами товарищей, и мне почему-то стало жалко этих мальчишек. Не в силах оправдываться, я опустил голову.

– Вик, ты чего? Они же сами... – тряс меня Отто.

– Всё верно – я толкнул Райли. Не нужно было в это ввязываться... – тихо сказал я другу.

– Когда вернёмся, я разберусь с тобой, Блэйз, – рявкнул наставник.

– Простите, сэр, я подвёл вас.

– Там... там Страдалец... – еле слышно прошептал Маллиган, кивая на тоннель.

Трое Стратеров, сопровождавших нашу экскурсию, сорвались с места и скрылись в здании. Через несколько минут они вывели одетого в электронные наручники Страдальца. Проходя мимо, старик посмотрел на нас с какой-то горькой усмешкой и тихо запел. Песня была очень трогательной и такой пронзительной, что пробудила во мне целую бурю эмоций. В ней была слышна боль, борьба и надежда. Незнакомая мелодия звучала всё тише и наконец замерла вдали. Мне стало досадно, что старика схватили. Чувства признательности нашему спасителю и долга перед Корпорацией боролись во мне, и какое-то липкое ощущение предательства противно окутало разум.

"Зачем? Зачем он помог нам – своим врагам? Ведь было понятно, что мы обязательно его сдадим", – думал я.

– Хватит его жалеть, курсант Блэйз! – прикрикнул Купер, прочитав эмоции на моём лице. – Именно поэтому их и называют Страдальцами. Они пытаются вызвать сочувствие и кажутся добренькими, а на самом деле просто подлые предатели и враги Корпорации.

После возвращения я тревожно гадал, какое наказание меня ожидает. Прошло три дня, но никаких последствий так и не наступило.

"Может, Купер пожалел меня и никому не сообщил о происшествии?" – надеялся я.

Неожиданно занятие нашей группы посетил сам Мастер-наставник – начальник Школьного Дома. Его сопровождали два человека – старший медик и какой-то незнакомец. По ЛУНу на его груди я понял, что это представитель Корпоративной Комиссии Образования.

– Смир-рно! – крикнул наставник, построив группу перед гостями.

Никогда за время обучения нас не посещала такая представительная команда. Я заметил, как Купер о чем-то шепчется с гостями, кивая в мою сторону.

"Ну, всё, теперь точно накажут. А вдруг ещё и в Пчёлы переведут? Это конец..."

– Курсант Блэйз, ко мне, – скомандовал наставник.

– Есть, сэр! – звонко ответил я, стараясь скрыть волнение.

Пытаясь держаться достойно и храбро, я направился к комиссии, хотя в душе трепетал от страха и неизвестности. Мастер-наставник с любопытством посмотрел на меня и без малейшего упрека в голосе произнёс:

– Встаньте рядом... Записи Нейронных Меток помогли нам выяснить, что курсант Блэйз не виновен в известном инциденте. Похвально, что он не побоялся взять на себя вину менее смелых товарищей. Позже реальные виновники будут наказаны. Сейчас же мы не будем привлекать их к дисциплинарной ответственности, чтобы не отрывать от подготовки к экзаменам, тем более что главный зачинщик ещё в лазарете. Этот проступок обязательно скажется на итоговых баллах. Что касается курсанта Блэйза... Я поражён такой выдержкой и умениями. Если б не его мастерство и хладнокровие, Маллиган мог бы скончаться от потери крови. Курсант Блэйз, – продолжил он торжественно, – за спасение товарища в критической ситуации вы награждаетесь зелёной нашивкой.

От столь неожиданного поворота я удивлённо вытаращил глаза. Наставник и гости, с улыбкой глядя на меня, зааплодировали. Я смущенно опустил голову. Чувство гордости переполняло. Вручение наградных нашивок курсантам было большой редкостью, тем более ещё не закончившим среднюю ступень обучения. Как я узнал позже, последний раз такой случай в Школьном Доме произошел целых семь лет назад.

"Вот бы папа увидел это..." – мечтательно подумал я.

[1] *Примерно четыре с половиной метра.*

[2] *Примерно сорок пять метров.*

Пролетело три месяца. За это время я ещё сильнее сблизился с Отто. Он не раз проявил себя человеком, на которого можно положиться. Я часто вспоминал слова наставника о том, что дружба – это дар, который нужно беречь. Отто оказался настоящим другом. Кроме того, мне с ним было интересно, он был моим единомышленником – мы оба мечтали стать Мантикорами. Он, как и я, был очень привязан к родителям. Многим такая привязанность казалась чуждой и непонятной. Это ещё больше сдружило нас. Отто частенько делился рассказами отца о службе в спецподразделении, и мы выстроили чёткий план подготовки, чтобы оказаться в числе счастливых приглашённых.

Среди ребят группы мы пользовались большим авторитетом. Нам удалось создать отряд для совместной подготовки к экзаменам, ведь к некоторым испытаниям, особенно командным, лучше было готовиться большой компанией. К отряду присоединился даже ненавидевший нас раньше Маллиган.

После экзаменов наш Уровень, а это двенадцать групп по сорок человек, собрали в главном зале для оглашения результатов. Я совершенно не волновался, так как был уверен, что успешно прошёл испытания. Ребята галдели в ожидании начала. Вот на трибуну поднялись одетые в парадную форму взрослые. Это были Мастер-наставник Школьного Дома, три человека из Корпоративной Комиссии Образования и двенадцать наставников. Все в зале затихли. Мастер-наставник начал выступление:

– Курсанты, поздравляю с успешным завершением испытаний! Вы переходите на Высшую Ступень обучения в Школьном Доме Стражей. Это последний этап, который продлится три года. После его завершения вы станете настоящими Стражами и начнёте вести самостоятельную взрослую жизнь. По итогам экзаменов мы составили списки, в которых ученики распределены по рейтингу. Самые слабые будут направлены во вспомогательные группы, следующая треть – в обычные, а лучшие попадут в продвинутые группы. Меня удивило, что в этом году все три первых места заняли ученики второй группы. Это курсанты Блэйз, Клевиц и Такер. Хотя, если бы не происшествие в Глазницах, третье место мог бы занять и курсант Маллиган. За высокие результаты я хочу поблагодарить Роя Купера, – наш наставник встал и под аплодисменты поклонился, прижав ладонь к груди. – Особо хочу отметить выдающиеся успехи курсанта Блэйза. Таких высоких показателей ещё не было в истории Школьного Дома. Среди наших гостей сам Мастер Корпоративной Комиссии Образования, который приехал специально, чтобы познакомиться с этим чудом. Курсант Блэйз, – обратился ко мне Мастер-наставник.

– Сэр! – я сделал шаг вперёд, выйдя из строя.

– Вам предлагается продолжить обучение в продвинутой группе Школьного Дома Просвещённых. Как вы на это смотрите?

Неожиданный вопрос застал меня врасплох. Выбор между тягой к знаниям и желанием продолжить путь родителей разрывал на части. Мне с детства хотелось совершить какое-нибудь открытие, чтобы помочь всем людям. В то же время я мечтал стать Мантикорой и уже приложил к этому немало сил. А мои друзья? А Отто? Как я могу от него отказаться?

– Сэр, я поклялся отомстить за смерть родителей. Я выбираю путь Стража, – сказал я твердо.

– Спасибо за выбор, Блэйз, я рад, что вы останетесь с нами, – произнёс Мастер-

наставник и продолжил, обращаясь к залу: – Курсанты, присмотритесь к Блэйзу, берите с него пример. И запомните – только первые имеют возможность не утыкаться в задницы бегущих впереди.

Вот уже три года, как я Стратер. По окончании обучения в Школьном Доме меня сразу распределили в группу по борьбе со Страдальцами, хотя других выпускников направили в подготовительные отряды заниматься охраной порядка на городских территориях. Это обычная практика – каждый начинающий Страж должен был как минимум полгода оттрубить на улицах мегаполисов. Всех моих однокашников разбросали по обширным землям Корпорации. Как мы ни старались распределиться с Отто в одно подразделение, нам это не удалось. Связь мы, конечно, поддерживали, но встречались теперь только изредка...

За последнее время сильно увеличилось количество Страдальцев. Они стали более организованными. Складывалось впечатление, что у них появился координатор. Если раньше ряды Страдальцев пополнялись в основном за счёт более образованных Просвещённых и изредка из числа Стражей, то сейчас частенько стали попадаться и бывшие Пчёлы. В городах, особенно в рабочих районах, появилась литература, разъясняющая идеологию Страдальцев. Теперь даже у безобидных Пчёл появлялось ядовитое жало.

Было понятно, что без активных действий Корпорации Страдальцы из юродивых превратятся в реальную силу. Это подорвёт основы и ослабит Барстер изнутри. Тогда мы станем лёгкой добычей для Великого Альянса, и он поглотит нас. Пропаганда сообщала, что Страдальцами тайно руководят представители вражеской Корпорации, и, судя по всему, это было правдой.

Сложность нынешнего положения и ужас возможных последствий заставляли меня отдавать все силы борьбе с предателями, и моё усердие было отмечено. Через год службы меня повысили до младшего отрядного командера и поставили во главе специального взвода по борьбе со Страдальцами. Чаще всего наш отряд забрасывали в Глухие Территории.

После долгих войн, во время которых соперники не гнушались химическим и другими видами "грязного" оружия, многие земли превратились в безлюдные пустоши, совершенно не приспособленные для жизни. Эти территории стали называть Глухими. Время шло, природа постепенно очищалась от следов человеческого безумия, и на заброшенных землях стали появляться тайные поселения Страдальцев. Из-за сильно сократившегося населения Корпорация не нуждалась в новых землях, но их приходилось осваивать заново, чтобы не отдать Великому Альянсу, да и Страдальцам нельзя было позволить спокойно существовать. Наш отряд десантировали в самых опасных и отдалённых областях, в том числе в приграничных.

И всё же моей главной целью оставалось вступление в отряд Мантикор. Не прекращая заниматься самосовершенствованием, я регулярно отправлял прошения о переводе в ряды Корпов, чтобы биться с реальным врагом. Воевать с беспомощными гражданскими мне совершенно не хотелось.

Чуть больше месяца назад после разгрома очередной базы Страдальцы скрылись в подземной сети древних катакомб. Опасаясь, что преступники через неизвестные нам тайные выходы скроются, Центр дал приказ закачать в подземелье газ. Я отказался: одно дело арестовывать и отправлять на перевоспитание, и совершенно другое – убивать. По опыту операций на других базах, тем более таких старых, как эта, я знал – там могло находиться много детей. Уж они точно не были ни в чём виноваты – пусть Страдальцев выбрали их родители.

По окончании рейда меня арестовали, и только высокие боевые показатели позволили избежать утилизации. Корпорация посчитала неразумным терять перспективного солдата из-за вспышки сентиментальности, списав мой демарш на молодость и неискущённость. По ходатайству руководства я отделался тремя месяцами гауптвахты и был разжалован. Весь этот период со мной работали специалисты, занимаясь так называемой "коррекцией помыслов". Они проводили сеансы гипноза, психологические тренинги и читали бесконечные лекции о долге и обязанностях истинных барстерцев.

Неделю назад меня освободили и зачислили в прежний отряд, но уже в качестве сержанта. Место командира взвода сейчас занимал младший командер Колман, имеющий большой опыт в борьбе со Страдальцами.

Колман сразу невзлюбил меня. Постоянно, к месту и не к месту, он упоминал о моём "предательстве", желая унижить. Как я понял, истинная причина его антипатии крылась в том, что солдаты не принимали его и не прекращали называть меня командиром.

Когда взводом руководил я, в команде сложилась дружеская и доверительная атмосфера. Мы были единым организмом. А по-другому и нельзя – разве может мозг конфликтовать с глазами или руками? Поначалу мой возраст вызывал у солдат большое недоверие, ведь я был самым молодым бойцом группы. Постепенно мне удалось заслужить уважение, и я смог стать для них авторитетом, первым среди равных.

– Бойцы! Нам предстоит рейд в Глухие Территории, – скрипел голос младшего отрядного командера Колмана.

– Только вчера с задания, и опять? – недовольно проворчал рядовой Ковальски.

– Ну и дисциплинка в этом гадюшнике! Распустил вас прежний командир. Боец, вы что, тоже из тех, кто не любит выполнять приказы? – прикрикнул на него Колман.

– Никак нет, сэр. Я рассчитывал на эту увольнительную... Простите, сэр, – пошёл на попятную Ковальски.

– У кого-то ещё есть вопросы? – спросил командер и, не дождавшись ответа, продолжил: – Через два часа вылет, а сейчас все свободны. Сержант Блэйз, – он поглядел на меня с нескрываемым презрением.

– Сэр? – я вопросительно посмотрел на него.

– Зайдите к мидкомандеру Хуго. Прямо сейчас.

– Есть, сэр, – я развернулся и направился к штабному корпусу.

"Неужели эта история не закончилась? Что ещё они надумали?" – гадал я, шагая к начальнику подразделения.

– Сержант Блэйз по вашему приказанию прибыл, сэр! – отчеканил я, войдя в кабинет мидкомандера.

Он сидел за столом и изучал какие-то документы. Увидев меня, командир снял очки и поднялся с кресла.

– А, Блэйз. Входи, входи. Никак не могу привыкнуть, что ты снова сержант, хотя это уже не имеет значения. Рейд, в который вы отправляетесь, – твоё последнее задание в качестве Стратера...

"Не утилизация, так увольнение? Что, в Пчёлы?" – вздохнул я.

– Если честно, ты мне нравишься, парень, в тебе есть стержень. Ты хороший солдат и командир. Жаль, что нам придётся расстаться. Как я только не старался оставить тебя в своей части... Но произошло то, что должно было. Да ещё эта твоя мальчишеская выходка... Пришёл ответ на прошение – тебя переводят к Корпам.

От неожиданности я на минуту потерял дар речи.

– Спасибо, сэр! – прокричал я, чуть ли не подпрыгивая от счастья.

– погоди радоваться, сначала рейд, – Хуго крутил длинный ус, довольный эффектом от своей речи. – Патрульный фарнолёт Корпов сообщил об обнаруженной базе Страдальцев. Задание сложное, база находится буквально в нескольких милях от линии фронта. – Взяв со стола пакет, он протянул его мне. – Передай это Колману. Здесь точные координаты и подробные инструкции. И... будь осторожен.

– Есть, сэр!

Задание меня совершенно не пугало. Оно ничем не отличалось от сотен других, выполненных моим отрядом. Эмоции переполняли. С лицом, сияющим как корпус новенького фарнолёта, я понёсся выполнять приказ.

Летательный аппарат нёс нас к месту назначения. База Страдальцев находилась в районе Южного Урала. Как и все прифронтовые территории в последние годы, регион постоянно переходил от одной корпорации к другой.

Колман раздавал последние инструкции и сообщал дополнительную информацию.

– В этом районе нашли месторождение каких-то ценных минералов. Через три месяца здесь планируется провести масштабные мероприятия. Они будут включать в себя подробное изучение местности и, при необходимости, зачистку от Страдальцев, – говорил он. – Раз уж нам всё равно приходится работать в этом районе, Центр назначил наш рейд первой экспедицией в рамках операции. Кроме уничтожения базы от нас ждут исчерпывающих данных, которые сотрут белые пятна на части карты этого региона.

– А зачем целых три месяца ждать? – поинтересовался один из бойцов. – Сразу бы всё и исследовали. И нам веселее было бы.

– Я так понимаю, они не торопятся из-за активных боевых столкновений, проходящих рядом. Последнее время Альянс сильно давит нас на этом направлении, возможно, потому, что тоже узнал об этих минералах... А вообще, боец Грант, вам-то какое дело? Есть приказ – нужно его выполнять. Или вы хотите давать советы Центру и ставите под сомнение его компетентность?

– Никак нет, сэр.

– Ещё вопросы?

Я сидел, задумавшись о службе на новом месте, и не замечал обращённых на меня взглядов.

– Командир, говорят, тебя можно поздравить с переводом в боевые части? – не выдержал любопытный Грант.

– Кто говорит? У нас слухи быстрее эпидемии распространяются, – рассмеялся я. – Откуда такие сведения, Стив? Я сам узнал об этом только перед вылетом.

– Разведка работает... Так это правда, Вик?

– Угу. Если честно, мне будет не хватать вас, ребята. Но сами знаете – это моя давняя мечта. После рейда приглашаю всех на вечеринку в "Золотую Бочку". Попрощаемся, повспоминаем о совместных приключениях...

Бойцы оживились и со смешанным чувством радости и сожаления приняли предложение.

– Это с превеликим удовольствием. Как говорится, вспомним зря потраченную юность, напьёмся и расползёмся.

– Ага, когда я в последний раз выходил из "Бочки", какой-то подонок оттоптал мне ухо.

– Так вот почему ты команды только с третьего раза выполняешь, – шутили бойцы.

"Подлетаем. Пятиминутная готовность к высадке", – послышался голос из динамиков.

В смотровом окне показались руины древнего провинциального городка. В основном это были остовы малоэтажных зданий. Фарнолёт приземлился в двухстах ярдах от развалин, похожих на школу. Это был комплекс из нескольких строений, расположенных вокруг главного корпуса, в котором и находилась наша цель. Открылся шлюз, и мы высыпали из брюха летательного аппарата.

– Блэйз, с тобой Грант, Ковальски, Штайнер, Люка и Милтон. Занимаете позицию у правого крыла центрального корпуса. Остальные со мной к левому, – скомандовал Колман.
– Дальнейшие указания по линии связи. Вперёд!

Разделившись на две группы, отряд ринулся на позиции. Крышу здания озарила внезапная вспышка – стреляла энергетическая пушка. Буквально через долю секунды фарнолёт поглотил огненный смерч взрыва.

– Засада! Всем в укрытие! – прокричал я и нырнул под вздыбленную дорожную плиту, торчащую из-под земли.

Следом за первым выстрелом последовало ещё несколько. Когда дым развеялся, ко мне подполз Ковальски, с ног до головы покрытый мелкой строительной пылью и осколками бетона.

– Командир, у нас потери – Грант и Люка убиты, – прокашлявшись, выдавил он.

– Штайнера подстрелили... рана тяжёлая, – сообщил капрал Милтон, склонившись над товарищем.

– Берём раненого и бегом туда, – скомандовал я, указывая на руины одного из вспомогательных корпусов школы.

Скрываясь за обломками и пеленой ещё не развеявшегося марева, мы переползли в развалины.

– Не припомню, чтобы Страдальцы были так агрессивны. Что-то изменилось, – немного отдышавшись, сказал Ковальски.

Я вызвал Сферу Света и по сигналам Нейронных Меток проверил обстановку во втором отряде. Пятёрке Колмана повезло меньше нашей – на их пути не оказалось укрытия, и они все погибли.

– Говорит сержант Блэйз. Мы атакованы. Фарнолёт с пилотами уничтожен. Восемь бойцов убито, в том числе и младший командер Колман. Беру командование на себя. Срочно нужна поддержка, – сообщил я в Центр.

Снова послышался свист летящего снаряда. От грохота заложило уши. Выбитый кусок стены расплющил двух моих бойцов – тяжелораненого Штайнера и оказывавшего ему первую помощь Ковальски.

– Уходим! – прокричал я капралу Милтону, последнему оставшемуся в живых товарищу.

Он стоял на коленях и непонимающе тряс головой. Я помог ему подняться, и мы рванули вперёд по длинному коридору. Взрывы разносили одно за другим помещения, из которых мы только что выскользнули.

– Как этим ублюдкам такое удаётся? Они будто сквозь стены видят... – тяжело дыша, бубнил капрал.

– За мной, Рон! Уходим из зоны поражения, – скомандовал я.

Мы выскочили из здания и перебежками двинулись к центральному корпусу, с крыши которого велась стрельба. Увидев проём, ведущий в подвал, мы нырнули в него. Пробежав по

узкому коридору буквально пару минут, мы услышали шум преследования. В темноте подвала показались тени бегущих за нами людей. Раздался взрыв. Волна сбила меня с ног. Поднявшись, я увидел капрала лежащим на полу. Граната разорвалась практически у него под ногами. Он находился позади меня и принял на себя всю силу взрыва.

Милтон был ещё жив. Взрыв оторвал ему ногу, а из груди торчала кривая железяка, пробившая лёгкое. Солдат вытряхнул из кармана походную аптечку. Харкая кровью, он лихорадочно разорвал зубами упаковку и одну за другой вколол себе несколько противошоковых инъекций. Подняв на меня мутный взгляд, капрал прохрипел:

– Уходи, командир. Ты же видишь – мне не помочь. Беги... Я постараюсь вернуть им должок...

Милтон натужно улыбнулся и вытащил связку гранат. Наклонившись, я крепко сжал ему плечо и, молча кивнув, рванул от преследователей. Через несколько секунд прогремел мощный взрыв.

Выскочив из тёмного коридора, я оказался в комнате с окнами. Подтянувшись, выбрался наружу и очутился на заднем дворе. Нырнув за торчащие из земли обломки, я осмотрелся. Прямо передо мной стоял вражеский фарнолёт. Летательный аппарат скрывала маскировочная сетка, забросанная строительным мусором. Возле открытого шлюза ходил часовой в серой форме солдата Великого Альянса.

"Разведчики Альянса! Так вот в чём разгадка агрессивности Страдальцев... Вот хитрецы! Они прикинулись Страдальцами, чтобы в случае обнаружения сражаться не с Корпами, а со слабо вооружёнными Стратерами..."

Прижавшись к земле, я подполз поближе и метнул в караульного нож. Лезвие вонзилось в шею солдата. Он вскинул руки к ране и упал замертво, не успев проронить ни звука. Мысленно поблагодарив Отто за уроки, я подполз к убитому, вынул нож и стёр с него кровь. Тихо пробравшись на борт фарнолёта, я услышал голоса в командном отсеке. Я подкрался к двери и прислушался. В речи явно слышался ужасный говор жителей Альянса. Хотя в нашем мире все уже давно говорили на одном языке, в каждом регионе были свои отличительные традиции, обычаи и диалекты.

–...да разве это атака? Сканер показывает, что у них остался только один солдат. Дилетанты... – хрипел голос из динамика.

"Сканер? Сканер Нейронных Меток? Как они могли расшифровать сигнал, меняющийся каждую миллисекунду? Похоже, в крипторе ГИЦа засел предатель... Тогда понятно, почему Альянс давит нас последнее время. Нужно сообщить в Центр".

– Ну, дилетанты не дилетанты, а пятерых наших в подвале положили, – отвечал голос за дверью.

– Ребят, конечно, жалко, но мы на войне – потери неизбежны. При раскладе пятнадцать против одного нам уже нечего опасаться.

"Четырнадцать... Уже только четырнадцать... Надо как-то деактивировать свою Метку..."

На ум сразу пришло ранение Маллигана. Отправив сообщение в Центр, я сделал аккуратный надрез примерно в том же месте – Око перестало реагировать на команды. От боли я выронил нож, тот со звоном ударился об пол.

"Что за невезуха..."

– Чанг, взгляни-ка, что там, – прозвучал встревоженный голос.

Послышались приближающиеся шаги, дверь начала осторожно открываться. Я поднял

нож и с силой дёрнул за дверную ручку. Схватив бойца, я резко потянул его на себя и вогнал нож под рёбра. Парень, охнув, обмяк. Прикрываясь убитым, я ворвался в помещение, где сидело ещё двое солдат. Опешив от неожиданного натиска, они вскочили с кресел. Я вытолкнул вперед тело и, не дав им опомниться, начал стрелять.

– Что у вас происходит? – опять затрещали динамики.

Я принялся за дело: скинул китель и натянул на убитого солдата, сам же оделся в его форму.

– У-у ё-о... Осторожно, ребята! Он у вас! Снял караульного! –

"Поздно... Надо было лучше смотреть за приборами..."

Через несколько минут здесь появятся оставшиеся враги. Действовать нужно было быстро. Я выскочил из фарнолёта и вернулся к главному корпусу школы.

Отследить меня без Метки было не так просто, и я решил рискнуть добраться до пушки. Карабкаясь по лестнице на крышу, я видел группу солдат, бегущих к фарнолёту. Но мне пока было не до них. Сейчас моей целью были те, кто находился у пушки. Надеюсь застать их врасплох (ведь по данным сканера я не выходил из фарнолёта), я выскочил на крышу и принялся палить во врагов. Мой китель сбил их с толку, и уложить всех четверых было несложно. Я подскочил к пушке и прицелился в фарнолёт. Выстрел разнёс в клочья и сам аппарат, и уже подбежавших к нему солдат. Раздался взрыв, волна горячего воздуха опрокинула меня, и я полетел с крыши вниз головой.

– Смотри-ка, жив!

– Держись, парень, мы тебя вытащим.

Сквозь пелену, застилавшую глаза, я увидел склонившихся надо мной мужчин, одетых в лохмотья.

"Страдальцы!" – мелькнуло в голове, и я вновь погрузился в бездну небытия.

Очнувшись, я с удивлением понял, что жив. Должно быть, прошло уже много часов. Я лежал на кровати, перебинтованный как мумия, не чувствовал ни рук, ни ног. Открыв глаза, я оглядел помещение. Это была бревенчатая землянка с окнами под самым потолком. Как и все жилища Страдальцев, которые я видел раньше, комната была обставлена старой, немного подремонтанной мебелью, принесённой из Глазниц Предков. Вдоль стен стояли стеллажи с большим количеством книг. В углу за письменным столом сидел крупный седой старик лет восьмидесяти и что-то писал в свете настольной лампы. Его густые, давно не стриженные волосы напоминали крону раскидистого дерева, а на лице красовались пышные усы и большая лохматая борода.

– Кхм... – попытался я привлечь его внимание.

– Очнулся что ли, сынок? – дружелюбно произнёс бородач, услышав моё кряхтение.

Отложив в сторону ручку, старик встал из-за стола и подошёл ко мне неожиданно бодрой для своих лет походкой. Сев на деревянный табурет у кровати, он спросил:

– Как звать-то тебя, парень?

– Сержант Виктор Блэйз, сэр, – ответил я, постаравшись вложить в ответ как можно больше армейской чёткости.

– А, Охотник, значит, – хитро прищурившись, произнёс хозяин землянки. – Ну, ничего, помощь-то всякому надобна... А ты счастливчик. Знаешь, это везенье, что ребятки мои тебя нашли. Иначе не сдюжил бы ты, очень уж расшибся сильно... Мы как взрывы-то услышали, так сразу и отправили в Глазницы разведчиков наших. Они всё там облазали, порешили уже, что не выжил никто. Один из них надумал перетащить к нам механизмы брошенные, не пропадать же добру понапрасну. Только эта случайность и спасла тебя... Ну ничего, через недельку гипс снимем... а пока на-ка, выпей снадобье.

Старик взял со столика глубокую деревянную миску с дымящимся варевом и, приподняв мою голову, стал поить. Глотнув безвкусную тягучую жидкость, я поморщился, но стоически проглотил эту гадость.

– Пей, пей, сынок. Доверься мне. Если б хотел загубить тебя, то не сидел бы сейчас тут... Раньше-то я о-очень видным Просвещённым был, потому кое-что в лэкарстве смыслю...

– По вашему говору, я скорее решил бы, что вы из Пчёл, причём из местных, – сказал я с недоверием.

– Хм, может и нужно, чтобы все так думали, – произнёс он и гордо кивнул на соседнюю комнату.

Там пряталась самая настоящая лаборатория. За приоткрытой дверью были видны столы и шкафы, заставленные разновеликими колбами и ретортами. Сосуды, наполненные цветными жидкостями и порошками, стояли в окружении каких-то приборов. К некоторым ёмкостям тянулись трубочки и электрические провода. Всё это бурлило и дымилось. Я

вытаращил глаза и уставился на это чудо. Ничего подобного в лесной избушке, да ещё в такой дали от цивилизации, я не ожидал увидеть.

– Интересно? – ухмыльнулся дед. – Тружусь тут помаленьку, опыты всякие делаю. Коль захочешь – покажу. Нам ведь с тобой ещё до-олго тут куковать.

– С удовольствием, – радостно откликнулся я. – Как мне к вам обращаться, сэр?

– Можешь Дедушкой называть – в нашей общине все меня так величают, – оживился старик.

– Послушайте, сэр... Дедушка. Это всё – научная литература? – спросил я, с любопытством окидывая взглядом стеллажи. Бумажные книги всегда вызывали во мне какое-то трепетное благоговение, причастность к великой древней тайне.

– Ну, не только... В этих книгах премудростей много. Есть история – настоящая, а не по наказу Корпорации понаписанная, философия есть, искусства разные, да и просто книги про жизнь.

– Никогда не читал художественной литературы – это же бесполезная трата времени. От неё нет никакого толку, – произнес я категорично.

– Ну как же? Литература и искусство помогают человеку в душу свою заглянуть. Делают чувства и эмоции глубже и ярче. С ними как цветок под солнышком сердце расцветает. А без этого разве может счастье в нём поселиться? Вот, взгляни-ка, – Дедушка показал на картину, висящую на стене. – Разве она не хороша? Разве не будит ничего в тебе? Или вот, послушай, – старик подошёл к полке и, бережно достав старинную флейту из потёртого кожаного футляра, начал играть.

Нежная музыка разлилась по комнате. Я затаил дыхание и слушал чарующие звуки, боясь разрушить волшебство. Мелодия вызвала во мне двойкие чувства и, когда Дедушка закончил играть, я произнес:

– Без сомнения, красиво и приятно, но... совершенно не верится, что это даст мне хоть что-то полезное. А вот то, что ваша идеология расшатывает устой общества и помогает нашим врагам – факт.

Он сокрушённо покачал головой, сел на край кровати и взял меня за руку.

– Послушай, сынок. Глаза у тебя неглупые, верю я, что сможешь ты понять... Сейчас тумана много в голове твоей. Верхушке Корпорации только бы за ниточки душ людских дёргать. Все мы для них только ресурс. А всё ради денег, ради прибылей проклятуших. Людей-то, посмотри, сколько положили...

– Мы-то тут причём, сэр? Война же идёт.

– Эх, сынок. Мы-ы... Да для них война, как матушка родная. Ежели не будет её, о чём люди думать начнут? Во-от. Без неё им никак нельзя. Даже если кто и победит в войне этой, так они обязательно нового врага придумают... И ведь не знаешь, поди, что через Око к вам в головы незаметно пропаганду всякую впихивают, делая из вас дурачков послушных? Э-эх... А мы даже этим лиходеям зла не желаем. Нам бы сбересть то, что отцы наши создали. Авось закончится чернота эта, и детям твоим или внукам ох как нужны будут знания сохранённые. Ежели, конечно, ненависть людская совсем не изведёт род человеческий, – грустно произнёс старик и снова заиграл на флейте.

Это была та самая мелодия, которую напевал спасший нас в развалинах Старого Лондона Страдалец. Музыка вновь растревожила меня, задев какие-то внутренние струны. Закончив играть, Дедушка погрузился в размышления. Я тоже лежал, не проронив ни слова. В голове роились противоречивые мысли. Сон постепенно обволакивал сознание, и в

полудрёме внезапно возник образ Купера:

"Хватит его жалеть, курсант Блэйз! Именно поэтому их и называют Страдальцами. Они пытаются вызвать сочувствие и кажутся добренькими, а на самом деле – просто подлые предатели и враги Корпорации!"

"Совсем скоро всех этих ренегатов уничтожат", – вторил голос отца.

– Это гимн наш, – неожиданно прервал молчание Страдалец, вырвав меня из дремоты. – Он нам помогает веру не терять и твёрдыми оставаться. Видать, рано тебе ещё... Ну, ничего, сам поймёшь всё вскорости... А, похоже, снадобье действовать начинается. Поспи, поспи маленько...

Находясь в плену гипсовых повязок, я не вставал с кровати, и следующие дни прошли в беседах с Дедушкой. Он старался обходить стороной темы устройства общества, к которым, по его мнению, я был ещё не готов. Иногда этот вопрос всё же сплывал, и мы начинали жарко спорить. Основной же темой нашего общения была наука. Как я узнал, в бытность Просвещённым Дедушка специализировался на создании новых препаратов для раненых. Кроме того, он оказался сведущим не только в медицине, но и во многих других областях. Старик с удовольствием делился знаниями, а я с благодарностью жадно поглощал их.

– Смотри-ка, хворобу как рукой сняло, – разглядывал меня Дедушка, ровно через неделю сняв гипс. – Лежать-то тебе, поди, совсем опостылело. Теперь уже можно спокойно по улице ходить, а через месяцок будешь здоровее прежнего. Я тут, кстати, собираюсь в лесочке прогуляться. Если хочешь – присоединяйся.

Я столько времени провалялся в этой комнате, что мечтал поскорее вырваться из неё.

– С удовольствием, – обрадовался я.

Мы вышли наружу. Я огляделся. Кругом шумел лес, кроме нашей избушки рядом не было видно ни одного строения.

– Пойдём за мной, сынок, – сказал старик и шагнул в чащу.

Через несколько минут мы неожиданно очутились в настоящем царстве лесных жителей. Для места, затерянного вдали от городов, в самом сердце дремучего леса, коммуна оказалась довольно крупным поселением.

Солнечные лучи яркими пучками пробивались сквозь густые ветки деревьев и освещали то тут, то там выглядывающие домики, делаая их похожими на жилища сказочных существ. В отличие от обычных построек, избушки Страдальцев не имели правильных геометрических форм. Стены были округлыми, извивались волной, придавая домам сходство с бесформенными холмиками. А крыши этих необычных строений заросли сплошным покровом кустов и трав.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

– Для маскировки это, от патрулей воздушных, – сказал Дедушка, заметив изумление в моих глазах. – Природа симметрии не любит, правильные линии сразу в глаза бросаются. Да и травушка всех нас как под одеялом прячет.

– Вы поэтому меня во время лечения на самом отшибе держали? Хм... Неудивительно, что вас так сложно отыскать.

– Что ж поделаться-то, вынуждены мы прятаться... Вот еда, например. В основном мы питаемся охотой и подсобным хозяйством. Чтобы грядки и деревья плодовые были незаметны, их высаживают не ровными рядами, а вразнобой, и они с лесом сливаются.

– Да-а, мастера. Не пожалеете, что меня сюда привели? Не боитесь, что ваша доброта и доверчивость всех погубит?

– Приглянулся ты мне, парень, а я редко когда ошибаюсь, – хитро ухмыльнулся в густые усы Дедушка.

– Вам целый мегаполис удалось выстроить, – пошутил я. – Тут больше сотни домов...

На улице было многолюдно. Местные жители, занятые своими делами, завидев нас, приветливо здоровались. В отличие от вечно угрюмых барстерцев, лица поселенцев словно светились изнутри счастьем. Особенно меня удивило большое количество детишек, радостно гомонящих за весёлыми играми.

– Когда пятнадцать годков назад я здесь впервые появился, кроме диких зверушек тут никого и не было. А сейчас в коммуне почти три сотни жителей. Многие из этих деток уже здесь народились.

– Наверное, не просто всё складывалось?

– Точно, – вздохнул Дедушка. – Раньше туго нам совсем было. Общины создавались сами по себе, связи никакой между нами не было. Ждать помощи было неоткуда. Зато в последнее время изменилось всё здорово – Лидер у нас таинственный появился. Он смог все коммуны воедино связать. Теперь мы вести отовсюду получать можем, а иногда и подарочки разные.

– Мы тоже заметили, что кто-то вами руководит. Финансирование идет из Великого Альянса, да?

– Это вряд ли. Никто не знает, конечно, кто такой этот Лидер и где он находится. Но, поверь моему опыту, сынок, этот великий человек борется за идею, а не за власть.

– Допустим. У меня недостаточно информации, чтобы спорить с вами. А как вы связываетесь со своим Лидером или с его представителями?

– Какой, однако, ты любопытный, – усмехнулся старик. – Ладно, слушай. Здесь мы тоже очень осторожны. Всё общение с внешним миром только через посланцев. Нельзя нам обычной связью пользоваться – перехватят. В трёх милях отсюда находится избушка. Посланец живёт в ней несколько дней. И только когда поймёт, что нет слежки, идёт в общину. Так же к нам и новые жители попадают.

Заслушавшись рассказами старика-Страдальца, я не заметил, как мы удалились от поселения и углубились в лес.

– А, вот где ты спрятался. – Дедушка встал одним коленом на землю и выковырял ножом какой-то корень.

– Зачем это вам? – поинтересовался я.

– Как это зачем? В нашей глухомани лекарства нужны сложно раздобыть, а болеть людям не запретишь... Вот этот корешок, например, может за пояс заткнуть любой антибиотик. А этот лишайник, – Дедушка кивнул в сторону пня, покрытого наростами оливкового цвета, – может кашель вылечить и простуду, да ожоги и раны исцелить, – тема зацепила старика, его глаза загорелись, и он с воодушевлением принялся рассказывать. – Есть мхи, которые можно использовать вместо ваты и йода одновременно – очень пригождается в полевых условиях. Дары природы – травы, листья, цветы, ягоды – при правильных знаниях могут заменить любые лекарства. Вот мёд, например... Что ты про него сказать можешь?

Я пожал плечами.

– От простуды помогает? Да?

– Верно, – кивнул знахарь. – Кроме того, что мёд вкусный и питательный, он ещё и целебный. Они болячки всякие вылечит, и гадость разную из организма выведет, и нервы

успокоит... Ещё сам Гиппократ пользовал его в практике своей, а Плиний писал, что мёд в соединении с жирами рыб замечательно лечит заражённые раны. Когда у нас под рукой ничего не было, мы им даже некоторые пулевые ранения исцеляли. Природа давно всё придумала. Прислушайся. Присмотрись. Нужно только захотеть понять её.

Мы ещё долго бродили по лесу. Дедушка с воодушевлением делился секретами, а я с интересом впитывал новую информацию. В коммуну мы вернулись уже затемно.

– Я смотрю, тебе действительно лекарство нравится. Может, поможешь в работе моей? – спросил старик за ужином.

Я с радостью согласился.

Дедушка знакомил меня со своими разработками, щедро делясь научными выкладками и идеями. Несмотря на возраст, он был до краёв переполнен живой энергией и интеллектуальной мощью. Работа в лаборатории полностью поглотила меня, накрыв волной жажды познания, увлечённости и восторга. Днём и ночью я анализировал и пропускал через себя идеи старого учёного. Через несколько недель я уже не чувствовал себя дилетантом. Мало того, я тоже начал генерировать идеи.

– У меня тут родилась одна мысль... – заговорщицким шёпотом произнёс я.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался старик.

– Вот, смотрите, – и я протянул ему листы, исписанные формулами.

– Ай да молодец, сынок! – произнёс он, внимательно пролистав записи. – Если б не знал, что ты Страж, то точно принял бы за Просвещённого. Эх, жаль, что у меня раньше такого ученика не случилось... Идея, конечно, сыровата, но если её чуток доработать, то заживать раны ох как быстро будут. Да, досадно, что нет оборудования в глуши нашей, чтоб дело твоё до ума довести...

Радостный детский смех неожиданно прервал беседу, и в комнату вкатились два чумазых карапуза четырех-пяти лет.

– Дедушка, Дедушка, пойдём катать нас на качелях! – горланили дети, дергая его за штанину.

– Конечно, пойдём, медвежатки мои. Как же я без вас-то? – ответил он, нежно обнимая их.

Выйдя на улицу вслед за Дедушкой, я наблюдал, как он играет с ребятнёй, и вспоминал своё детство. Я по-доброму завидовал, что каждый день они могли общаться с родителями и близкими людьми. Заливистый смех детей и громогласный хохот деда заряжали атмосферу радостью и счастьем.

Резкий звук, напоминающий треск падающего дерева заставил меня вздрогнуть. Свет во всех окнах внезапно погас. Старик с детьми и все находившиеся на улице привычным движением упали на землю. Закрыв голову лохмотьями и свернувшись в клубок, они стали напоминать то ли кочки, то ли комья лесного мусора.

– Быстрее ложись! – прокричал Дедушка, высунув кончик носа из своего укрытия.

– Что случилось? – спросил я, послушно превратившись в кочку.

– Патрульный фарнолёт... Под треск дерева у нас вой сирены переделан. Видишь холм справа? – старик указал взглядом на горку, возвышающуюся за деревьями. – Там человек наш сидит, наблюдает.

– Да-а... виртуозы маскировки, – снова восхитился я изобретательностью Страдальцев.

Проведя больше двух беззаботных месяцев на свежем воздухе, да ещё и занимаясь интересным делом, я чувствовал себя даже здоровее, чем раньше.

– Может, всё-таки останешься, сынок? Наши-то уж больно тебя полюбили. А мне такой помощник ой как пригодился бы, – в очередной раз уговаривал меня Дедушка.

Отведя в сторону глаза, я ничего не ответил.

– Да понимаю, понимаю, ты, небось, планы великие строишь и наша глухомань тебе без надобности, – улыбнулся он.

– Не боитесь отпускать меня? – спросил я. – Всё же я Охотник на Страдальцев, а за это время узнал достаточно ваших секретов.

– Чему быть, того не миновать, – усмехнулся старик. – Хотя кажется мне, не станешь ты вредить нам. Или ничегошеньки не понимаю я в людях и жизнь зря прожил.

Да, мне совершенно не хотелось снова испытать то липкое чувство предательства, которое я пережил в развалинах старого Лондона. Я проникся сочувствием к этим людям, спасшим мне жизнь. Как же замечательно, что это был последний рейд, и я больше никогда не буду, да и не смогу быть Стратером – Охотником на Страдальцев.

Моё время занимала не только работа в лаборатории. Ещё мне удалось прочитать множество литературы. Удивительно насколько здешняя жизнь в отличие от моего мира была близка к тому, о чём говорилось в книгах. Разговор, естественно, не о быте, а об идеалах и мировоззрении.

Мне начинала нравиться философия Страдальцев, хотя я был не в силах признаться в этом даже самому себе. Видимо, я действительно ещё не созрел для таких перемен, но зерно сомнения было посеяно в моём сердце и начало медленно прорастать. Здесь никто не хотел убить меня, никто не хотел, чтобы я кого-нибудь убивал. Все просто жили, радуясь тому, что имеют. Я прикипел к местным обитателям, к их добродушным и улыбочивым лицам. К духу свободы, который здесь царил. А Дедушка за это время стал для меня самым близким человеком на Земле. Я чувствовал, что этот мир, в который случайно забросила меня судьба, навсегда оставит в душе неизгладимый след. Мне совершенно не хотелось покидать новых друзей, но пришло время возвращаться...

Последние дни я часто думал о словах Колмана про масштабную операцию в регионе и понимал, что скоро эту идиллию могут разрушить. Я не мог позволить, чтобы их гимн превратился вдруг в погребальную песню, которая завершится раздирающим душу воплем. Поселенцы, обременённые большим количеством детей и стариков, не смогли бы далеко уйти и уж тем более держать оборону перед целой армией. Нужно было что-то придумать.

– Вот, сынок, возьми, – старик протянул мне стопку толстых тетрадей. – Здесь результаты трудов моих. И ещё, я тут давеча над твоей идеей поработал, кое-какие мысли свои добавил... Возьми, думаю, сможешь всем этим разумно распорядиться.

– О, сэр, – проговорил я дрожащим голосом, радуясь неожиданному подарку. – Я так благодарен...

– Бери, бери, – сказал дед, украдкой смахивая слезу.

Мы крепко обнялись. Попрошавшись, я побрёл в лес. Пройдя несколько шагов, повернулся и громко крикнул:

– Спасибо! Спасибо за всё! Я буду помнить вас всегда!

Я двигался к линии фронта. Из-за боевых действий всех мирных жителей из этих мест давно эвакуировали. Ближайшим населённым пунктом была приграничная учебная база Корпов, затерянная в восточных предгорьях Южного Урала.

Путь занял почти пять дней. Маршрут был сложным. Мне пришлось пробираться по лесам и болотам, форсировать реки и взбираться на возвышенности. Совершенно выбившись

из сил, полуголодный и грязный, я наконец-то добрался до цели.

– Ты только посмотри. Эти Страдальцы так расплодились, что стали считать базу Корпов своей территорией, – возмущённо пожаловался караульный напарнику. – А ну-ка стоять! Кто такой?

Вид у меня действительно был не самым презентабельным. Одетый в лохмотья, грязный, небритый и покусанный гнусом, я походил не просто на Страдальца, а на его карикатуру.

– Послушай, боец, – обратился я к солдату. – Я – сержант Виктор Блэйз из специального отряда по борьбе со Страдальцами. Сообщите обо мне начальству.

– А общение со Страдальцами заразно, – прыснул он, оглядывая меня. Солдат вскинул оружие и уже серьёзным тоном продолжил: – Лучше не шути со мной, парень. Брось котомку на землю. Подними руки. Так... Заведи их за голову и встань на колени... Посмотри-ка, что там у него, – кивнул он напарнику.

– Тут только какие-то тетради, – сказал караульный, проверив вещи, и принялся ощупывать меня. – Кроме самодельного охотничьего ножа – ничего. ЛУНа нет, Око, похоже, отключено.

– У юго-западного входа задержан нарушитель, – сообщал караульный по линии связи. – Ага... Сам пришёл... Очень странный тип... Да брось, Адиль... Приезжай, сам посмотри... Утверждает, что он Стратер... Ну да... Назвался сержантом... э... как его?

– Блэйз, – подсказал напарник.

– Точно. Сержантом Блэйзом.

Через несколько минут я заметил приближающийся рашер. Он скользил в десяти дюймах над поверхностью земли, плавно огибая рельеф. Транспорт такого типа был довольно популярен. В отличие от колёсных фарноходов такие машины не нуждались в дорогах, могли преодолевать препятствия высотой до пяти футов и парить над водной гладью.

Рашер бесшумно подплыл к проходной, и из него выпрыгнул начальник караула.

– Да, странный тип, – сказал он, оглядев меня. – Я всегда считал Стратеров... Но не до такой же степени, – ёрничал он. – Наденьте на этого... хм... сержанта наручники и в кузов его. В карцере быстро расколется, кто он и зачем пожаловал в гости.

Жёсткие нары тесной камеры после пятидневного путешествия показались мне пуховой периной, и я моментально заснул.

– А ну поднимайся! – грубый тычок в бок заставил меня пробудиться.

Я вскочил и поправил лохмотья.

– Руки за спину. Пошли, тебя вызывает Эклунд, – произнёс вооружённый солдат.

– А кто он? – поинтересовался я.

– Узнаешь. Давай вперёд. – Пихнул меня в спину караульный.

– Сэр, задержанный по вашему приказу доставлен, – отрапортовал боец, сопроводив меня в кабинет.

Передо мной стоял человек в форме мидкомандера, с бледной, почти прозрачной кожей, острым лицом и цепким взглядом.

– Вы пока свободны, – сказал он караульному.

– Есть, сэр, – солдат вытянулся по стойке смирно и, развернувшись на сто восемьдесят

градусов, вышел.

– Присаживайтесь, – вежливо произнёс офицер и показал на стул.

Заложив руки за спину, он молча прохаживался по комнате. Через пару минут мидкоммандер остановился. Опираясь руками о стол, он почти вплотную приблизил своё лицо к моему и вкрадчиво спросил:

– Так как, говорите, вас зовут?

– Сержант Виктор Блэйз, сэр, – оттарабанил я, вскакивая со стула.

– Сидите, сидите. Хм... Неудачную легенду выбрали, – сказал он и опять принялся ходить по комнате. – Сержант Блэйз геройски погиб несколько месяцев назад, забрав с собой больше десятка ваших земляков.

– Мне удалось выжить, – ответил я со спокойной уверенностью. – Это преступление?

– Хорошо... Тогда объясните, где вы были всё это время? Почему отключено Око? Что за странные шифровки в тетрадах? И почему, наконец, вы так по-идиотски одеты? Много, много вопросов...

– Свой китель я для маскировки надел на тело убитого врага. Око был вынужден дезактивировать, потому что противник использовал сканеры. Я обо всём сообщал в Центр, можете проверить. Всё это время мне пришлось провести в лесу, пока не наткнулся на вашу базу. А одежду снял с мертвого Страдальца, чтобы не замёрзнуть.

– Ловко, ловко сочиняешь, парень, – покачал он головой и крикнул: – Караульный! Позови сюда медика! – Корп громко хлопнул ладонями по столу и раздражённо произнёс: – Даю тебе последний шанс, пока идёт врач. Сейчас он возьмет образец ДНК, и мы отправим результаты в ГИЦ. Там-то сразу определят, что ты за птица. Сам знаешь, если твоих данных не обнаружат, мы убедимся, что ты шпион Альянса, в чем я абсолютно не сомневаюсь. Пока есть время, чтобы я доложил о твоём добровольном переходе на сторону Барстера, но ты должен будешь сообщить кое-какие сведения...

– Согласен...

– Сознаюсь? – встрепенулся мой собеседник.

– В чём, сэр? Сдать ДНК, конечно.

Прибывший медик быстро справился со своей задачей и удалился. Мидкоммандер, заложив руки за спину, снова принялся нарезать круги по комнате.

– Ну, хорошо... – произнёс он наконец и выкрикнул: – Караульный! В камеру его!

Дверь с лязгом отворилась. В камере показалось бледное лицо Эклунда. Следом вошёл офицер в форме старшего командера. Я вскочил с нар, вытянувшись по стойке смирно.

– Ну, извини, боец, – Эклунд подошёл ко мне и примирительно похлопал по плечу. – Сам понимаешь, в такое время, да практически на передовой, никому нельзя доверять. Ещё и человеку в таком наряде, в каком ты к нам явился... Рад, что ты выжил, Блэйз.

– Я тоже рад этому, – подхватил его коллега. – Я старший командер Браудер, руководитель этой учебной базы. Когда узнал о вашей истории, решил лично поприветствовать героя. Это ж надо, больше десяти уничтоженных врагов!

– Пятнадцать, сэр, – отрапортовал я.

– Молодец. Кстати, за тот бой вас представили к награде – очередной синей нашивке, как я понимаю, уже третьей. Неплохо для Стратера...

– Слава Барстеру! – откликнулся я и выполнил традиционный воинский жест.

– Вольно, вольно, младший отрядный командер. Да-да, – усмехнулся Браудер, заметив мой удивлённый взгляд, – посмертно вас реабилитировали и вернули звание. Итак,

продолжу... Хотя следующий набор кадетов в учебном центре будет производиться только через полгода, я похлопотал, чтобы вас распределили в нашу часть. Надеюсь, ваши способности позволят быстро нагнать остальных, и вы сможете украсить наше учреждение.

– Благодарю за доверие, сэр.

Эклунд протянул мне изъятую на проходной котомку с Дедушкиными тетрадями.

– Держи, – сказал он. – Да, у меня есть вопрос: на допросе ты так и не объяснил, что это за китайская грамота...

– Сэр, моя мать служила Ангелом Жизни. Это её медицинские выкладки, память о ней. С этими записями я никогда не расстаюсь, – соврал я.

– Ангелом Жизни? – переспросил Браудер. – Кстати, кроме технического, лётного и сухопутного факультетов, у нас есть и медицинский. Если, конечно, для вас это важно. Готов предоставить право решить, какой вам больше по душе.

Я задумался. Мне всегда нравилась медицина, а занятия с Дедушкой ещё больше усилили интерес к этому направлению. Да и мамин пример, детские беседы с ней крепко засели в голове. Стать, как отец, фарнолётчиком, я мечтал с самого детства. Но всё же моей главной целью оставалось приглашение в отряд Манतिकор. А для этого больше подходил курс подготовки в наземные войска, после которого можно было попасть не только в пехоту или артиллерию, но и в десант или разведку.

– Сухопутное, – ответил я.

– Отличный выбор. Это наш лучший факультет, – старший командер с улыбкой посмотрел на коллегу. – Его курирует как раз мидкомандер Эклунд. Обучение продлится ещё восемь месяцев, ну а потом вас направят на передовую... Добро пожаловать в дружную семью Корпов, – сказал командир и крепко пожал мне руку.

Я вытащил из тетради свёрнутый лист бумаги и протянул Браудеру.

– Сэр, одной из задач нашего рейда было составление подробной карты местности.

Это было частью моего плана по спасению Страдальцев. Перед уходом из коммуны я несколько дней провёл за составлением подробной схемы. Поселение Дедушки я отметил, как непроходимый участок леса. Таким образом мне хотелось отсрочить новый рейд в эти места, чтобы успеть подготовиться к следующему этапу плана.

– Неплохо, неплохо, Блэйз, – сказал старший командер, рассматривая карту. – Но месяц назад было принято решение отменить экспедицию. Центр посчитал её нерентабельной, так как подобное месторождение было найдено гораздо дальше от опасных приграничных территорий.

Это были самые лучшие слова из тех, что я мог услышать. Я почувствовал, будто пресс, давивший на моё сознание, внезапно разлетелся на мелкие кусочки и рассеялся в воздухе. Вздох облегчения вырвался из груди. Теперь все они спасены!!!

– Не расстраивайтесь так, младший командер, – ответил Браудер, приняв мою реакцию за огорчение. – Полученные вами сведения обязательно пригодятся.

После двух дней лазарета, где мне активировали Нейронную Метку, я получил новенькую желтую форму кадета. Именно из-за её цвета новобранцев называли "птенцами" или "желторотыми". Мидкоммандер Эклунд решил лично проводить меня в казарму.

– Кадет Блэйз, став новобранцем, можете забыть о звании, полученном у Стратеров. Оно вернётся к вам только по окончании курса обучения в случае, если вы подтвердите его своими успехами, – сообщил офицер по дороге.

– Так точно, сэр.

– Я определяю вас в отряд Диких Вепрей. Вам уже доводилось встречаться с ними – именно Вепри были в карауле, когда вас задержали. Конечно, это не самое лучшее из моих подразделений, но, учитывая ваши характеристики, вы сможете проявить себя. Бойцы отряда учатся уже четыре месяца. Надеюсь, вы сможете собраться и максимально быстро наверстать упущенное.

– Спасибо, сэр. Приложу все силы.

Мы вошли в казарму. Это был быстровозводимый купол из метакомпозита, разделённый перегородками на несколько помещений.

– Смирна-а! Старший офицер в расположении отряда! – прокричал караульный.

В просторном зале были расставлены столы-парты, оборудованные голографическими визуализаторами. За партами разместилось около трёх десятков кадетов. Кто-то изучал объёмные чертежи и надписи на экранах, кто-то просто ходил, а кто-то обсуждал с товарищами возникшие вопросы. Лёгкий гул и одетые в желтую форму новобранцы создавали ощущение, будто я нахожусь в улье с вяло копошащимися пчёлами. Внезапная команда караульного заставила кадетов вскочить с мест и вытянуться по стойке смирно. Наступила полная тишина. Один из бойцов чётким строевым шагом подошёл к Эклунду и громко отрапортовал:

– Отряд Диких Вепрей занят повторением теоретического материала по устройству боевых фарноходов Альянса, сэр. Командир Диких Вепрей кадет Габир.

В Габире я узнал начальника караула, задержавшего меня при входе на базу. Отряд был довольно разношёрстный. Возраст курсантов колебался от двадцати до тридцати пяти лет. Именно в этот период жизни Стратеры становились желторотиками, в другом возрасте это было практически нереально.

Как я подсчитал, в отряд Диких Вепрей входили двадцать один мужчина и семь женщин. Практически все подразделения Корпов имели примерно такое же соотношение полов – не более четверти женщин. Только в медицинских отрядах состав отличался с точностью до наоборот. Спальные помещения мужчин и женщин были отдельными, но во всём остальном: тренировках, ученьях, физических и интеллектуальных заданиях – нагрузка была абсолютно равной.

Некоторые девушки показались мне симпатичными. Особенно среди них выделялась улыбчивая блондинка, которая была просто красавицей. Я уставился на это чудо, не в силах отвести взгляд.

– Во-ольна! – громкий возглас Эклунда вывел меня из оцепенения. – Бойцы, представляю вам нового сослуживца. Это кадет Блэйз. Он уже успел героически проявить себя, убив в бою несколько Крыс.

Крысами Корпы презрительно называли воинов Великого Альянса из-за серого цвета их формы, а те, в свою очередь, прозвали бойцов Барстера Жабами.

Уважительный рокот прокатился среди кадетов, заметивших три синие нашивки на моём кителе.

– А красавчик-то какой... – громко прошептала пышная брюнетка, вызвав хихиканье других девушек.

– Разговорчики, курсант Ровере! – призвал к порядку Эклунд. – У Стратеров кадет Блэйз дослужился до звания младшего отрядного командера. Если не ошибаюсь, до этого момента самый высокий чин в отряде был у вас, кадет Габир?

– Так точно, сэр. Я был сержантом, – ответил командир Вепрей.

– Хе. Похоже, недолго осталось ходить в командирах нашему Адилю, – ехидно проронил один из кадетов.

Габир зло посмотрел на меня и опустил глаза.

– Отставить разговоры! Надеюсь, кадет Блэйз сможет усилить вашу команду, – сказал офицер и покинул подразделение.

Как только Эклунд удалился, курсанты снова переключились на свои дела. Я стоял в замешательстве, пытаюсь сообразить, что делать.

– Эй, новичок, занимай соседнее место, оно как раз свободно, – услышал я девичий голосок.

Это была та самая белокурая красавица. Заметив мою растерянность, девушка решила помочь.

– Я Оддбьёрг Ларсен, можно просто Одди, – протянула она руку.

Я заворожённо смотрел на девушку. Ей было чуть больше двадцати. Высокая, стройная, с большими голубыми глазами, она как будто излучала красоту и силу юности. Её облик напомнил мне картинку с древнескандинавской богиней, которую я видел в одной из дедушкиных книг.

– Не советую, парень, – произнёс кучерявый кадет невысокого роста. – Меня зовут Шандар Чопра. Лучше садись со мной. На Одди давно положил глаз Габир, а он, поверь, может испортить жизнь кому угодно.

– Спасибо, ребята. Я Вик, Виктор Блэйз, – представился я и сел рядом с девушкой, вызвав на её лице улыбку победительницы.

– Приятно, что ты не такой трусишка, как многие из наших парней. Этот Габир уже достал, из-за него все боятся дружить со мной, – пожаловалась девушка и недовольно поморщилась.

– О чём спорите? – услышали мы зычный голос незаметно подошедшего Габира. – Тебя кто-то обижает? Нужна помощь? – участливо спросил он у девушки.

– О, явился – не запылится, защитничек. – От праведного гнева лицо Одди покрылось румянцем, а огромные глаза, ставшие ещё более выразительными, казалось, были готовы извергать молнии. – Ну что ты привязался? Разве я давала повод? Командуй, где тебе положено, а в мою жизнь не лезь!

– Да ладно, успокойся. Никто тебя не трогает, – примирительно промямлил Габир и, переключив всю свою злость на меня, произнес: – Где лохмотья-то потерял, Страдалец? Возвращался бы лучше в Глазницы Предков, здесь ты точно никому не нужен.

– Что ты вечно ко всем цепляешься, Адиль? Дай парню хоть немного осмотреться на новом месте, – принялся защищать меня смуглолицый Чопра.

– А тебе, коротышка, никто слова не давал. Будешь среди своих Пчёл права качать. Эй, Страдалец, он тебя ещё не посвятил в тонкости сельского хозяйства? Ха, хорошая парочка подобралась.... Зря лыбишься. Скоро я сотру твою наглую ухмылку, – опять перекинулся он на меня. – Ладно, живи пока, но не дай бог, начнёшь здесь воду мутить... – Адиль грозно насупил брови и угрожающе потряс кулаком.

Видимо, решив, что профилактическая беседа достигла цели, он резко развернулся и пошёл прочь. Через пару шагов Габир остановился, как будто о чём-то забыл и, повернув голову, выкрикнул:

– А ты... ты всё равно скоро станешь моей...

– Ага, помечтай, помечтай... – тихо произнесла Одди себе под нос, глядя на удаляющегося Габира.

– А он у вас суров... – улыбнулся я.

– Да урод он, – ответила девушка. – Пользуется своим положением, а сам ничего собой не представляет.

– Угу, – утвердительно кивнул головой Шандар. – Затюкал уже, упрекая тем, что мои родители из Пчёл. А попробовал бы сам, каково переводиться в Стражи. Не так то это просто... Пчёлы тоже люди, без них ни Стражи, ни Просвещённые не выжили бы, сразу с голоду кони б двинули. Вот ты, например, знаешь, как выращивается картофель?

– Нет, – удивился я неожиданному вопросу.

– Хочешь, расскажу?

Услышав эти слова, Одди не сдержалась и захихикала, прикрывая рот ладошкой. Как я узнал позже, Шандар уже много раз описывал всем это действие, и сейчас его рассказы вызывали у ребят добрую усмешку. Мама Шандара работала на станции по выращиванию овощей. Когда маленьким он приезжал к ней в гости, ему приходилось наблюдать за процессом, и это стало одним из самых ярких воспоминаний его детства.

– С удовольствием послушаю, – согласился я, чтобы не обидеть нового товарища.

– Представь большую вертикальную карусель. Э-э-э... что-то типа чёртова колеса. Только колесо это не круглое, а скорее овальное.

– Ну, представил.

– К этому колесу на транспортёрной ленте крепятся большие платформы-поля. В платформы засыпается обогащённая почва и засеваются семена. Эти поля с очень медленной скоростью двигаются.

– Катаются на карусели? – усмехнулся я.

– Ага. За счет степеней свободы платформы автоматически ориентируются в пространстве так, чтобы при необходимости получать больше солнечного света.

– А ветер их не сносит?

– Нет, конечно, при сильном ветре поля меняют положение, чтобы уменьшить парусность. Кроме того, для защиты по команде от датчиков поля накрываются прозрачными куполами. Ну, примерно такими, как мягкая крыша старинных кабриолетов.

– Угу, понятное сравнение.

– Эти же купола используются и на первых этапах роста, когда нужен парниковый эффект. Если же солнечных и дождливых дней мало, то за счёт фэрнэнергии осуществляется досветка или дополнительный полив. Когда урожай созревает, специальные механизмы срезают зелень, а земля вместе с корнеплодами с платформы пересыпается в бункер. Там картофель отделяется от почвы. Промытая и высушенная картошка по транспортным

трубопроводам отправляется на распределительные базы, а земля обогащается нужными элементами и снова используется. Насыщенная специальными составами почва позволяет за год снимать по шесть-семь урожаев. Каждая "карусель" обеспечивает десять-двадцать тысяч человек. А на станции таких установок больше сотни. То есть одна станция может прокормить миллионный город! – восторженно делился знаниями Шандар.

– Познавательное, – ответил я, стараясь показать увлечённость рассказом.

– Я сразу понял, что тебе будет интересно, – расплылся в улыбке довольный Шандар.

Вечером, когда занятия были окончены, все разошлись по спальным комнатам готовиться к отбою. Мужская спальня представляла собой довольно аскетичное помещение. Между плотно расставленными кроватями у изголовья были втиснуты тумбочки для личных вещей. Надутые из прочного углеволокна спальные места своим обтекаемым видом напоминали лодки с хорошей гидродинамикой – хоть сейчас бери вёсла и отправляйся в путешествие. Со стороны ног к кровати крепилась полка для формы. Тумбочки тоже были надувными. Видимо, всё делалось с таким расчётом, чтобы расположение казармы можно было быстро развернуть на новом месте.

Прикрепив на рукав тёмно-фиолетовый шеврон со знаком вепря, я аккуратно сложил китель и положил его на прикроватной полке. Когда я откинул одеяло, то увидел, что простынь измазана жидкой грязью.

– Да наш герой-щенок не может себя сдерживать ни в чём и пакостит где попало, – услышал я саркастический голос внезапно появившегося рядом Габира.

Фраза Габира вызвала дружный смех курсантов. Они собрались в полукруг, с любопытством наблюдая за стычкой.

Мне было очевидно, что я легко справлюсь не только с Габиром, но и с тремя такими, как он. Не хотелось ввязываться в драку в первый же день, поэтому я заставил себя спокойно посмотреть на провокатора.

Командир Диких Вепрей Адиль Габир был немного ниже меня, но подвижным и жилистым. В чёрной как смоль густой копне то тут, то там серебрились рано появившиеся седые волоски. И хотя Адиль сейчас был гладко выбрит, его подбородок, щёки и верхняя губа под крупным носом с горбинкой были иссиня-черными. Его тёмно-карие глаза смотрели на меня из-под почти сросшихся бровей злым властным взглядом.

– Этот щенок только появился и уже успел нагадить. Достал уже всех, но мы этого терпеть не намерены, – Габир посмотрел вокруг, требуя взглядом подтверждения своих слов от сослуживцев.

Справа и слева от Адила, как телохранители, стояли два крепких здоровяка – чернокожие братья-близнецы Баако и Буру Тафари. Их налитые мускулами руки были скрещены на груди. Братья осуждающе посмотрели на меня и кивнули.

– Да? И чем же я тебя так достал? – спросил я, подойдя к обвинителю.

– Нет, вы только посмотрите на наглеца. Он, оказывается, не ведает, что творит, – картинно возмутился Габир, разведя руки в стороны. – Разве не ты пытаешься отбить мою девушку? И еще: если только подумаешь подвинуть меня с должности, я тебя порву. Я старше тебя лет на пять и с самого начала был назначен командиром Вепрей, а ты только-только неизвестно откуда свалился к нам на голову, пользуясь расположением начальства. Советую вести себя о-очень тихо и не высовываться.

– Не могу тебе это обещать, – сказал я с усмешкой.

– Ну, наглец, – проревел Габир и пнул полку с моей формой.

Полка завибрировала, и одежда, подпрыгнув, разлетелась в стороны. Сдерживаясь из последних сил, я наклонился, чтобы поднять её и тут краем глаза заметил летящую в голову ногу Габира. Увернувшись от удара, я быстро нырнул на пол, резко развернулся и сделал нижнюю круговую подсечку. Мой обидчик с грохотом опрокинулся на спину. Заметив, что близнецы тоже готовы напасть, я мгновенно подскочил и нанёс удар в подбородок одному из братьев, сбив его с ног. В ту же секунду с разворота саданул пяткой в голову другому близнецу. Тот с грохотом рухнул вниз.

Габир оклемавшись, вскочил на ноги и снова кинулся на меня. Я швырнул его на пол и заломил за спину руку. Навалившись всем весом, с силой надавил локтем на шею. Адиль уткнулся щекой в пол и захрипел, белки его выпученных глаз налились кровью.

– Остановись, Вик! Ты же его задушишь, – испуганно дёрнул меня за плечо Шандар.

Оставив на полу противника, я молча поднял упавший китель. Габир вскочил и попытался снова броситься на меня, но тут уже стоявшие рядом кадеты удержали его.

– Адиль, успокойся, хватит, – унимали драчуна сослуживцы.

Похоже, его это только обрадовало. Желая сохранить лицо, он вырывался и выкрикивал:

– Сегодня у тебя нашлось много заступников, щенков, но я найду способ поставить тебя на место.

– Как скажешь, командир, – спокойно ответил я с легкой усмешкой.

– Подъём! Учебная тревога! – прогремел голос дежурного.

Я вскочил и натянул китель. Метка показывала пять утра.

– Форма одежды – облегчённый боевой костюм. Всем получить парализующие пистолеты, – отдавал команды Габир, прочитав инструкцию на своём Всевидящем Оке. – Через пять минут все должны стоять на плацу перед входом в казарму.

Не представляя, что делать, я побежал за сослуживцами и оказался в помещении, заполненном рядами шкафов. На их дверцах висели экраны, на которых высвечивались лица и имена кадетов. В крайнем ряду я нашёл шкафчик с моими данными на экране.

Приложив Метку к датчику, я открыл дверцу. В шкафу находились два боевых костюма – один из тонкого нановолокна, второй из метапласта, похожий на пластинчатый доспех рыцаря. Картинка на экране подсказала, что именно нужно сейчас использовать. Я натянул костюм из волокна, высокие ботинки, перчатки и шлем.

Амуниция была практически невесомой и имела болотный с разводами цвет. Как напоминание, что мы ещё птенцы, на спине и груди обмундирования блестели широкие жёлтые полосы. Ботинки и шлем были тёмно-фиолетовыми. Этот цвет означал принадлежность к отряду Диких Вепрей.

У дальней стены я увидел зарешеченную дверь, которая вела в оружейную комнату. Там дежурный выдавал энергетические пистолеты и боекомплекты. Получив оружие, я выбежал на плац.

– Привет, Вик, – услышал я мелодичный голос.

– О, привет, Одди, – обрадовался я.

– Это ты так Адиля разукрасил?

– А, неважно, – отмахнулся я.

– Зря ты так спокойно к этому относишься. Я его таким злым ещё не видела. Ты прямо поверг в прах его гордыню. Будь осторожней. Габир на любую подлость способен, – с волнением сказала она.

– Спасибо, постараюсь... Введёшь меня в курс дела? А то я совсем тут растерялся. Если не сложно...

– Конечно, – улыбнулась Одди.

Она нажала кнопку на моём боевом костюме. На кармашке правого рукава загорелся огонёк.

– Это я подключила батарею питания, – объяснила Одди. – Теперь наладь связь с Оком.

Я послушно дал команду. Снаряжение словно ожило. Волокна костюма обтянули тело, и он стал настолько удобен, что ощущался не иначе, как вторая кожа. Какие-то подушечки надулись в шлеме и ботинках, и те стали сидеть на мне как влитые, ничего не натирая и не сваливаясь.

– Ух ты... – невольно воскликнул я. – Спасибо, благодетельница.

– Да ладно, – смущённо отмахнулась Одди и стала рассказывать с ещё большим рвением. – Слушай дальше... Пистолет стреляет патронами с парализующими зарядами. При попадании враг отключается на три часа. Он...

– С пистолетом я сам разберусь, – прервал я девушку. – Лучше расскажи о костюме, никогда таких раньше не видел.

– И не мудрено, это последняя модель. Таких ни у Стратеров, ни в Школьном Доме не найдёшь... Подключённый боевой костюм считывает состояние организма и показатели окружающей среды. При необходимости включается подогрев или охлаждение. А если ранили, чтобы предотвратить большую кровопотерю, он может, передавить в нужном месте сосуды и перекрыть кровоток.

– Неплохо.

– Ага. Но в отличие от тяжёлого боевого костюма в нём нет экзоскелета, увеличивающего силу и скорость передвижения. У него нет полной герметизации и автономной системы жизнеобеспечения. Броня легкого костюма гораздо слабее. Хотя мне лёгкий нравится больше. Он более маневренный, в нём не чувствуешь себя неуклюжим увальнем. Так, что ещё...

– Шлем?

– Да. Это важная часть амуниции. Прозрачное забрало используется не только как защита, но и как экран. На нем указываются координаты, температура, источники опасного излучения, агрессивный химический состав окружающей среды. Он может работать как прибор ночного видения и термовизор. В нём есть датчик движения и, кроме того, он связан с оружием – показывает расстояние до захваченной цели и помогает прицеливаться. Есть ещё какие-то функции, сразу всё не припомнишь, да и сейчас это не пригодится.

– Круто, – восхитился я, пытаюсь подключить шлем.

– Потом полюбишься, – торопилась Одди. – Дальше... В кармашках – всякие вспомогательные штучки. Батарею питания я тебе уже показывала, а здесь находится дополнительная, на случай, если основная выйдет из строя. При необходимости её можно использовать как небольшой источник фэрнэнергии. Здесь – аптечка, тут – особо прочный трос. В этом кармашке боевой нож. В этом – миниатюрный лазерный резак. Здесь...

– Смир-рна-а! – прервал её громкий голос Габира.

Увлечённые разговором, мы не заметили, как на плацу появился офицер. Габир двигался к нему строевым шагом.

– Остальное позже расскажу, – прошептала Одди. – Это – Новак. Он отвечает за Диких Вепрей и считается нашим непосредственным командиром.

– Младший отрядный командер, Дикие Вепри по учебной тревоге построены, сэр! – отрапортовал Габир.

– Во-ольна! – крикнул офицер. – Сегодня вам предстоит бой с захватом флага. Кадет Габир, не подведите меня, как в прошлый раз.

– Есть, сэр!

– Вам предстоит побороться с Черными Лисами. Соревнование пройдёт на четвёртом полигоне. Ваша база – на севере, вражеская – на юге. – Взглянув на Сферу Света, офицер произнёс: – Марш-бросок можно начинать. Ве-епри-и, вперё-од!

– Да-а-а! – прокричали курсанты.

– Отряд, напра-а-во! – скомандовал Габир. – Бего-ом, марш!

Построившись в колонну по четыре, мы начали движение. Я бежал рядом с Одди.

– Можешь объяснить, в чём суть состязания? – спросил я.

– Всё просто. Враги устанавливают флаг на своей базе, а мы – на своей. Кто первый завладеет флагом соперника – тот и победил.

– Понятно. Что это за четвёртый полигон?

– Да обычная площадка для сражений. От базы до базы порядка пяти миль. Находится в

редколесье. С запада полигон ограничен высокими горами. На востоке лес заканчивается и начинается поле. За полем – река...

– Угу, – кивнул я. – А что скажешь о соперниках?

– Лисы есть Лисы, постоянно что-нибудь выдумывают. Мы у них ещё ни разу не выиграли...

– Что плетётесь, как молокососы из Школьного Дома?! – кричал Габир. – Проворнее двигайте своими хилыми конечностями. Мы должны быстро добраться до базы, чтобы раньше врагов начать атаку.

Отряд ускорил бег. Кто-то из курсантов проорал речёвку:

– Па-чему – враги – трясутся?!

– Вепри – Ди-кие – несутся! – речитативом прокричали в ответ курсанты.

– Кто – наш – славный – ка-мандир?! – горланил заводила.

– Дикий – Вепрь – Адиль – Габир! – снова послышался дружный хор.

Отряд добежал до базы, и мы установили флаг – фиолетовое полотнище с изображением оскалившегося кабана. Пока кадеты восстанавливали дыхание и отдыхали после марш-броска, Адиль раздавал указания и объяснял план сражения:

– Применим испытанную тактику. Попробуем совершить блицкриг. Наши главные союзники – скорость и внезапность. Бежим по кратчайшему расстоянию к базе противника и, пока враг не успел опомниться, сносим всё на пути. На всякий случай на базе оставляем трёх защитников – Молнар, Ровере и Блэйза. Пожалуй нет. Этот сопляк сразу сдаст базу. Третьей будет... Йовкова, – Габир с ненавистью посмотрел на меня. – А ты, Блэйз, будешь при мне. И смотри, не путайся под ногами.

– Да, командир, – ответил я, понимая, что из-за отсутствия опыта от меня будет мало толку.

Не обратив внимания на мои слова, Габир продолжил:

– Сезон охоты на Лис объявляю открытым! Кто мы?!

– Ве-при! Ве-при! Вепри! – протрубили кадеты.

С криком и гиканьем мы побежали вперёд, держа оружие наготове. Отряд продвинулся примерно на три мили вглубь леса. За деревьями мелькнул чёрный вражеский шлем. Габир, бегущий одним из первых, сделал несколько выстрелов, и соперник упал.

– Ха! Вот и первый трофей! – крикнул он радостно. – Лисы бегут, поджав хвосты. Вперёд, Вепри!

– Стой, Адиль! – крикнул я, почуввав неладное. – Это похоже на ловушку!

– Я же просил тебя не путаться под ногами, щенок! – проревел тот в ответ.

– Не думай, что я говорю из вредности, они явно нас заманивают. Это же простейший приём. Неужели ты совсем не знаком со стратегией? – злился я на его беспечность.

Было видно, что Габир уже понял свою неправоту, но, чтобы не ударить в грязь лицом, не хотел со мной соглашаться.

– Выполняйте приказ командира, кадет! – рычал он.

Я понимал, что со стороны мои слова могут выглядеть, как попытка пошатнуть авторитет Габира или способ покрасоваться перед Одди, но врождённое чувство справедливости заставляло меня настаивать на своём.

– Это неразумный приказ. Из-за него не только ты, но и весь отряд проиграет.

– Видел я твой послужной список, тебя уже как-то разжаловали за невыполнение приказа. Тебе мало? Хочешь, чтобы с базы вышибли? Хотя всем от этого только лучше будет.

Или... А, понятно! Щенок в первом же сражении заскулил от страха...

– Адиль, я думаю, Блэйз прав, – заступилась за меня Одди.

Не предвидя такого поворота, Габир оторопел. Его лицо стало пунцовым от злости.

– Кто ещё так считает? – Габир сурово оглядел бойцов.

– Я, – послышался робкий голос коротышки Чопры.

– Хм... – командир кинул злобный взгляд на моих защитников. – Ещё кто-то?

– Мы! – дружно ответили братья Тафари.

Обладая недюжинной силой, они уважали её у других и после вчерашней взбучки готовы были пойти за мной хоть на край света.

– От вас я этого никак не ожидал, – разъярился Габир. – Вы выбрали не ту сторону, парни, и скоро об этом горько пожалеете. Ладно, мы и так много времени потеряли. Бегите защищать базу, трусы. А ты, Блэйз, ещё ответишь за невыполнение приказа и подстрекательство. Остальные за мной!

– Что скажешь, Вик? Пойдём защищать базу? – спросила Одди, когда основной отряд отделился.

– Шансов у нас немного... – сказал я, задумавшись. – Не будем терять время. Баако и Буру, бегите к нашему флагу. План такой – за двести-триста ярдов до базы замаскируйтесь, один с правого другой с левого фланга. Когда появятся враги, пропустите их вперёд. Стреляйте по ним уже сзади из своих укрытий. Это немного задержит Лис.

– Будет сделано, командир, – воодушевлённо прокричали близнецы и побежали выполнять приказ.

– Ничего не скажешь, толково придумано, – сказал Шандар. – Но этого не хватит для победы.

– Понимаю... Есть у меня одна идея... – произнёс я. – В древности был такой карфагенский полководец – Ганнибал Барка. Однажды он со всей своей армией оказался там, где его совсем не ожидали римские легионы. Он преодолел горы, переведя через них даже слонов, и одержал сокрушительную победу.

– Гм... перейти горы... – Шандар почесал кудрявую голову. – А попроще плана у твоего стратега нет?

– Ну смотри, если я прав и Лисы устроили засаду, то толку от нас по центру никакого. Так?

– Ну да... – неуверенно кивнул Шандар.

– Слева – поле. Там мы будем как на ладони. Справа тоже всё хорошо просматривается, если только не забраться на гору. Так что нам остаётся лишь повторить подвиг Ганнибала, пробравшись в тыл к Лисам. Другого шанса нет.

– Пожалуй... – сокрушённо кивнув, согласился Шандар.

– Не беспокойтесь, ребята, – подмигнула Одди. – С чем-чем, а с этой задачей мы точно справимся.

Быстро преодолев редколесье, мы добрались до гор. Открывшийся вид охладил мой пыл. Задрав вверх головы, мы смотрели на выросшую перед нами почти отвесную каменную стену огромной высоты.

– Вы же сможете меня переправить через эту громадину? – сказал Шандар. – Я веде гораздо меньше слона.

– Да, похоже, моё предложение было слишком самоуверенным... – с досадой произнёс я.

– Я же сказала, не беспокойтесь, – гордо произнесла Одди. – Мы в Школьном Доме частенько упражнялись в скалолазании. Эта ваша преграда по сравнению с нашими скалами – просто детская горка. Дайте ваши ножи и тросы.

Одди подошла к скале и начала карабкаться вверх, цепляясь руками и ногами за неприметные выступы. Там, где зацепиться было вовсе не за что, она засовывала лезвия ножей в щели и трещины, держась за них руками либо опираясь ногами. Прочный металл боевых ножей легко удерживал воздушную фигурку девушки. Она шутя преодолевала самые сложные участки. Мы восхищённо смотрели, как Одди с лёгкостью поднималась всё выше и выше, словно на её руках и ногах выросли волшебные присоски.

Взобравшись на вершину, девушка закрепила трос вокруг выступающего камня. Она оценивающе посмотрела вниз и удлинила трос, привязав к нему ещё один.

– Держите! – крикнула Одди, бросив нам верёвку.

– Лезь первым, – предложил я напарнику. – Если что, буду тебя подстраховывать.

Схватившись за трос, Чопра полез вверх, но, не преодолев и десяти футов^[1], свалился.

– Зато я быстро бегаю, – невпопад оправдывался расстроенный Шандар.

– Ничего. Обвяжись вокруг пояса покрепче. Попробуем тебя затащить, – сказал я и полез наверх.

Взобравшись на гору, я сбросил трос. Перепоясавшись, Шандар поднял большой палец правой руки.

– Давай!

Мы с Одди принялись осторожно поднимать товарища.

– Получилось! – радостно воскликнул Чопра, когда нам удалось втащить его на вершину. – Я же говорил, что смелым сопутствует удача.

– Пойдёмте быстрее, времени совсем мало, – скомандовал я, и мы двинулись вперед, осторожно преодолевая каменные преграды.

Гора на этой высоте представляла собой практически плоское плато, и путь не предвещал сложностей. Я шёл впереди. Примерно через милю я услышал окрик Одди.

– Вик, где Шандар? – испуганно спросила она.

Чопры нигде не было. Мы бросились его искать, звали, кричали, но никто не откликнулся. Через несколько минут мы услышали слабое повизгивание – коротышка лежал на покатоном склоне горы, ухватившись за корень какого-то растения, и пытался карабкаться.

– Что вы так смотрите? Разве человек не может споткнуться? Скорее вытаскивайте меня отсюда! – прокричал он, увидев нас. – Если я свалюсь с такой высоты, то меня парализует гораздо дольше, чем на три часа.

– Хватайся, – сказал я, протянув руку.

Я принялся вытягивать товарища. Одди тоже старалась помочь. Она положила на землю мешающий ей шлем и, наклонившись, ухватила Шандара за одежду. От неосторожного движения шлем покатился, звонко стукнулся о голову Чопры, подпрыгнул и полетел в пропасть.

– Хорошо, что я не такой круглый... – сказал спасённый Шандар, с опаской глядя вниз. – Теперь у меня будет такая шишка, что никакой шлем не понадобится, потому что не налезет, – причитал он, почёсывая ушибленную голову.

Чтобы больше не рисковать, мы обвязались тросом и дальше передвигались в связке. Оставшийся путь прошёл без происшествий. Мы обошли вражескую базу и спустились со скалы.

– Вряд ли Лисы сидят у флага без маскировки, – сказал я. – Шандар, помнится, ты говорил, что хорошо бегаешь.

– А я и не отрицаю.

– Тогда проберись к базе с фронта и устрой шум со стрельбой. Пусть Лисы думают, что кто-то из наших прорвался сквозь засаду. Заставь их раскрыться, а мы с Одди подкрадёмся с тыла и захватим флаг.

– Будет сделано, Ганнибал Блэйз, – засмеялся Шандар и побежал выполнять задание.

Через несколько минут послышалась стрельба. Враги, как я и предполагал, выбрались из укрытия, устроив охоту на Шандара. Его, конечно, подстрелили, но нам с Одди удалось незаметно подобраться почти вплотную к базе.

– Самое время воспользоваться шлемом. Вик, сколько их? – шёпотом спросила девушка.

– Датчики показывают восемь целей.

– Ясно. Вот тут-то как раз и пригодятся скорость с внезапностью, о которых говорил Габир, – сказала Одди.

Лисы палили в Шандара, ловко укрывающегося за деревьями. Секунд через десять им всё же удалось подстрелить его. Этого времени нам хватило, чтобы уложить половину противников. Когда Шандар упал, Одди, словно валькирия с развевающимися волосами, с диким криком кинулась к врагам, стреляя из пистолета. На долю секунды я замер, зачарованно любуясь её воинственной стремительностью. Когда обескураженные враги поняли, что атака ведётся с тыла, было уже поздно, нам быстро удалось расправиться с горсткой растерявшихся соперников. Флаг был захвачен. Сирена, возвещающая о конце боя, разорвала воздух.

Одди в восторге бросилась мне на шею.

– Ну ты и талантище, Викки, – восхищённо произнесла она. – Не зря ты мне сразу понравился.

– Ты мне тоже, богиня-воительница, – внезапно осипшим голосом ответил я.

Мы смотрели друг на друга, и словно горячая волна прокатилась между нами, накрыв с головой. Каждая клеточка наполнилась неведомым трепетным волнением, я не мог вымолвить ни слова. Держа Одди в объятиях, я наклонился к ней, не в силах отвести взгляда от зовущих глаз. Мгновение – и наши губы слились в опьяняющем поцелуе. Но вот она, смеясь, выскользнула, игриво оттолкнула меня и побежала. Я бросился за ней. Одди споткнулась и, потеряв равновесие, распласталась на траве. Перевернувшись на спину, она лежала с закрытыми глазами среди колышущихся полевых цветов и улыбалась.

– Не ушиблась? У тебя всё нормально? – испуганно спросил я, подбежав к девушке.

– Лучше не бывает, – Одди открыла глаза и улыбнулась. – Когда я была маленькой, мы с подружками из Школьного Дома частенько так валялись на траве, смотрели в небо и гадали по облакам. Вот смотри, облака подсвечиваются розовым. Это значит, что в жизни появится новый близкий друг.

– Любопытная игра, – сказал я и устроился рядом. – И в чем же её суть?

Все кадеты остались по ту сторону холма. Мне казалось, что сейчас мы с Одди совершенно одни во всём огромном мире. Я лежал на ароматном цветочном ложе и, прищурив глаза, смотрел в лазурную высь. Надо мной медленно плыли пушистые островки причудливой формы, постепенно меняющие очертания.

– Всё очень просто. Нужно закрыть глаза и задать вопрос. Потом выбрать какое-нибудь облако и попробовать разгадать его форму. Это и будет ответом. Посмотри, вон то облако,

напоминающее льва с лохматой гривой и добродушной мордочкой, чем-то похоже на тебя.

– Тогда тот нежный кудрявый барашек – на тебя, – ответил я.

Мы рассмеялись. Приподнявшись на локтях, я присел, любуясь счастливым лицом Одди. Её чистая, искренняя улыбка и сияющие добрым светом глаза притягивали, как магнит. Я склонился над ней и потянулся к призывно алеющим губам. Сердце бешено стучало, словно в груди билась птица, которая рвётся выпорхнуть на волю и петь...

"Поздравляем Диких Вепрей с победой! Всех способных передвигаться прошу прибыть к точке сбора у реки на центральной линии полигона", – женский голос, вырвавшийся из Нейронной Метки, был настолько громким, что заставил вздрогнуть обволакивающую нас сказочную вуаль.

– Это про меня, – прошептал я, не в силах оторваться от девушки. – Как раз сейчас меня можно отнести к самым неспособным.

– И меня тоже, – проворковала Одди, нежно отвечая на мои поцелуи. – Но нужно идти... Сейчас здесь появится толпа наблюдателей и...

– Эх, – вздохнул я. – Ладно... Пока они собирают "паралитиков", пойдём, поищем твой шлем.

Вечером отряд выстроился на плацу, ожидая официального объявления результатов состязания. Вепри, возбуждённые неожиданной победой, радостно галдели.

– Молодцы, Вепри! – прервал гомон Новак. – Коварные враги завлекли храбрых Вепрей в ловушку, уничтожив большую часть отряда. Но вы сумели обмануть даже хитрых Лис, расставив столько капканов, что смогли вырвать, казалось бы, безнадежно упущенную победу... Прошу выйти из строя кадетов Ларсен, Чопру и Тафари... Братья Тафари удерживали базу, нейтрализовав двенадцать противников, чем выиграли столь необходимое для победы время. Кадеты Ларсен и Чопра... Без их храбрости и отваги, думаю, победы просто не было бы. Молодцы, ребята... Кадет Блэйз...

– Вик-тор! Вик-тор! Блэйз! – скандировали курсанты.

Я радостно шагнул вперед.

– Блэйз... – младший командер задумчиво посмотрел на меня. – Я понимаю, что главная заслуга в этой победе ваша, – благостный тон командира резко изменился, он сжал губы и произнёс: – Но такая победа ничего не стоит. Вы нарушили главный принцип в армии – субординацию. Если бы такое произошло во время боевых действий, вас следовало бы утилизировать. Вы обязаны выполнять приказы командира. Разве у вас была в тот момент полная уверенность в том, что это был отвлекающий манёвр Лис? Вряд ли. Можете ли вы утверждать, что знали всё о поле боя? Нет. А если у кадета Габира была какая-то информация от разведки или от вышестоящего командира? Вы в первый раз участвовали в этой игре и ещё совершенно ничего не знаете... Да будь Габир даже тысячу раз неправ, вы обязаны подчиняться приказам. – Новак ещё долго отчитывал меня, не стесняясь в выражениях. Каждое слово буквально посылало меня в нокаут. Совершенно не ожидая такого, я стоял, опустив голову. – За злостное нарушение воинской дисциплины – невыполнение приказа командира в бою – вы будете наказаны.

– У-у-у, – послышался недовольный ропот курсантов.

– Отставить! – рявкнул офицер. – Кадет Блэйз, отправляйтесь к мидкомандеру Эклунду, он решит вашу судьбу.

– Есть, сэр, – растерянно ответил я и поплёлся в командный корпус.

– Ну что, допрыгался, щенок? – прошипел мне вслед Габир.

– Подвёл ты меня, курсант... – недовольно говорил Эклунд, расхаживая вокруг стола в кабинете. – Я надеялся через месяц-другой поставить тебя командиром Вепрей. А что мне с тобой теперь делать? Ты считаешь, что, уничтожив полтора десятка Крыс, имеешь право на всё?

– Никак нет, сэр!

– Или ты где-то в уставе вычитал: нарушайте, господа солдаты, приказы, и будет вам счастье? А если удачно нарушите, то вас наградят?

– Никак нет, сэр!

– По-хорошему, гнать тебя надо с базы обратно в Стратеры... Но я давненько не видел такой славной победы, такого блестящего плана. Если б в нашей армии все командиры были такими, как ты, то Альянс давно бы перестал быть великим. Даю последний шанс: посидишь пару недель на гауптвахте и хорошенько подумаешь.

– Есть, сэр! Спасибо. Я всё понимаю. Это для меня важный урок.

[1] *Примерно три метра.*

Это были лучшие месяцы моей жизни. Я очень сблизился с Одди, она была не просто другом – она стала для меня всем. Я словно дышал ею. Страсть поглотила меня с головой. Используя каждую возможность, мы убегали с базы на нашу любимую полянку, полностью отдаваясь чувствам, радуясь жизни, смеясь и обсуждая совместные планы на будущее. Впервые я понял, что такое счастье, что такое Любовь, ради которой человек готов совершать подвиги и чудеса.

Всепоглощающее чувство захватило меня. Вспоминая время, проведённое в коммуне Страдальцев, я всё чаще понимал, что хочу взять Одди в охапку и унести туда. Всегда быть вместе, воспитывать наших детей, чувствовать себя свободными – что может быть лучше? Но сможем ли мы так жить? Сможем ли отказаться от всего, чему нас учили Корпорация и родители? В этом я не был уверен.

Однажды я спросил у Одди:

– А ты можешь представить, что родители воспитывают своих детей сами? Всю жизнь...

– Как это? Зачем? – с недоумением сказала она и, помолчав, грустно добавила: – Из своих я видела только маму, да и то всего два раза.

Не сдержавшись, я раскрылся перед подругой и поведал о вынужденном пребывании в поселении Страдальцев. О духе свободы, который там царил. О том, что в коммуне существовали настоящие семьи, которые могли заводить детей и всегда находиться рядом с ними. Одди была поражена рассказом. Она нахмурилась и надолго замолчала.

– Если тебе не нравится эта тема, давай поговорим о чём-то другом. Или когда-нибудь потом... Если захочешь... Всё, что захочешь, – сказал я, целуя девушку. – Ведь ты самая замечательная. Такой, как ты, не встретишь нигде.

– Угу. Теперь не встретишь... – задумчиво произнесла Одди, и в её глазах появились слёзы.

– Что случилось, родная?

Одди уткнулась мне в плечо и зарыдала, вздрагивая всем телом.

– Я чем-то расстроил тебя? Или обидел?

– Ты ни при чём... – сквозь слёзы прошептала она. – Просто этот разговор заставил меня вспомнить одну давнюю историю.

– Расскажешь?

– Я всегда хотела забыть об этом и поэтому ни с кем...

– Расскажи. Мне можно. Легче будет.

– Хорошо, – Одди вытерла слезы и тяжело вздохнула. – Мне тогда было двенадцать, я как раз только перешла на среднюю ступень обучения в Школьном Доме Просвещённых...

– Ого, ты была Просвещённой? – с удивлением уставился я на подругу.

Она кивнула.

– Да... В тот день приехала мама и забрала меня с сестрой на прогулку...

– С сестрой? – снова удивился я.

– Ага. Сестра-близнец. Близнецам разрешается быть вместе. Её звали Сигбьёрг. Сигги... Сигги и Одди... – задумчиво произнесла девушка и опять вздохнула. – Она родилась на пятнадцать минут раньше, считала себя старшей и потому всегда старалась защищать меня.

Мы были так похожи, что все воспринимали нас скорее как одного человека в двух экземплярах, чем как разных личностей. Наши отношения были настолько близкими, что мы даже создали собственный язык с непонятными для других словами и жестами. Я помню, какой трагедией был момент, когда меня положили в больницу, и нам пришлось ненадолго расстаться... Мы чувствовали себя чем-то неделимым. Даже считали, что можно распределить между собой навыки, что владеть ими достаточно только одной из нас. Создали для себя маленький мирок, из которого совершенно не хотелось выходить. Вне этого микромира я была очень закрытой. Даже нет, скорее диковатой и очень робкой. Для меня было большой проблемой с кем-то, кроме Сигги, поговорить, а уж тем более сблизиться. Я больше налегала на учёбу, а Сигги полностью брала на себя функции представителя нашей пары и отвечала за общение с внешним миром...

– Ты говоришь о ней в прошедшем времени. Что-то случилось, да?

– Угу, – всхлипнула Одди. – Мама тогда повезла нас погулять на берег фьорда, чтобы рассказать о себе и поближе узнать нас. С прошлой встречи, когда я впервые увидела маму, минуло много лет. Я тогда была совсем маленькой, и её образ стёрся из моей памяти... Мама была очень красивой. Она пришла за нами одетой в голубой балахон Просвещённого четвёртой ступени. Глядя на неё, я чётко представила, как мы с Сигги будем выглядеть, когда подрастём, настолько сильно мама походила на нас – те же волосы, те же глаза, тот же овал лица. Мы тогда много разговаривали и смеялись. Эмоции переполняли. Когда Сигги с мамой о чём-то оживлённо болтали, глядя на воды извилистого залива, я спряталась за каким-то каменным выступом. Ну, надо было мне... А потом... потом я услышала этот шум и выглянула из своего укрытия. Их было пятеро, здоровенных мужиков... Один повалил на землю Сигги, другие схватили маму, громко крича на диалекте Альянса.

– Диверсанты? В глубине земель Барстера?

– Нет. Как я потом узнала, это были беглецы с рудника. Ну, из тех пленных, которые работают на вредных производствах... Те, которые четверо... они разорвали на маме балахон и опрокинули её на землю. Трое удерживали её своими грязными лапами, а четвертый... у него было такое мерзкое, самодовольное лицо, и слюнявый рот... он её... а потом ещё один... они по очереди... ну, ты понимаешь. А пятый в это время... Сигги была совсем ребёнком! Я увидела её глаза, полные отчаяния. Наши взгляды встретились. Но даже в тот жуткий момент она помнила обо мне. Я была готова сорваться с места, чтобы кинуться на этих нелюдей, но тут она закричала: "Не смей! Даже не вздумай!", и я словно приросла к месту. Я поняла, что эти слова были адресованы мне, сестра запретила мне высовываться. Она прекрасно понимала, что я ничем не могла им помочь, просто стала бы третьей жертвой этих гадов... Они их с обрыва сбросили... Мне показалось, будто кто-то тупым лезвием отрезал от меня кусок плоти, часть моей души... – пытаюсь сдерживать эмоции, Одди почти до крови искусала дрожащие губы. Её глаза снова стали влажными и покраснели. – А потом... потом я дала себе слово... я решила, что должна уметь защитить себя и тех, кто мне дорог. И вот теперь я Страж, будущий Корп...

Она замолчала. Её глаза пустым бессмысленным взглядом смотрели куда-то вдаль. Я прижал Одди к себе и, впитывая дрожь её тела, думал. Я знал, что значит потерять близких. Понимал, что слова сейчас будут лишними. Я тихонько взял её ладонь и начал нежно гладить, не проронив ни звука.

– Знаешь, Вик, а я бы, пожалуй, попробовала, – неожиданно прервала молчание Одди.

– Чего?

– Ну, пожить там... у твоего Дедушки. Наверное, такая жизнь более правильная. Особенно для него... – загадочно улыбаясь, она посмотрела на свой живот и положила на него мою руку.

– Что... что ты хочешь сказать? – выпучил я глаза, не веря в догадку. – У нас будет ребёнок? Да?

Она кивнула и смущённо потупила глаза.

– Угу, на моё Око уже пришло поздравление... Ты знаешь, я это специально сделала... Не из-за бонусов, конечно. Я решила, что должен появиться человечек, в котором будешь и ты, и я...

– Одди-и-и! Я люблю-у-у тебя-а-а!

Точно безумный, я схватил её на руки. У меня как будто выросли крылья. Казалось, что оставив далеко внизу цветочную поляну, мы парили, кружась в сказочном танце, где-то высоко в небесной лазури, среди трепещущих облаков.

– Мы ведь не отдадим его, правда? – осторожно спросила Одди, внимательно посмотрев мне в глаза.

До самого отбоя мы спорили, сомневаясь, имеем ли право ради любви предать Корпорацию. И всё же мы решились и назначили побег на следующий вторник. Не в силах заснуть, я всю ночь вертелся, придумывая, как выдать наше исчезновение за несчастный случай, чтобы нас не искали.

Днём по тревоге отряд собрали на плацу в полной боевой амуниции. Перед строем появился мидкоммандер Эклунд.

– Кадеты! – говорил офицер. – Через месяц вы из птенцов превратитесь в истинных Корпов. Совсем скоро вам предстоит участвовать в самых настоящих боях. Сегодня у вас будет возможность отправиться на необычную экскурсию. Вы побываете в действующей боевой части и проведёте там три дня.

Восторженный гул одобрения пробежал по строю.

– Понимаю вашу радость, – усмехнулся Эклунд. – Об участии в бою речь, естественно, не идет, но вы увидите, как живут солдаты в полевых условиях, сможете почувствовать себя в шкурах Корпов, чтобы, попав из тепличной среды на передовую, не разбежаться, как трусливые зайцы... Блэйз, через пятнадцать минут Вепри должны быть в фарнолёте. Борт номер сорок семь.

– Есть, сэр!

Я оглядел отряд. Казалось, предвкушение нового приключения дало ребятам заряд энергии, и они были готовы ринуться в любую, даже самую опасную битву. Улыбнувшись, я скомандовал:

– Вепри-и! Вперё-од!

Уже ближе к ночи мы добрались до воинской части. Она пряталась среди деревьев на самой границе леса. Кроме казарм для солдат и офицеров, столовой, медицинского пункта и ещё дюжины каких-то вспомогательных построек, я здесь ничего не заметил. Купол здания для нашего временного размещения развернули прямо у пищеблока.

Отряд ещё не успели разложить вещи, как прозвучала команда:

– Строиться! Через минуту все должны стоять на улице!

Побросав вещи, мы сорвались выполнять приказ. Перед строем прохаживался сурового вида Корп, то и дело кидающий на нас недоверчивые взгляды.

– Меня зовут сержант Ласкарис. Пока вы здесь, я для вас и отец, и Бог. Малейшее неповиновение – и вы снова сможете называть себя Стратерами. Никакой самодеятельности. Любые передвижения по части только с моего разрешения. Это всем понятно?! – рявкнул хмурый вояка.

– Так точно, сэр!

Со стороны дороги за спиной сержанта мне послышался еле различимый шорох, будто позёмка закружила камешки на дороге. Я присмотрелся и заметил лёгкое искажение пространства, похожее на колебание раскалённого воздуха в пустыне.

"Боевые рашеры с активированным Хамелеоном?"

– Разрешите вопрос, сэр? – спросил кто-то из кадетов.

– Да.

– Сэр, а почему бронетехника покидает часть?

– Смотри-ка, какие глазастые... Может, ещё назовёте количество единиц?

– Судя по полосе искажений, не меньше сорока, – предположил я.

– А модель какая?

– Случайно не Смилодон? – спросил Шандар.

– Хм... верно... А вы что, боитесь остаться без защиты? – усмехнулся сержант.

Уязвлённые подозрением, кадеты недовольно загудели.

– Хорошо, будем считать, что вы бесстрашны, как Зулусы, – расплылся в улыбке Ласкарис. – За наблюдательность хвалю... А для тех, кто до сих пор волнуется, сообщаю: мы находимся в довольно спокойном месте. Здесь более двух месяцев не было ни единой стычки, да и разведка не сообщает каких-либо перемещениях или подозрительной активности врага. Если б существовала хоть малейшая опасность, вряд ли Центр позволил бы притащить сюда желторотых... А вот в пятидесяти милях севернее идут бои, там наши бронированные Смилодоны нужнее. Есть ещё вопросы?

– Правильно ли я понял, что наша часть вовсе не боевая, а занимается какой-то тыловой поддержкой? – снова спросил Шандар.

– Неправильно. Мы – артиллеристы. Ракеты, зенитки, пушки... Батарея находится на возвышенности в миле на восток. Завтра сами всё увидите. И чтоб вам было ещё спокойнее, скажу, что там же находится отряд поддержки из пятидесяти Зулусов. А теперь – всем спать. Не хочу, чтобы завтра вы были как сонные мухи. Отбо-ой!

Только начало светать, как зычный голос Ласкариса прогремел в казарме.

– Подъём, желторотики! Чистите свои пёрышки, да побыстрее. Через десять минут в боевых костюмах и с оружием вы должны быть построены у столовой.

Это был первый подъём в настоящей боевой части. Нами невольно овладело волнение. Умывшись, я побежал одеваться. Возле своей кровати я с удивлением обнаружил копошащегося Габира.

– Что-то потерял, Адиль? – рассерженно спросил я.

– Да так... – ответил он, ехидно ухмыльнувшись, и тут же убежал.

Времени было в обрез, и я не стал затевать ссоры.

"Позже с ним разберусь".

Быстро одевшись, я побежал на построение, привычно заняв место во главе строя. Погода стояла прескверная – дул промозглый ветер, низкие тяжёлые тучи, застилавшие небо, предвещали ливень.

– Утро мы начнём с проверки амуниции, – сообщил Ласкарис. – Оружие и снаряжение всегда должны быть в идеальном состоянии. Здесь не учебка. От этого зависит ваша жизнь и жизнь ваших товарищей.

Сержант подошел ко мне и стал скрупулёзно проверять боевой костюм.

– Отлично, солдат, – сказал он, осмотрев снаряжение. – А теперь – оружие к осмотру. Включите энергетическое ружьё.

Ружьё не включалось... Ни основной, ни вспомогательной батареи не было на месте. Сразу поняв, в чём дело, я посмотрел налево и увидел довольное лицо Габира. Оправдываться было бесполезно. Сообщить о проступке товарища, даже о подломе, я не мог. Сам виноват, что не проверил всё перед построением.

– Фамилия, солдат? – сурово спросил Корп.

– Кадет Блэйз, сэр!

– Блэйз, и как вы с этим собирались идти в бой?

– Виноват, сэр!

– Конечно, виноват! Именно из-за таких, как вы, и гибнут наши ребята! – гаркнул сержант. – Сегодня вы поступаете в распоряжение повара. Надеюсь, на кухне вам удастся проявить себя с лучшей стороны.

– Извините, сэр, – влез Шандар, – Блэйз наш командир и отличный боец. Это просто недоразумение...

– Фамилия? – Ласкарис удивлённо посмотрел на него.

– Кадет Чопра, сэр!

– Ну и дисциплина... Разве я давал вам слово, солдат? – раздражённо произнёс Корп. – Могу только посочувствовать, что у вас такой командир, кадет Чопра. А раз вы ему так преданы, будете кашеварить вместе.

– Есть, сэр, – вздохнул Шандар.

К остальным у сержанта замечаний не нашлось: ребята действительно отлично подготовились.

– Хорошо! – подытожил Ласкарис. – После завтрака – практика в артиллерийском расчёте. Будете учиться работать на плазменных пушках средней дальности. Через полчаса жду всех кроме Блэйза и Чопры на этом же месте. А сейчас в столовую для приёма пищи шаго-ом марш!

В столовой Одди набросилась на Габира.

– Ну и подлец же ты, Адиль! – крикнула она с негодованием.

– А что Адиль? Вы докажете, что это моя работа, – шкодливо улыбнулся он. – Я всегда говорил, что твой Викки недостоин быть Корпом.

– Да плюнь ты на него, Одди, – сказал я и, обняв её за талию, отвёл к столу.

– Не расстраивайся, Вик. Мы же здесь на целых три дня. У тебя ещё будет время со всем тут ознакомиться. А в такую погоду любому за счастье провести время на кухне, – пошутила она.

– Угу, – ответил я, вяло ковыряясь в тарелке. – Зря ты не настояла на том, чтобы остаться на базе. Лучше бы не ходить на эти учения в твоём положении...

– Куда ж я без тебя? Не волнуйся. Совсем чуть-чуть осталось, и мы будем далеко, – улыбнулась она.

После завтрака я поцеловал Одди и пожелал ей удачи. Сержант Ласкарис провёл краткий инструктаж и курсанты направились к месту практики. Мы с Шандаром проводили их завистливыми взглядами.

После боя с Черными Лисами мы с Чопрой стали настоящими друзьями. Как-то он узнал о моих художественных талантах и несколько дней преследовал с просьбой нарисовать картину в память о нашей славной победе. В конце концов я сдался, не устояв перед его настойчивостью. Обрадованный Шандар сам разработал сюжет картины. В центре он попросил изобразить себя с крепко сжатым в руках древком захваченного флага. Справа – меня, а слева Одди – с развевающимися волосами и ружьём на изготовку. На обратной стороне красивым почерком я вывел надпись: "Дорогому другу Шандару на долгую память". Ему очень нравилась эта картина. Он со смехом говорил, что мне хорошо удалось передать его героичность, и всегда держал картину на своей прикроватной тумбочке.

Шандар оказался преданным товарищем, на которого можно было положиться даже в самых безвыходных ситуациях. Чем-то этот добродушный парень напоминал мне старого школьного друга Отто, которого я частенько вспоминал.

– Прости. Это из-за меня ты так влип, – сказал я.

– Да ладно тебе, командир, пусть это будет моей самой большой бедой, – ответил Шандар.

– Правильно говоришь, солдат, – сказал неожиданно появившийся розовощёкий повар. – Не стоит огорчаться, ребята. Ходят слухи, что сам Главнокомандующий Перес тоже начинал службу с наряда по кухне, а потом ещё и на гауптвахту загремел. Так что не стоит переживать... А сейчас переодевайтесь, пойдёте со мной, – и он протянул нам серые комбинезоны подсобных рабочих.

Уже несколько часов я с Шандаром пыхтел на кухне за нудной и совершенно неинтересной работой. Через полчаса наступало обеденное время, и мы с нетерпением ждали появления ребят, чтобы услышать их рассказы и первые впечатления.

Со стороны расположения батареи послышались выстрелы и замелькали отсветы.

– Что это? – испуганно спросил я.

– Как что? – удивился повар. – Ваши тренируются. Или вы думали, они там мяч гоняют?

Мы с Шандаром с завистью уставились на всполохи. Стрельба продолжалась минут пятнадцать. Вдруг что-то грохнуло, взрыв страшной силы сотряс землю, затем ещё и ещё, пока не превратился в непрерывную канонаду.

– Атака Альянса! В укрытие! – крикнул ошарашенный повар и мгновенно скрылся в подвале.

Не слушая его, я рванул к месту учений. Вокруг плясали столбы огня, дыма и пыли. Высоко в небе, скрываясь за грозовыми тучами, устрашающе зависла Небесная Крепость, зачищающая мощными выстрелами территорию. Наша разведка просто-напросто проворонила вражеское наступление!

Я взглянул в сторону артиллерийского расчёта и холодная волна ужаса обдала меня: здания были в огне, над ними поднимался густой чёрный дым.

– Не-ет! Одди-и! – взвыл я и стремглав кинулся туда.

Шандар бросился за мной. Я нёсся, не обращая внимания на разрывающиеся рядом снаряды. Обстрел постепенно затихал и, пока мы бежали до места, прекратился. Картина, открывшаяся взору, заставила меня оцепенеть. Кругом валялись груды искорёженной техники. Разбомблённые постройки горели. Всё окутало плотное облако едкого дыма. Сотни сбитых Гарпий, словно трупы дохлых мух после тотальной дезинсекции, усеяли пространство. Воздух дрожал от жара. Даже земля вокруг полыхала, довершая картину апокалипсиса.

Среди огненного ада лежали растерзанные тела солдат и моих несчастных сослуживцев. Вперемешку с людьми громоздились изувеченные Зулусы с оторванными конечностями, как у выброшенных на помойку надоевших кукол.

Я смотрел на внезапно ворвавшийся в мою жизнь кошмар, а перед глазами, как наяву, рисовалась картина боя... Системы раннего оповещения, конечно же, обнаружили тучи летевших Гарпий. Автоматические зенитные и ракетные установки начали стрельбу. Не выдерживая огненного шквала, воздушные шпионы пачками падали на землю, но некоторые из них всё же смогли прорваться. Им удалось передать информацию о расположении рассекретивших себя стрельбой орудий. К месту битвы подплыла Небесная Крепость. Её мощное силовое поле могли пробить только ионные пушки с характеристиками не ниже семьсот пятьдесят третьей модели. Поэтому первым же залпом были уничтожены именно они. Ну а дальше... дальше началось избиение младенцев.

Я так ярко представил себе чудовищное событие, что невольно содрогнулся. Мы с

Шандаром в ужасе переглянулись и принялись бегать от тела к телу в поисках выживших. Я прислушивался к дыханию, щупал пульс, пытаюсь обнаружить хоть какие-то признаки жизни, но ледяная рука смерти уже коснулась всех. Внезапная атака никому не дала шанса.

Среди убитых, поверх чьего-то окровавленного тела, я увидел уткнувшегося лицом в землю Габира. Мне стало жаль парня... Конечно, у нас были сложные отношения, порой он поступал странно, руководствуясь непонятными внутренними комплексами, но по сути он был неплохим человеком. А теперь получалось, что именно благодаря его действиям, хоть и случайным, мы с Шандаром остались живы.

"Правда, кому оно нужно, такое спасение..."

Я наклонился к Габиру, чтобы проверить пульс, и тут увидел Одди. Адиль пытался спасти её, закрыв своим телом.

В обгоревшем костюме она лежала, раскинув руки в стороны. Разметавшиеся по земле волосы, словно нимб, окружали её голову волнистыми лучами. Из уголка рта тонкой струйкой стекала кровь, пробивая путь сквозь слой копоти на бледном лице. Я рванул к ней. Дав волю отчаянию, упал ей на грудь и зарыдал.

– Викки... Мой милый Викки... – услышал я тихий, словно шелест мотылька, шёпот. – Как же... жаль... прости...

Она посмотрела на меня затуманенным взглядом и едва заметно улыбнулась.

– Одди... Одди, – тихо произнёс я и, сев рядом, осторожно положил её голову себе на колени. – Держись, моя девочка, я вытащу тебя. Ты только держись...

Она ещё раз улыбнулась, и её голова безвольно поникла. По коже пробежали мурашки ужаса, и я почувствовал, как холодное дыхание смерти сковало тело любимой.

– Нет, Одди, нет! Не уходи! – закричал я, прижимая её к груди.

Тугой комок подкатил к горлу, на глазах выступили слёзы. Я изо всех сил пытался что-то сделать, но всё было тщетно – она умерла. Уткнувшись лицом в безжизненное тело, я рыдал от боли и бессилия. Проклятая война... Проклятые Крысы...

Чопра растерянно замер, не решаясь что-либо сказать. Он смотрел на погибших друзей, и только беззвучные слёзы катились по его перепачканному лицу.

Волна злости и ненависти накрыла меня. Кровь, застывшая от ужаса, вдруг начала дико пульсировать и меня охватило звериное стремление убивать, не щадя никого. Я вскочил на ноги и, подняв лицо к небу, бешено проорал:

– Ненавижу! Гады! Убийцы! Отомщу!

Руки сжались в кулаки, на ладонях проступила кровь от вдавленных в кожу ногтей. В оторванной руке Зулуса с торчащими пучками обгоревших проводов я заметил уцелевшую лёгкую импульсную пушку, схватил её и принялся палить.

– Умрите, Крысы! – вопил я, беспорядочно стреляя.

Внимание привлекла Небесная Крепость, и я направил на неё пушку. Цифры дисплея показывали, что мишень находится на высоте в четыре с половиной мили над землей. Красный цвет экрана сообщал, что так далеко орудие не добьёт, а если снаряд и долетит до цели, то не пройдёт сквозь мощное защитное поле. Но я всё равно с остервенением давил на гашетку. Тут в небе показался фарнолёт Альянса, взлетевший с вражеской стороны. Я переключился на него и, прицелившись, сделал серию выстрелов.

– Вот вам! Получите! – орал я.

Один из снарядов достиг летящей цели, она загорелась и начала пикировать. Из пылающего аппарата катапульты вытолкнули трёх пилотов. Через несколько секунд мощный

взрыв разорвал фарнолёт, и разлетевшиеся огненные обломки сбили двух парашютистов. Одного, чудом уцелевшего, шквал понёс в сторону нашего леса.

– Стой, Вик! Остановись! – тряс меня Шандар. – Сейчас откроют ответный огонь! Надс уходить!

– Ты прав, – придя в себя, произнёс я и кивнул в сторону уносимого ветром парашютиста. – Давай туда.

Отбросив в сторону пушку, я подобрал несколько гранат и взял у одного из искорёженных Зулусов более удобное оружие, благо арсенал роботов в отличие от людского не был привязан к ДНК владельца. Шандар обзавёлся энергетическим ружьём. Мы успели отбежать буквально на сотню ярдов и, подтверждая слов Шандара, взрыв разворотил брошенную пушку, оставив вокруг только зияющую чернотой воронку. Ударная волна отбросила нас на землю. Мы поднялись и побежали дальше. Последовало ещё несколько выстрелов, но мы были уже на безопасном расстоянии, и нас не задело.

Пробегая мимо столовой, мы увидели старенький гусеничный фарноход, обслуживавший кухню. Задняя площадка машины была завалена мешками с отходами. Мы вскочили в кабину и помчались вглубь леса.

Фарноход нёсся, поднимая клубы пыли. Вырванные клочья травы и комья грязи летели во все стороны. Я старался выдавить из этой развалюхи всё, что возможно.

– Нужно захватить эту Крысу, – сказал я, на полном ходу объезжая деревья и кустарники.

– Да я понял, что ты задумал, – усмехнулся Шандар.

Подъехав к месту, где должен был приземлиться парашютист, мы выпрыгнули из машины и, прикрыв её ветками, отправились на поиски.

– Где? Где же он? – огорчённо спрашивал я. – Крысы, расчистив путь, точно уже начали атаку. Как бы не упустить этого гада...

– Жди здесь, командир, – вдруг произнёс Чопра. – Я усвоил твой урок в бою с Лисами. Если помнишь, я неплохо бегаю.

– Не надо, Шан... – попытался я его остановить.

Но Чопра, не слушая меня, схватил ружьё и ринулся выполнять свой план. Бегал он действительно быстро и практически моментально скрылся за деревьями.

– Стой, это рискованно!

В ответ послышался лишь треск из глубины чащи. Шандар тряс небольшие деревья и громко ломал ветки. Через минуту раздались беспорядочные выстрелы: Шандар выманивал из укрытия парашютиста. Вражеский пилот поддался на уловку – послышались три гулких пистолетных хлопка, а затем стон друга. Я бросился в сторону выстрелов и увидел серую спину врага, бегущего к упавшему Шандару. Прицелившись, я пальнул по парашютисту и отстрелил ему ногу. Солдат упал и, обхватив остаток уцелевшей конечности, с дикими воплями принялся кататься по траве. Я подбежал к не соображавшему от болевого шока врагу и разоружил его. Крепко привязав пленника к дереву, я помчался к раненому Шандару. Он сидел, покачиваясь, с искривлённым от боли лицом и прижимал окровавленную руку к плечу.

– Как ты, друг? – спросил я.

– Терпимо. Судя по вою Крысы, гораздо лучше, чем он, – ответил Чопра. – Командир, у меня получилось...

– Это точно, ты был великолепен, – сказал я, останавливая кровь.

Шандар расплылся в довольной улыбке.

– Сможешь идти? – спросил я.

– Да, – ответил он, поднимаясь.

К счастью, рана оказалась не критичной. Были задеты только мягкие ткани.

– Нужно к машине, там аптечка. Надо обработать твою рану. Да и этого привести в чувство, а то сохнет ещё, какой тогда от него прок...

Привязанный к дереву пленник потерял сознание. Он сидел, опустив голову на грудь, листья вокруг окрасились кровью. Я освободил его от пут, оставив связанными только руки. Отстрелив от ёлки большую ветку, я положил сверху пленного и поволок к машине.

– "Капитан Хорецан" – прочитал Шандар на пришитой к кителю парашютиста бирке.

– Похоже, пилот-фарнолётчик. Что будем делать с Крысой, Вик?

– Пока не знаю. Нужно с ним пообщаться.

Мы подошли к замаскированной ветками машине. Обработав рану друга, я занялся ногой пленника. Придя в себя, тот завопил:

– Что? Что вы собираетесь делать? – В выпученных глазах читался панический страх.

– Отпустите! Я всего лишь пилот. Я... – заикался он от испуга, – я могу рассказать важную информацию.

Все троём мы перебрались в фарноход. Парашютист сидел на кресле водителя, развёрнутом в противоположную от руля сторону. Я отодвинул столовские мешки. Встав на колени, сделал пленнику обезболивающую инъекцию и принялся обрабатывать рану. Шандар, усевшийся было на соседнее сиденье, встал и направил ствол ружья на вражеского солдата.

– Ну, о чём ты там хотел поведать? Говори. И не дай бог, хоть слово окажется неправдой.

– Да, да, – пролепетал тот. – Наши войска начали атаку и вот-вот появятся здесь.

– Это и так понятно, – нахмурил брови Шандар и ткнул ружьём в ногу пленника. – Что ещё знаешь?

– Ну-у... э-э-э... – растерянно мямлил запуганный фарнолётчик.

– Вот, теперь вам не грозит умереть от заражения или потери крови, – сказал я капитану, перевязав обрубок его ноги. В противовес агрессивности друга, я доброжелательным тоном задал наводящий вопрос: – А какая цель была у вашего полёта?

– Доставляли боеприпасы в Небесную Крепость.

– Тогда ясно, почему так гроыхнула ваша посудина. И?.. – продолжал допрос Шандар.

– И... – опять начал заикаться пленник. – Нас сбили – значит, в Крепость полетит Ласточка.

– А это что ещё за птица?

– Фарнолёт. Ласточка – резервный борт, на случай если что-то произойдёт с нашим.

– Когда он вылетит?

– Ну... думаю часа через три. На загрузку и подготовку понадобится время...

– Эй, вы, двое, кто такие?! Немедленно опустите оружие! – прервал признания пилота внезапный окрик.

Увлечённые допросом, мы не слышали, как бесшумно подплыл вражеский рашер. Он остановился в ста ярдах и направил на нас бортовую пушку. Из машины выскочили несколько солдат и побежали в нашу сторону.

– Двое?.. Вик, похоже, они тебя не заметили, прячься скорее, – прошептал Шандар и продолжил, глядя на вражеского пилота: – А ты разверни кресло обратно к рулю.

– Послушай, капитан, – я направил ружьё на пилота. – Если мне удалось с расстояния отстрелить ногу, то отсюда легко устрою, чтобы у тебя и голова отскочила. Ты теперь в нашей команде. Скажешь им, что он твой помощник, с которым вы вместе катапультировались. И даже не думай хоть как-то нас выдать.

– Д-да, сэр, – ответил тот.

Я лёг на пол и завалил себя мешками. Шандар поправил их, чтобы меня не было видно, и на всякий случай бросил сверху оставшиеся от перевязки окровавленные бинты. Вражеские солдаты быстро приближались.

– Как вы здесь очутились, капитан? – подбежавший боец Альянса, удивлённо уставился на форму нашего пленника. – Давайте сюда! Это наши! – крикнул он, махнув рукой.

– Мы катапультировались с подбитого фарнолёта. Я – капитан Хорецан, а это наш механик сержант Танкул, – ответил пилот.

– Здорово же вас потрепало, – сказал солдат, поглядев на обрубок ноги капитана и на залитую кровью одежду Шандара. – Что в мешках?

– Не знаю, – пожал плечами пилот. – Мы только что обнаружили этот фарноход. Он не боевой – какая-то хозяйственная рухлядь. Хотели отправиться на нём в санчасть.

– Похоже, тачка из пищеблока, – сказал солдат, с отвращением пощупав ближайший мешок с отходами. – А чего сержант без формы?

– Она сильно обгорела. В машине валялась роба, почти новая. Я решил, что это лучше, чем ходить одетым в дырку от одежды, – рассмеялся Шандар, искусно поддельвая говор Альянса.

Во время обучения мы прошли целый курс, на котором кадетов натаскивали говорить на диалекте врага. Сейчас эти уроки здоровогодились.

– Ну, хорошо... – Видимо, последние сомнения солдата рассеялись. – Езжайте в часть, мы вас проводим, – сказал он и запрыгнул вместе с товарищами в рашер.

Наш фарноход тронулся с места. Улизнуть не получалось – рашер мог двигаться гораздо быстрее, чем мы, и был неплохо укомплектован оружием. Оставалось только послушно следовать за врагами в надежде на счастливую случайность.

Зловоние окружающих отходов не давало дышать. В поисках спасительного глотка свежего воздуха я аккуратно раздвинул мешки. Кроме возможности не задохнуться просвет позволил мне видеть, что происходит снаружи.

Когда мы проезжали мимо столовой, я увидел группу солдат, кричащих на кого-то. Это был повар. В разорванной робе он стоял на коленях посреди беснующихся врагов, опустив глаза в землю. Грязь и кровь смешались на его лице. Моё сердце сжалось. В бессильной злобе я сглотнул едва не вырвавшийся стон и крепко стиснул зубы. Территория нашей

разбомблённой части уже кишела Крысами.

Пока мы ехали, резко потемнело и начался сильнейший ливень. С каждой минутой вражеских бойцов попадалось всё больше. Минут через двадцать пути показался вражеский пропускной пункт. Когда мы приблизились к КПП, сидящий за рулём капитан Хорецан резко затормозил и вывалился за борт фарнохода. Неспособный бежать, он покатился к стоящим в карауле солдатам. Весь испачканный превратившейся в месиво землёй, пилот походил на жуткого слизняка, рождённого магией ливня.

– Жабы! Там второй! – вопило чудище. – Им нужна Ласточка!

Не ожидая резкого торможения, Шандар качнулся вперёд и не смог помешать побегу. Пока солдаты поняли смысл криков, он вскочил и, схватив ружье, выстрелил в пилота.

– Смерть Крысам! – крикнул Шандар, первым же выстрелом разmozжив голову врага, а следующими уложил ещё двоих. – Беги, Вик!

Через мгновение ответные выстрелы буквально разорвали на части моего друга. Пока противники с остервенением его расстреливали, я выскочил из-под мешков, держа в руках гранаты. Одна из них полетела в группу солдат на КПП, другая – в рашер. Послышались вопли раненых. Я воспользовался суматохой и бросился прочь.

Солдаты рванулись за мной, стреляя вслед. Клубы дыма и сплошная стена дождя помогли мне остаться живым. Я бежал, то и дело поскользываясь на мокрой траве. Достав последнюю гранату, я швырнул её в преследователей. Под покровом окутавшего их марева, я развернулся в перпендикулярном направлении и понёсся вглубь воинской части.

Мне показалось, что преследователи отстали, но я продолжал ползти. Было совершенно не понятно, как действовать дальше. Что может в одиночку ещё не обстрелянный боец во вражеском тылу, да ещё и на территории, которая кишит вооружёнными до зубов солдатами? Связаться со своими с помощью Ока я не решался – наверняка перехватят. И я полз вперёд...

Чтобы не наткнуться на патрули, пришлось свернуть в сторону от скопления построек. В этой части военной базы лес был гуще. Множество поваленных деревьев мешали передвигаться – видимо, не так давно здесь прошёл мощный ураган. Ветки цеплялись и больно хлестали по лицу. Тоненькая столовская роба превратилась в лохмотья, пальцы окоченели. Склизкая грязь, облепив всё тело, лезла в глаза и противно скрипела на зубах.

Я двигался вперёд, не в силах ни о чём думать. В голове продолжал звенеть грохот разрывающихся снарядов. Руки до сих пор чувствовали тело Одди, из которого по капле вытекала жизнь. Перед глазами стояла картина ужасной смерти Шандара... Сколько же бед произошло за такое короткое время. Проклятая война!

Стоп! Какое-то внутреннее чутьё заставило меня замереть на месте. Я всмотрелся вперёд, пытаюсь понять, что подсознание приняло за опасность. Сквозь пелену дождя я увидел еле заметное облачко пара.

"Силовой барьер! – догадался я. – Ещё бы пара дюймов, и конец..."

Раньше мне уже приходилось видеть такую защиту. Это невидимое силовое поле было способно не только испарить пару капель дождя, но и расплавить толстый металл. Тяжело дыша, я отполз в сторону.

"Что же они так оберегают внутри части? Или у них тут всё так охраняется?"

За невидимым ограждением я заметил купол здания, вдоль которого прохаживались два караульных. Озираясь по сторонам, я двигался вдоль опасного барьера и минут через пять наткнулся на дорогу, которая вела внутрь охраняемой территории. На обочине я остановился, изучая обстановку. Из-за поворота появился рашер, несущийся прямо к

таинственному зданию.

"Смена караула?" – мелькнуло предположение.

Я отпрыгнул подальше от дороги и прижался к стволу, чтобы слиться с деревом. Этот порыв чуть не погубил меня. Ствол огромной ели, поваленной ураганом, чудом держался, зацепившись за ветки соседнего дерева. Чуть сильнее дунет ветер – и меня расплющит в лепёшку. Боясь дышать, я замер, дожидаясь, когда вражеский транспорт уедет.

Подъехав к невидимому ограждению, рашер остановился. Из него выпрыгнули офицер и два солдата. Офицер отключил участок силового поля, чтобы пройти на охраняемую территорию. И тут меня осенило. Я подтолкнул едва державшийся ствол, отбежал в сторону и залёг в траве. Дерево с треском повалилось, упав в нескольких ярдах от военных. Верхушка зацепилась за силовой барьер и, вспыхнув, растаяла, как свеча. Потоки дождя не дали распространиться пожару, тут же погасив появившееся пламя. Солдаты, схватив оружие, рванулись к месту происшествия.

Пока Крысы выясняли, что произошло, мне удалось обползти их и проскользнуть за барьер. Неудачно повернувшись, я слегка прикоснулся спиной к силовому полю. Этого хватило, чтобы жуткая боль пронзила всё тело. С трудом сдержав вопль, я стиснул зубы и вжался в землю.

Смена караула закончилась. Замерев в тени неосвещённого участка, я ждал свою жертву. Слой мокрой грязи позволил мне практически слиться с землёй. Когда один из караульных поравнялся со мной, я поднялся и, бесшумно подойдя со спины, резким движением свернул ему шею. Глухо захрипев, солдат упал замертво. Я наклонился, чтобы взять ружьё.

– Брось его! – услышал я бас.

Разжав ладонь, я выпустил оружие.

– Подними руки и медленно повернись...

Мне ничего не оставалось, как послушно выполнить приказ. Из рук неизвестно откуда появившегося караульного на меня кровожадно смотрело дуло лазерного ружья. Под открытым забралом его шлема я заметил кривую усмешку.

"Лёгкое нажатие на спусковой крючок, и меня нет..." – подумал я и непроизвольно зажмурился.

– Что, Жаба, допрыгалась? – процедил он.

Враг был гораздо мощнее меня и выше на целую голову. Убивать меня он явно не собирался, по крайней мере, сейчас. Он чувствовал своё превосходство, глядя на меня, как на жалкую букашку. В прямом столкновении я не имел шансов, а улизнуть, находясь под прицелом, было невозможно. Караульный вытащил из кармана какой-то брелок и нажал кнопку. Вой сирены заглушил шум ливня.

В отчаянии я прыгнул на соперника, поднырнув под дуло ружья. Луч лазера сверкнул где-то над самой головой, и я почувствовал неприятный запах палёных волос. Выбив ружьё, я опрокинул противника на землю. Схватившись, мы перекатывались с места на место. Он так крепко сдавил меня, что кости затрещали. Обожжённая спина горела, словно кто-то скрёб по ней абразивом. Я понимал, что долго сопротивляться не смогу, и попытался направить наши "перекаты" поближе к силовому барьеру. Не подозревая подвоха, соперник поддался на уловку. В двух футах от невидимой преграды я перестал сопротивляться и обмяк, делая вид, что выбился из сил.

– Тебе конец, червяк! – Оседлавший меня верзила что есть мочи надавил на шею – от

боли чуть не выскочили глаза.

Неожиданно выгнувшись всем телом, я схватил караульного за грудки и дёрнул на себя. Не ожидая такой прыти от обессиленного соперника, тот подался вперёд, попав под воздействие смертоносного поля. Из шлема, словно из котелка при варке пищи, послышался булькающий звук. Через мгновение послышался хлопок, будто рядом что-то лопнуло. Шлем отскочил в сторону, и ошмётки почерневшей крови забрызгали всё вокруг. Вместо головы на плечах караульного теперь торчал только тёмно-бурый холмик.

Выбравшись из-под всадника без головы, я вскочил и побежал обратно к ангару. Несколькими выстрелами сломал замок и открыл ворота. Загасив внутрь тело караульного со свёрнутой шеей, забаррикадировал дверь.

Это был склад. На стеллажах в огромном количестве лежали оружие и боеприпасы. Обследуя хранилище, я наткнулся на ящики с программируемыми бомбами и гранатами. В голове сразу созрел план...

С улицы послышался топот сбежавшихся на рёв сирены солдат. Раздались гулкие удары в забаррикадированные ворота. Кто-то громко заорал:

– Не стрелять! Иначе всё тут взлетит на воздух! Подгоните фарноход и выдерните тросом двери!

На одном из снарядов я включил таймер, выставив задержку времени в полчаса. Активированную бомбу завалил другими, а пару умных гранат засунул в карман.

Оставалось найти, где находится Ласточка. На неизвестной территории, да ещё при такой низкой видимости, это было проблематично. Времени оставалось в обрез, фарнолёт мог улететь, не дав возможности выполнить задуманное.

Я лихорадочно соображал, как вырваться наружу. Решение пришло, когда я заметил люк, ведущий на крышу.

Убитый караульный имел примерно такую же комплекцию, как у меня. Я стянул с него форму, спрятал тело за ящиками и, переодевшись, кинулся к лестнице. Оставив люк открытым, выбрался на крышу и спустился на землю с противоположной от входа стороны.

– Кто такой? – В спину уткнулся ствол пистолета.

"Проклятье... оцепление..." – поднимая вверх руки, я незаметным движением опустил забрало шлема и повернулся.

Солдат прочитал фамилию на бирке моего кителя и опустил оружие.

– Болсун, ты, что ли? А мы уж думали, тебя того... – он изобразил характерный жест, проведя рукой по своей шее, – вместе с Колином. Чего молчишь? Да ты ранен...

Солдат заметил кровь, которой я заляпал шлем, переодеваясь. Он протянул ко мне руку и приподнял забрало. Глаза бойца от удивления расширились, и взгляд начал тускнеть – в этот момент мой кулак уже переломил ему кадык. Я стёр со шлема подтёки крови и, перетащив труп в тень, забросал его грязью.

Воспользовавшись хаосом и неразберихой, я легко преодолел линию оцепления. Ливень, вражеская форма и закрывающее лицо забрало помогли мне. Когда я добрался до входа в ангар, Крысы уже повалили ворота и ворвались в помещение.

– Общитесь здесь каждый дюйм и достаньте мне этого ублюдка! – командовал капитан.

– Бесплезно, сэр, посмотрите туда, – сержант показал на открытый люк, из которого хлестали потоки дождя.

– Он может быть где угодно, в том числе и здесь. Или у тебя есть правильная версия?!

– Ну, за силовое поле он вряд ли вышел...

– Ты так считаешь, умник? Если он сюда влез, то мог и обратно выбраться.

Стоя в толпе бойцов, я тихо произнёс, делая вид, что рассуждаю вслух:

– Может, штаб... или фарнодром?..

– Точно! – подхватил мои слова стоящий рядом солдат. – Сэр, я был на КПП, когда там убили пилота. Он говорил, что Жабам нужна Ласточка.

– Хм... Хорошая идея, боец... Соображаешь... Оцепление оставить, трое на крышу, пятеро продолжают поиск здесь. Остальные за мной! – командовал капитан.

Присоединившись к отряду, я побежал вместе со всеми. Через несколько минут мы добрались до площадки на окраине воинской части. Периметр ярко освещался и наверняка был огорожен мощным силовым полем. На борту одного из летательных аппаратов было написано "Ласточка".

"Спасибо, что привели к цели", – ухмыльнулся я.

Мы прибыли как раз вовремя. Погрузку боеприпасов уже закончили, и фарнолёт готовился к старту.

– Остановить вылёт! – крикнул капитан. – Здесь может быть диверсант! Десять человек со мной на борт, остальные осматривают прилегающую территорию!

Вслед за капитаном я с другими солдатами поднялся на борт Ласточки.

– Вы двое в кабину, – давал распоряжения офицер. – В грузовой отсек – вы... – он указал на стоящего рядом со мной солдата и начал искать взглядом следующего претендента. Чтобы обратить на себя внимание я стал активно поправлять шлем. – И вы с ним, капрал, – ткнул в меня пальцем капитан.

Оказавшись в грузовом отсеке, я сразу же направился к ящикам с боеприпасами.

– Боец, проверьте комнату с пищевыми запасами, тут я сам справлюсь, – скомандовал я.

– Есть, сэр!

Когда солдат удалился, я достал "умные" гранаты и запрограммировал их срабатывание с задержкой взрыва в пять минут на высоте ровно в четыре с половиной мили. Именно эту высоту показывал дисплей пушки, из которой я сбил фарнолёт капитана Хорецана.

"Теперь Крысы сами пропустят бомбу, – злорадствовал я. – И никакая система защитных полей им не поможет".

Я положил гранаты в разные ящики и прикрыл снарядами так, чтобы они обязательно сдетонировали.

– Здесь всё чисто! – крикнул я и пошёл в соседнее помещение помогать в поисках мифического диверсанта.

Мы ещё продолжали искать, когда мощный толчок заставил землю содрогнуться: сработала бомба, оставленная на складе. Все в панике высыпали на улицу. Адский взрыв накрыл воинскую часть.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, я отделился от солдат и залёг в траву, наблюдая за устроенной суетой. Со стороны ангара ещё долгое время звучали взрывы, выбрасывавшие огненные протуберанцы.

Внезапно освещение периметра погасло, похоже, один из снарядов повредил систему защиты. Пока не подключили силовое поле, я переполз в лес и оттуда продолжил наблюдать за переполохом.

Задержавшаяся со стартом Ласточка всё же взлетела. Видимо, после тщательной проверки решили, что ей ничего не грозит. Я с волнением ждал, как фарнолёт доберётся до Небесной Крепости. Взмыв в небо, летательный аппарат скрылся за тучами, укутавшими

воздушную базу.

Минуты ожидания показались часами. Время будто остановилось. Я горел от нетерпения. И вот гром сотряс всё вокруг. Вспышка осветила землю, как в самый яркий солнечный день. Небесная Крепость, разлетевшаяся на множество кусков, пронзила небо метеоритным дождём, явив незабываемо красочное, но ужасное зрелище.

– Получилось! Вот вам за Одди! За Шандара! За родителей! За всех моих друзей – процедил я сквозь зубы.

Несколько дней спустя я узнал о последствиях моей "операции". Наступающие вражеские солдаты, увидев сначала мощнейшие взрывы склада боеприпасов, а потом и уничтожение Небесной Крепости, решили, что попали в окружение. Полностью деморализованные, они начали отступать. Подоспевшие войска Барстера легко одержали победу над разрозненными отрядами противника. Было уничтожено большое количество живой силы, захвачено много пленных и техники, а также занята часть территории, принадлежавшей Великому Альянсу.

На учебной базе меня приняли как героя и наградили широкой фиолетовой нашивкой. Без выпускных испытаний я был зачислен в разведывательный батальон Корпов с сохранением звания младшего отрядного командера. Наступил новый этап в моей жизни.

* * *

Мне было за что ненавидеть Альянс. Переполненный жаждой мести, я беспощадно уничтожал врагов. В рядах Корпов я чувствовал себя на своём месте. Убивая, я был на страже жизни. Теперь я мог отомстить за смерть моего нерождённого ребёнка, за Одди, за родителей, за Шандара...

Службу в армии Барстера, как и всё, связанное с войной, наполняли опасности. Много раз я был ранен, а однажды даже попал в плен, из которого лишь чудом удалось бежать. Случались славные победы, но и поражения не обходили стороной.

Я часто думал об Одди, ведь нет чувства более яркого, чем любовь, и ничто, кроме неё, не может породить разрывающих душу страшных ран. Постепенно Одди превратилась для меня в привычную глухую боль, хранящуюся в памяти, но нежность к любимой помогала не допускать черноту в сердце.

Война шла с переменным успехом. За долгие годы баланс, установившийся с начала Эпохи Великого Противостояния, так и не был нарушен ни одной из сторон. Границы оставались практически неизменными: двумя третями территорий владел Барстер, остальными – Великий Альянс.

Но однажды что-то изменилось. Зыбкое равновесие пошатнулось. Чаша успеха всё чаще стала клониться на сторону врагов. Пошли слухи о том, что у Великого Альянса появилось новое могучее оружие, противостоять которому невозможно.

Враги наступали. Наши потери становились всё более регулярными и ощутимыми. Карта неотвратимо менялась, будто кто-то уронил чернильницу, и появившаяся жирная клякса медленно расползлась, перекрашивая пространство в цвета Альянса.

Прошло несколько лет моей службы в армии Барстера. Наши войска отступали. Земли Корпорации стремительно уменьшались, а надежды на победу таяли с каждым днём...

Структура сословий в Великом Альянсе строилась на тех же принципах, что и в Барстере, но исторически имела собственные названия.

Аналогом Просвещённых у них были Философы. Одно время самым известным учебным заведением в Альянсе считалась Первая Философская Школа. Именно в её стенах получали знания учёные, составлявшие тогда цвет науки. Постепенно всех работников умственного труда стали называть Философами, и это название укрепилось в сознании людей.

Военных, эквивалент наших Стражей, называли Друзьями. Уже никто точно не помнит, откуда появилось такое имя. Основная версия, озвученная в официальных источниках, говорит, что оно пошло от поговорки: "Лучший друг Корпорации – её армия".

Ну а всех остальных, подобие наших Пчёл, в Альянсе называли просто Людьями.

Попавшие в руки Философов знания о Фарне подтолкнули одного из видных ученых Альянса, Петра Разумовского, к работе над проектом, названным Рог Изобилия.

Новая технология базировалась на холодном ядерном синтезе. Если Фарн был основан на делении атомов, то детище Разумовского опиралось на синтез, то есть на создание из простых атомов более сложных. И вот проект начал давать плоды. Первый прорыв произошёл за три года до того, как Барстер начал терпеть поражение. Тогда из лития удалось получить бериллий. Изготовленный материал поначалу исчислялся мизерными количествами, но постепенно объём и скорость производства росли. Следующим этапом стало создание более сложных, не одноэлементных продуктов. Теперь из чего угодно стало возможным сделать что угодно.

Если у первых Рогов Изобилия производственные камеры были крошечными, то со временем появилась возможность делать огромные вместилища. С помощью сканеров, разработанных на основе неионизирующего излучения глубокого проникновения, создавались детальные копии самых сложных объектов. Отсканированные модели и шаблоны, рождённые человеческой фантазией, загружались в Главную Базу Данных, из которой в любой момент можно было получить необходимое.

Для производства крупных объектов, таких, как здания, разработали особую технологию. Миллионы миниатюрных аппаратов, имеющих связь с головным устройством, двигались, словно высокоорганизованная колония насекомых, и слой за слоем создавали задуманное. Это было похоже на волшебство – за считанные дни на пустом месте мог вырасти возникший в чьём-то воображении дворец.

Единственное, что не удавалось создать с помощью Рога Изобилия, так это новую жизнь. Например, можно было воспроизвести блюдо из жареной курицы, но не живую птицу. При этом некоторые скопированные органы человека замечательно приживались, если их трансплантировали сразу после создания.

Пользоваться технологией разрешалось только под строжайшим контролем Корпорации. Если кто-то пытался без санкции применять устройства, они самоликвидировались, уничтожая всё вокруг, и чаще всего убивая нарушителей.

Как и многие великие умы, Пётр Разумовский был гуманистом. Опираясь на опыт социально-экономической программы Зилана, он создал свою, убедив Совет Глав Альянса в

необходимости её выполнения.

При создании Фарна была решена проблема энергии, а при развитии проекта Разумовского перед Великим Альянсом перестал стоять вопрос дефицита ресурсов. Основные физиологические потребности, такие, как жажда, голод и крыша над головой, были удовлетворены. Все прекрасно понимали, что только принадлежность к Альянсу позволяет пользоваться внезапно свалившимися благами, за что люди были безгранично благодарны и преданы вождям.

Многие производства за ненадобностью закрылись. Это высвободило огромные людские ресурсы. Согласно программе Разумовского, в обществе появилась целая прослойка так называемых Чистильщиков. Они занимались очищением окружающей среды от следов бездумной многовековой эксплуатации природы человеком. Разгребались Глазницы Предков, установки циклопических размеров "мыли" воздух и воду от вредных примесей. Полученный материал использовался как сырьё для Рога Изобилия.

Дополнительные человеческие и материальные ресурсы скачкообразно увеличили возможности учёных, что спровоцировало ещё более бурный рост науки.

Многие из Людей, пройдя специальную переподготовку, вливались в сословие Друзей. Армия Великого Альянса стала многократно превосходить нашу как по размерам, так и технически.

Жители территорий, завоёванных Барстером до Эпохи Великого Противостояния встречали войска Альянса как освободителей. Они надеялись, что их жизнь с переходом в противоборствующую Корпорацию улучшится. В некоторых районах земель Барстера вспыхивали сепаратистские восстания.

Нужно было что-то предпринимать. Лучшие умы Барстера не покладая рук трудились над решением проблемы, которая могла привести к полному уничтожению нашей Корпорации.

Стемнело. Наступил час подготовки ко сну, но тяжёлые мысли не давали расслабиться. Я понуро сидел в своей комнате, анализируя случившееся за день. Моё подразделение входило в группировку, держащую оборону на африканском континенте. Наши войска снова проиграли битву – после сегодняшней неудачи пришлось оставить Африканский Рог. Полегла половина моих людей. Это было одно из самых сокрушительных поражений за всю мою службу.

Я сидел у окна и размышлял. Настроение было прескверным. Вдруг раздался стук в дверь.

– Войдите! – крикнул я раздражённо.

Дверь скрипнула. В проёме появился посыльный, явно испуганный тоном моего голоса.

– Извините, мидкоммандер, но старший коммандер Моретти требует, чтобы вы срочно явились в его кабинет.

– Спасибо. Можете быть свободны.

"Что понадобилось старику в такое время?"

Надев форму, я поднялся к командиру.

– Разрешите войти? – спросил я, открыв дверь.

– Входи, входи, Блэйз, – произнёс старый вояка, улыбаясь сквозь пышную седеющую бороду. – Я пригласил тебя по просьбе моего гостя. Надеюсь, эта встреча будет для тебя приятной неожиданностью.

Рядом с Моретти стоял мужчина лет сорока, очень высокого роста и крепкого сложения. Казалось, он состоял из одних мускулов и сухожилий, которые только подчёркивал обтягивающий лёгкий боевой костюм. Великан изучал меня, сверля суровым взглядом из-под нахмуренных бровей. Он был одет в абсолютно чёрную форму без опознавательных знаков, наградных нашивок и даже без обязательного ЛУНа. Единственное, что выделялось на его обмундировании, так это горящий на рукаве шеврон с мифическим зверем красного цвета. Вид этого необычного животного был знаком мне с детства. Оно имело тело льва и скорпионий хвост с шипами на конце. Лицо чудовища было человеческим и смотрело с шеврона, ощерившись жутким оскалом.

"Неужели Мантикора?!"

Мысли путались. Потеряв дар речи, я не мог оторвать глаз от шеврона, замороженный гипнотическим взглядом твари.

– Успокойся, Виктор, – по-отечески похлопал меня по плечу Моретти.

– Это то, о чём я думаю? – удалось выдавить мне.

– Мидкоммандер Блэйз, – не представляясь, произнёс скрипучим голосом нежданный гость.

– Да, сэр.

– По решению Центра вас приглашают в наше подразделение. Через полчаса будьте с вещами на посадочной площадке. Подробности узнаете во время полёта.

– Иногда мечты сбываются, – сказал с улыбкой Моретти. – Уверен, на новом месте ты принесёшь Корпорации ещё больше пользы.

Я тепло попрощался с командиром и понёсся собирать скромные пожитки. Через десять минут я уже был на площадке. Рекрутёр ждал меня у чёрного фарнолёта без опознавательных

знаков.

– Как можно к вам обращаться, сэр? – спросил я, когда аппарат взмыл в воздух.

– Пока у вас нет допуска, называйте меня Чаком.

– Есть, сэр Чак. Могу я узнать маршрут или без допуска это тоже невозможно?

– Почему же, возможно. Мне приказано доставить вас на перевалочную базу, на Балканы. Дальнейшую информацию получите по прибытии на место.

Весь полет мы просидели молча. Видимо, скупому на слова провожатому больше нечего было сообщить, а я боялся спугнуть своё счастье.

Уже за полночь фарнолёт приземлился в Глазницах Предков у развалин какого-то древнего сооружения. Как оказалось, там находилась законспирированная воинская часть.

– Вам поручено возглавить новый отряд Манतिकор, – сухо сказал Чак, сопровождая меня по коридорам. – Все претенденты прошли тщательный отбор. В основном это младшие офицеры и унтер-офицеры, ярко проявившие себя в боях. В казарму перевалочной части уже доставлено несколько ваших будущих подопечных. С остальными познакомитесь на учебной базе Манतिकор, куда будете отправлены утром. Сейчас отдыхайте. В тумбочке рядом со своей кроватью найдёте форму. Спокойной ночи, – попрощался он, проводив меня до входной двери.

Я вошёл в помещение. В скромной, почти пустой комнате не было ничего, кроме тумбочек и кроватей, возле которых копошилось, как я насчитал, семь человек.

– Смирно! – крикнул увидевший меня солдат. – Старший офицер в подразделении!

Услышав команду, все вытянулись по стойке смирно.

– Вольно, вольно. Занимайтесь своими делами, – устало произнёс я и направился к свободной койке, которая стояла отдельно от других в дальнем конце комнаты.

– Сэр, – послышался голос за спиной. – Для меня большая честь служить под командованием легендарного мидкомандера Блэйза.

Я обернулся и увидел поджарого младшего командера с тонкой, щеголеватой полоской усов. Что-то невероятно знакомое и родное было в голосе и хитрой улыбке этого бравого офицера. Я внимательно всмотрелся в лицо, пытаюсь вспомнить, откуда оно мне знакомо. В глазах солдата мелькнула смешливая искорка, и от волнения он начал теревить ухо.

– Отто! Отто Клевиц! – озарило меня. – Брат!

Я вскочил с кровати и, схватив его в объятия, оторвал от пола.

– Думал, что уже никогда не свидимся.

– Тише, тише, Вик, – попытался он высвободиться. – Ты же меня так поломаешь, медведь.

– Это ж сколько времени прошло, дружище?

– Много... пожалуй, лет восемь.

– Как же ты изменился. Возмужал. Встретив на улице, не узнал бы. Да ещё эти дурацкие усики...

– А я тебя сразу срисовал. Когда меня пригласили в Манतिकоры, я почему-то был уверен, что мы встретимся. Было бы несправедливо, если б наша общая мечта обошла тебя стороной.

– Я тоже рад, что мы оба добрались до нашей цели.

– Давно наблюдаю за твоими успехами, Вик. Эта операция со сбитой Небесной Крепостью, наверное, уже во всех учебниках есть. Для многих бойцов ты настоящая легенда. Вон, вся грудь фиолетовая, – кивнул он на мои награды.

– Не прибедняйся, – засмеялся я. – У тебя нашивок не намного меньше.

Всю ночь, стараясь не тревожить соседей, мы тихо болтали, вспоминая проведённое вместе время и рассказывая о жизни в последние годы...

База Мантикор пряталась среди скал Фарерских островов. Создатели учебного центра считали, что двенадцатимесячная муштра в суровых условиях этой местности поможет создать действительно лучших бойцов.

График был настолько плотным и насыщенным, что в первые месяцы нам казалось, будто некогда даже думать. Времени на сон и отдых катастрофически не хватало, но ни один из нас не роптал – все были довольны вновь приобретёнными умениями. Позже я привык к нагрузкам, а многие действия, отработанные до автоматизма, превратились в инстинкты.

Несмотря на то, что я с детства готовился в Мантикоры, потратил уйму времени на тренировки и перевернул горы разных данных, здесь я получил много бесценных навыков и знаний, связанных в основном со шпионской и диверсионной деятельностью. Нас обучали способам получения, обработки и защиты информации, шифрованию и дешифровке, вербовке, методам результативного общения, психологического воздействия на людей и противостояния ему, умению не оставлять следов.

Я считал себя большим знатоком боевых искусств, но о тех приемах, которые узнал здесь, даже не подозревал.

Мы осваивали особенности разных регионов и могли легко слиться с местным населением, не вызывая подозрения, спровоцировать локальные народные волнения и провести масштабные диверсии. Нас познакомили с методами ведения партизанской войны, учили, как не сломаться в плену.

Мы штудировали топографию и ориентирование, овладевали способами выживания в экстремальных условиях: на жаре и в холоде, в джунглях и пустыне, в воде и в горах. Теперь мы могли делать оружие и взрывчатку из подручных средств. Кроме углублённого изучения своей и вражеской техники, мы осваивали и древнюю, чтобы при необходимости даже в Глазницах Предков можно было обзавестись средством передвижения или пушкой.

Те способности и качества, которые мы здесь приобретали, переводили нас на новый уровень – уровень особых, избранных людей.

В последние дни подготовки мы с Отто частенько проводили время за обсуждением разных вопросов. В этот раз мы говорили о том, какой станет наша служба после учёбы.

– А представь, если б нам удалось похитить Петра Разумовского. Это было бы похлеще, чем освобождение Зилана, – делился я мечтами с другом.

– Ну, ты хватил, Вик. Любой скажет: это невозможно, – усмехнулся Отто.

– Почему это? – подзадоривал я друга деланным удивлением.

– Как это почему? Ну, во-первых, во времена операции "Аляска" всё удачно сложилось. Взрыв Ах-Пуча развалил Западников, и там наступил такой хаос, что было не до Зилана. Мантикоры, конечно, молодцы, что не упустили момента...

– А во-вторых?

– Во-вторых, Разумовский сейчас наверняка самый охраняемый субъект Альянса. Если б это было реально, Мантикоры уже давно провели бы операцию, не дожидаясь, пока мы закончим обучение. Ну и, в-третьих... Даже если мы что-то предложим, кто нас послушает?

– А если не пробовать и даже бояться думать об этом, то точно ничего не выйдет, – начавшийся с фантазии спор распалил меня. – Эх, придумать бы какую-нибудь хитрость и выманить Философа из его убежища...

– Ты серьёзно, Вик? Как? Что, что такое можно сделать?

– Давай подумаем, – не унимался я. – Устроим мозговой штурм. Набросаем разных вариантов, даже самых невероятных, а потом выберем, глядишь, что-нибудь да получится.

Всю ночь мы крутили эту тему, рассматривая с разных сторон. К утру, как это ни удивительно, у нас действительно созрел более-менее реальный план. Конечно, совсем сырой и наивный, но приз за него стоил риска.

Весь следующий день ни о чём другом и думать не получалось. Мы с нетерпением ждали окончания занятий, чтобы после отбоя вернуться к обсуждению. До самого подъёма мы дорабатывали задуманное, стараясь не упустить ни малейшей детали. Рассмотрели, наверное, все возможные варианты развития событий. Наутро, вместо завтрака, не выспавшиеся, но довольные, мы помчались к начальнику базы Йенсену.

– Разрешите, сэр? – спросил я, приоткрыв дверь кабинета.

– А, Блэйз, Клевиц, – сказал он, приподняв очки на лысеющую голову. – Ну, входите, входите. Что это вы в такую рань?

От волнения мы растерялись.

– Ну? Что вы, как барышни? Говорите, что хотели, – нетерпеливо произнёс он.

Первым нашёлся Отто:

– Сэр, у нас план один есть...

– Да, сэр, – подхватил я. – И в этой операции мы бы очень хотели поучаствовать... Только, очень прошу, выслушайте нас внимательно и сразу не отказывайте.

– Интересно, – старший командер пристально посмотрел на нас. – Продолжайте.

Эмоционально, но чётко мы изложили наши мысли. Надо отдать должное, командир слушал вдумчиво и не перебивал. Несколько минут после рассказа он молча размышлял.

– Хм, с фантазией у вас хорошо. Неплохо для новичков... – сказал он без малейшей иронии в голосе. – Сложная комбинация... Нужно подумать... Идите на завтрак, пока он не закончился, и спокойно продолжайте занятия. Я вас вызову, если понадобится.

"Это же надо: спокойно продолжайте занятия..."

Весь день мы провели как на иголках, надеясь на положительный ответ, но никаких сигналов от начальника так и не дождались. К вечеру мы опять направились к его кабинету, но наткнулись на закрытую дверь. Как удалось выяснить у его заместителя, старший командер Йенсен улетел по важным делам в Нью-Лондон...

На третий день, в самый канун выпуска, начальник базы наконец-то вернулся. Мы не находили себе места, надеясь, что, закончив с делами, он вспомнит и о нашем плане.

Ближе к вечеру нас вызвали.

– Старший специальный агент Блэйз и специальный агент Клевиц! Думаю, вас уже можно так величать. Эти звания вам присвоят сразу же после выпуска, – говорил командир, не скрывая радости в голосе. – Поздравляю. Операция одобрена на самом высшем уровне! Верховный Мастер Зилан, Главнокомандующий Перес и даже сам Альберт Спенсер, посчитали ваш план не только разумным, а необходимым и актуальным!.. После выпуска у вас три дня на отдых. Потом сразу же приступаете к работе. Ваши кандидатуры утверждены – Зилан настоял. Сказал: раз уж вы смогли такое придумать, то и при выполнении не растеряетесь... Необходимые ресурсы – информационные, человеческие, финансовые – вам предоставят.

Операция получила кодовое название "Золотая клетка". Все детали держались в строжайшей секретности. О ней было известно только семерым: начальнику учебной базы Йенсену, командующему Мантикору Шабролю, Главнокомандующему Пересу, Верховному Мастеру Зилану, Главе Барстера Альберту Спенсеру, ну и, естественно, нам с Отто.

Полные энергии и оптимизма, мы приступили к выполнению плана. Для начала мы определились с местом проведения операции. Выбор пал на руины давно заброшенного городка, который раньше носил название Бонифачо. Эти Глазницы Предков располагались на узком полуострове самого юга Корсики. Развалины города возвышались на отвесных двухсотфутовых ^[1] скалах, уходящих глубоко в море. Для своих целей мы облюбовали стоящую на краю скалы старую сторожевую башню и несколько зданий рядом с ней.

Выбор был не случайным. Войска Великого Альянса наступали. Барстер медленно, но неуклонно двигался к своим изначальным границам, сложившимся ещё в Эпоху Пяти Гигантов. Эти границы включали в себя всю Европу и северо-западную часть Африки. Альянсу на тот момент уже принадлежали Малая Азия и Ближний Восток, с берегов которых можно было выйти в Средиземное море. Вопрос о захвате северо-восточной Африки мог решиться в ближайшие месяц-полтора. В скором времени Золотая Клетка должна оказаться практически на границе боевых действий.

Согласно плану, на полуостров высадилась крупная группировка войск Барстера. Это должно было доказать врагам высокую важность объекта.

Начались подготовительные работы. В режиме особой секретности в сторожевой башне сквозь толщу известняковой скалы пробурили шахту. Этот лаз выходил в глубины моря, где после операции нас должна была ждать миниатюрная скоростная субмарина. Чтобы слухи о строительстве случайно не просочились к врагам, всех Пчёл, участвовавших в работах, отправили на закрытые предприятия севера Европы.

В сторожевой башне оборудовали лаборатории и компьютерные залы, на работу в которых вызвали Просвещённых нижних ступеней. Учёных убедили в особой важности и секретности миссии. Им были даны абстрактные, совершенно случайные и не зависящие друг от друга задачи.

Над полуостровом нависало целых три Небесных Крепости. Вокруг расположились несколько батарей плазменных пушек. Количество Зулусов было просто несчётным. Периметр башни строго охранялся, а в соседних зданиях разместились воинские подразделения. В результате складывалось впечатление, что это особо значимый для Корпорации объект, в котором ведётся разработка новейшей технологии. И если кто-то из сотрудников или военных случайно попадётся в руки врагов, то эти сведения даже на детекторе лжи нельзя будет опровергнуть – секреты, о которых не знаешь, невозможно выдать. Никакие препараты, пытки и промывания мозгов не дадут результатов.

Через месяц ловушка была готова принять свою жертву. На объект пригласили комиссию с невероятно представительным составом. В неё входили Верховный Мастер Зилан, Главнокомандующий Перес, верхушка всех родов войск, военные и технические специалисты самого высокого уровня. Столь видные чины состояли в комиссии в том числе и для того, чтобы вражеские разведчики убедились в важности предприятия.

Мы с Отто приготовились начать шоу. Понятно, что лучше было бы поручить это

мероприятие настоящим учёным, но, чтобы не вводить в детали операции новых людей, мы были вынуждены сами переквалифицироваться в лекторов.

Чтобы не выставить себя напоказ, пришлось немного измениться. Используя биопласт, я раздул свои щёки так, что теперь они были видны со спины, как у хомяка со стратегическим запасом зерна. Для пущей верности я изменил цвет кожи, нацепил топорщащиеся в стороны кошачьи усы и большие очки с яркой оправой. Отто нахлобучил на свои жидкие соломенные волосики курчавую, чёрную как смоль гриву, а лицо покрыл густой растительностью, из-под которой теперь выглядывали только нос и смеющиеся глаза.

Гости поднялись в просторный зал, находящийся на верхнем уровне сторожевой башни.

– Уважаемые господа, благодарю, что вы нашли время посетить нашу скромную обитель, – начал я презентацию. – Меня зовут мастер Амикус, Просвещённый шестой ступени, а это мой ассистент и соавтор мастер Тобенски, – сказал я, указывая на Отто. – Мы все здесь собрались для того, чтобы ознакомиться с новейшей, самой передовой на сегодняшний день технологией Барстера, – шепелявил я чужим голосом. – Это главный прорыв со времён изобретения Фарна. С помощью Фантома, так мы называем проект на нашей "кухне", Барстер сможет преодолеть научное отставание от Альянса, случившееся после изобретения Рога Изобилия. Фантом поможет не только переломить ситуацию на фронтах, но и в считанные месяцы победить врага, взять под контроль всю Землю.

Мои слова вызвали настоящий шок в рядах гостей. Все замерли, раскрыв рты, не в силах шевельнуться, будто их тела только что подвергли глубокой заморозке. Внезапный гомон очнувшихся от оцепенения людей разорвал тишину, висевшую в воздухе несколько минут. Вжившись в роль суперучёного, я на мгновение почувствовал себя триумфатором, взлетевшим на вершину славы.

Вопросы лились бурным потоком:

– Как?

– В чём суть Фантома?

– Объясните подробнее.

"Хорошо, что они не лезут в детали технологии. Хотя, сославшись на секретность, такие вопросы можно будет игнорировать..."

В поднявшемся шуме было сложно что-то разобрать. Перебивая друг друга, каждый пытался удовлетворить своё любопытство. Подняв руки, я призвал к тишине.

– Кхм, кхм, – откашлялся я. – Так как мы находимся не на Совете Просвещённых, а на ознакомительном докладе, я буду описывать технологию максимально просто, без погружения в научные глубины. Итак, перейдем к сути... Выбранное тело подвергается бомбардировке зепто-частицами, вырабатываемыми К-генератором. За счёт этого воздействия, атомы переходят в нестабильное состояние. В результате объект полностью дематериализуется, превращаясь в энергию, несущую информацию об исходном состоянии. Энергия преобразуется в К-лучи, посылаемые в заданные координаты. Там лучи трансформируют атомы окружающего пространства в исходный объект, используя заложенную в них информацию, – заметив недоумение на лицах слушателей, я довольно погладил кошачьи усики и уточнил: – Говоря простым языком – телепортация. Самая обыкновенная телепортация.

Я сделал паузу. Шквал бурных обсуждений снова заполнил зал.

– Для наглядности мы с коллегой попробуем продемонстрировать Фантом в действии, – перекрикивала спорщиков. Услышав мои слова, публика мгновенно умолкла. – Энтони,

– кивнул я Отто, – прошу вас, запустите генератор.

Отто подошёл к механизму, установленному у стены справа от меня. Словно совершая какое-то таинство, он делал пассы руками и нажимал на кнопки. Около минуты Отто возился у генератора, наконец на нём замигали датчики, и механизм глухо загудел.

– Готово, сэр, – мрачным голосом, соответствующим новому облику, произнёс Отто.

– Хорошо, – ответил я и принялся оглядывать гостей изучающим взглядом. Мой выбор пал на боевого офицера, стоящего рядом с Главкомандующим Пересом. – Старший командер, разрешите воспользоваться вашей помощью?

– М-м-м? – удивлённо промычал тот.

На поясе старкома висел Скорпион-МТ, пистолет устаревшей модели системы Гаусса. Это оружие уже лет пятнадцать как сняли с производства, и сейчас его смело можно было причислить к раритетам, хотя от этого он не становился менее смертоносным. Насколько я знал, Шнайдер, а именно так звали офицера, очень дорожил им и всегда носил с собой как талисман. Он получил Скорпиона за боевые заслуги в самом начале своего воинского пути от самого Переса, когда тот ещё носил звание мидкомандера. Я кивнул на оружие.

– Вы владеете довольно редким экземпляром. Позвольте использовать его для наглядности в нашем эксперименте?

– Конечно-конечно, – явно польщённый офицер с готовностью протянул пистолет.

– Надеюсь, он не активирован? – спросил я, сжимая в руке увесистый ствол.

– Нет, – подтвердил Шнайдер.

Я взял со стола маркер и начертил на корпусе Скорпиона жирный крест.

– Это для большей убедительности, – прокомментировал я и положил пистолет на специальную площадку. – Для полного визуального контроля над процессом мы не будем "забрасывать" предмет на дальнейшее расстояние, а переместим его внутри этого зала. – На секунду задумавшись, я подошёл к противоположной от аппарата стене и отметил место на полу маркером. – Энтони, занесите, пожалуйста, эти координаты.

– Сделано, сэр, – произнёс Отто, немного поколдовав у прибора.

– Начинаем. Активируйте К-генератор.

Наблюдатели замерли, затаив дыхание. Отто повернул тумблер – прибор загудел интенсивнее. Внезапная вспышка ярко озарила площадку, на которой лежал пистолет. Предмет исчез. Через мгновение такая же вспышка осветила помеченное крестиком место – в тот же миг там появился исчезнувший Скорпион. Ахнув, народ отпрянул назад. Я поднял пистолет и вручил владельцу.

– Благодарю, старший командер.

Офицер, не в силах вымолвить ни слова, принялся нервно крутить оружие. Все присутствующие повернулись, инстинктивно глядя на нанесённый маркером крест.

– Это... это точно он. Я знаю каждую царапинку на своём Скорпи, – недоумевал Шнайдер.

Гул голосов снова взорвал комнату.

– Можно ли телепортировать крупные объекты?

– Каково максимальное расстояние для переброски?

– Месяц назад я присутствовал на секретных испытаниях, проводимых в Сахаре, – слышался голос Зилана. – Наблюдал перенос трёхтонной глыбы на две мили. Думаю, и это далеко не предел...

– Неужели я наконец-то смогу нормально выспаться, сократив время на дорогу?

– пошутил один из военных, вызвав всеобщий хохот.

– Да, кстати, а живую материю, людей, можно переносить без вреда для здоровья?

– раздался вопрос.

– Об этом говорить ещё рано, было несколько очень неприятных случаев... Но, если желаете, давайте попробуем, – ответил я. – Добровольцы есть?

Зрители в смущении отводили глаза, украдкой поглядывая на окружающих.

"Фух... – облегчённо вздохнул я. – Зачем спросил? Хорошо, что не нашлось безбашенного сорвиголовы, а то пришлось бы выдумывать зубодробительные истории, чтобы заставить его передумать..."

Я достал из-под стола клетку, в которой барахтались белые лабораторные крысы с цветными кольцами на шее.

– О, у нас нашелся смельчак. Представляю вашему вниманию Гектора. – Я достал из-за решетчатой дверцы грызуна в красном ошейнике, на котором было написано имя.

Посадив зверька на площадку у К-генератора, я кивнул Отто:

– Энтони...

Тот повернул тумблер, снова сверкнула вспышка. Крыса исчезла, вновь появившись в заданной точке. Часть тела бедной зверушки оказалась внутри бетонной стены. Гектор жалобно попискивал, бессильно болтая лапками в воздухе. Зал снова ахнул. Отто подошёл к трепыхающемуся мученику и, раздолбив инструментами стену, освободил жертву науки.

– Добро пожаловать, Гектор, – произнёс я, взяв зверька в руки. – Транспортная компания "Фантом" приносит извинения за непредвиденные неудобства, возникшие в пути, – и, обратившись к публике, продолжил: – К сожалению, точность попадания в заданную точку на сегодняшний день составляет плюс-минус два фута [2]. Думаю, за следующий месяц мы доведём её до одного дюйма. Кроме того, сейчас мы работаем над тем, чтобы К-лучи сами определяли плотность окружающего пространства вокруг места материализации и при необходимости корректировали точку "приземления", чтобы объект не попадал в "ловушку".

– Bravo! Замечательная технология, – послышался бас Главнокомандующего. – Я сейчас не говорю об экономической и бытовой пользе. Я говорю о войне. Это – супероружие! Наше спасение! Представляю, как неизвестно откуда взявшаяся бомба взрывается в самом сердце штаб-квартиры Альянса, а через несколько минут многочисленный отряд Корпов, материализовавшихся из пустоты, захватывает зачищенную территорию...

Гул бурного одобрения прокатился по залу.

– Я всё понимаю, – послышался голос из толпы, – но для чего было размещать исследовательский центр почти на передовой? Это же огромный риск...

– Похоже, это камень в мой огород, – усмехнулся Главнокомандующий. – Вопрос правильный. Объясняю. Во-первых, когда здесь начиналась работа, враг был далеко. К тому же никто не предполагал, во что вырастет этот проект. Верно? – Перес вопросительно посмотрел на Зилана.

Верховный Мастер утвердительно кивнул.

– Во-вторых, – продолжил военный, – Альянс приблизился слишком быстро. У нас уже не осталось возможности перевести базу. Ну, и последнее: объект защищает мощнейшая военная группировка, которая настолько выгодно размещена на этом полуострове, что в случае попытки захвата враг будет нести потери не меньшие, чем один к десяти. Не имея информации, насколько важен этот объект, они вряд ли решатся на атаку.

– Мы тоже внесли скромный вклад в защиту технологии, – поддержал я командующего.

– Зал, в котором мы с вами сейчас находимся, – сердце Фантома. Вся информация по проекту стекается сюда и хранится только здесь, – указал я рукой на стену металлических блоков. – Все носители и оборудование настроены так, что при попытке копирования или выносе за пределы этой комнаты они самоуничтожаются. Так что трудиться над проектом можно лишь в этом помещении.

– Кроме того, враги ничего не успеют сделать, – продолжил Перес. – Буквально через месяц-полтора мы начнём активно применять Фантом. Старший командер Шнайдер, – обратился он к офицеру, давшему пистолет для эксперимента.

– Сэр?

– Вы сегодня же должны отправиться к командующему Симону в Африку. Там сейчас происходят ожесточённые бои, поэтому он не смог находиться здесь. Альянс уже захватил долину и дельту Нила и теснит наши войска на запад. Вам поручается донести до Симона суть Фантома и получить последние данные о нахождении передвижных штабов противника. Именно там мы начнём обкатывать новую технологию. Передавать сведения о Фантоме на каких-либо носителях опасно, а вводить в курс военнслужащих более низкого уровня преждевременно, поэтому вы лично на словах передадите всё необходимое. Выполняйте!

– Есть, сэр! – рявкнул офицер и, развернувшись, направился к выходу.

– Вижу, у вас уже началась работа, – произнёс я, глядя на Главнокомандующего. – В принципе, наш доклад закончен. Больше не смею злоупотреблять вашим вниманием, господа.

Когда гости покинули зал, возбуждённо обсуждая увиденное, я избавился от неудобного грима. Кроме нас с Отто в помещении остались только Зилан и Перес. Они были полными антиподами. Смуглокожий, огромного роста, с читающейся даже через форму мощной мускулатурой, Главнокомандующий смотрел на нас суровым взглядом из-под густо разросшихся бровей. На его лице невозможно было прочесть ни единой эмоции. Зилан же был маленького росточка, пухлый, с розовыми щеками на упитанном лице и светился радостью. Подбежав ко мне, учёный принялся энергично трясти мою руку.

– Так вот вы какой, старший специальный агент Блэйз, – произнёс он. Взглянув на Отто и похлопав его по плечу, учёный эмоционально продолжил: – Молодцы, просто молодцы! Шикарная идея! А какое яркое исполнение!

– Не то слово, – подхватил Перес. – Если б я не знал о Золотой Клетке, то, без сомнения, поверил бы в этот ваш Фантом. Просто маги. Как вам это удалось?

– Всё просто, сэр, – объяснял я. – Было известно, что курьерскую миссию поручат старкому Шнайдеру. То, что он всегда носит с собой Скорпиона, знают все. Пришлось немного потрудиться, чтобы в зоне безопасности, где досматривали приглашённых, заменить его пистолет на копию. Для пущего эффекта на оружие нанесли крест. Будущего курьера специально привлекли к эксперименту, ведь непосредственные участники гораздо сильнее других верят в истинность происходящего. Ну, а незаметно открыть с помощью электроники люки в полу, когда ярко сияет вспышка, ни для кого не составит труда.

– Хм... Ну, а крыса?

– Вращающаяся стенка... Близнеца Гектора заранее замуровали – небольшие ошибки в эксперименте придают ему больше правдоподобности, не так ли? Всё действительно очень просто... Гораздо важнее, чтобы информация дошла до нужных ушей...

– В этом можете не сомневаться, – ответил Главнокомандующий. – Разведка Альянса

уже в курсе, что старший командер Шнайдер направляется в Африку со сверхважной миссией.

– Думаете, с его помощью сведения попадут куда надо? – спросил я.

Я понимал, что Шнайдер умрёт. Что погибнет ещё немало "пешек" многоходовой комбинации. И что вина за эти смерти в первую очередь будет лежать на мне, ведь Золотая Клетка – мой план. Неприятное чувство захлестнуло меня, заполнив разум горечью и сомнением.

– Ясно, что он и под пытками ничего не расскажет, но химическим подавителям воли противостоять не сможет. Он очень надёжный и преданный солдат, жаль его потерять. Я давно знаю этого парня. Если бы Шнайдеру было известно о той великой роли, которую ему предстоит сыграть, то он без малейшего колебания сам бы вызвался отдать свою жизнь... – Перес произнёс этот приговор, вынесенный с тем мудрым пренебрежением к человеческой жизни, которое отмечает великого военачальника. Он осознанно шёл на уничтожение известного количества людей, чтобы обеспечить остатку своей армии успех в борьбе за достижение поставленной цели. Да, на краю гибели целой цивилизации такие действия, наверное, были оправданы.

– ...для подстраховки мы пригласили в комиссию вражеского агента, – продолжал Перес. – Мы давно ведём слежку за этим шпионом. В сегодняшней демонстрации Фантома решили и им воспользоваться... А вот сможет ли всё это заманить Разумовского в нашу Золотую Клетку – большой вопрос.

– Хех. Я знаю Петра не один десяток лет, – ответил Зилан. – Да-да. Раньше, ещё до Эпохи Великого Противостояния, было немного проще, и учёные разных корпораций иногда встречались. Так вот... У Альянса, да и вообще в мире, мало учёных, способных разобраться с такой технологией, и самый лучший из них на сегодняшний день именно Пётр. Он честолюбив как школьник и обязательно воспользуется всей полнотой власти, которой сейчас обладает, отодвинет всех претендентов и будет лично заниматься Фантомом... Доставить информацию в уютный кабинет Разумовского не получится. Альянс будет в глубоком цейтноте, ожидая нашей атаки в течение месяца, максимум полутора. Значит, птичка впорхнет сюда не позднее, чем через три дня после захвата сторожевой башни.

– Очень, очень надеюсь на вашу правоту, уважаемый мастер Зилан, – сказал Главнокомандующий. – Другого шанса у Барстера не будет... – обратив свой взгляд на нас с Отто, Перес продолжил: – Давайте посмотрим, что у нас заготовлено дальше.

– Так как вся информация находится в этом зале и вынести её нельзя, Разумовский обязательно прибудет именно в это помещение, – докладывал Отто. – Не имеет значения, насколько велика будет охрана – мы его здесь заблокируем.

Мой напарник взял пульт и нажал кнопку. Громадная каменная стена мгновенно опустилась на пол, наглухо перекрыв выход. Отто нажал следующую кнопку – в противоположной стене открылся проём.

– Проходите, – он жестом пригласил в комнату, спрятанную за каменной перемышкой. – Здесь мы со старшим агентом Блэйзом будем дожидаться Разумовского после захвата полуострова Альянсом. Помещение небольшое, чтобы её было сложно обнаружить, но для двоих человек этого вполне достаточно. Тут подготовлено необходимое количество припасов, есть экраны для наблюдения. Когда учёный появится, мы перекроем выход из главного зала и пустим парализующий газ. Спокойно выйдем из убежища, похитим Философа и, закрыв проём, спустимся через шахту к скоростной субмарине. Чтобы запутать

преследователей, взорвём шахту, так, чтобы из неё остался выход только в древние катакомбы, обнаруженные в горе. Пускай немного поплутают... Ну, а потом пусть ищут ветра в поле...

[1] *Выше шестидесяти метров.*

[2] *Примерно шестьдесят сантиметров.*

Старком Шнайдер не добрался до командующего Симона, Альянс проглотил наживку. Оставалось только ждать.

Через две недели ранним утром нас разбудил вой сирены. Вскочив с кровати и быстро набросив одежду, мы с Отто выглянули на улицу посмотреть, что происходит. Весь горизонт, насколько хватало взгляда, был заполнен вражескими кораблями. Небо гудело от фарнолётов. Альянс, купившись на дезинформацию, начал массированную атаку.

Сильно превосходящие численностью войска осадили базу. Как и предсказывал Главнокомандующий, захватить её было не так просто – наша группировка занимала гораздо более выгодные позиции. Не зная, что битва была спровоцирована, а поражение планировалось заранее, Корпы сражались как львы. Враг нёс огромные потери. Семь раз атаки Альянса захлёбывались, но поражение было неминуемо...

Прорвать нашу оборону удалось только на третьи сутки. Альянс высадил на полуостров десант. Враги уничтожили всё: выжженная земля была изрыта выстрелами и даже древние руины Глазниц Предков стёрли в порошок. И только сторожевая башня осталась нетронутой, словно её защищала какая-то таинственная магия. В башню не попал ни один снаряд – противники хотели исключить любую случайность, чтобы сохранить данные в исследовательском центре.

Мы засели в убежище и ждали, когда враг проникнет на верхний уровень. Наши солдаты с остервенением раненых зверей защищали каждый дюйм. Последнюю группу защитников загнали в главный зал. Пятеро уставших, израненных и истекающих кровью бойцов забаррикадировались в помещении. Через несколько минут вырванная тросом дверь с грохотом отлетела к внешней лестнице. Вражеские солдаты проникли внутрь.

– Осторожнее! – кричал капитан Альянса. – Головы поотрываю если на оборудовании появится хоть царапинка!

Завязался бой. Корпы неистово защищались. Дерущиеся насмерть люди падали, как листья от осеннего ветра... Через пятнадцать минут всё закончилось. Оставив гору из трупов вражеских солдат, Корпы были повержены. Альянс захватил базу, попав в расставленные сети.

Весь следующий день технические специалисты противника обследовали каждый дюйм помещения в поисках чего-либо подозрительного. Камеры и датчики, вмонтированные в оборудование, которое должно было оставаться нетронутым, обнаружить не удалось. Наше убежище тоже не отыскали. Вход в неё перекрывала массивная перемычка, сделанная из родной кладки башни. Она совершенно не отличалась от других стен и прекрасно экранировала излучение нашей аппаратуры.

Через три дня, как и предсказывал Зилан, появился Разумовский...

В зал нырнули пятеро солдат в полной боевой экипировке. Они ещё раз обшарили всё вокруг, пристально вглядываясь в каждую щелку.

– Всё чисто, сэр! – крикнул военный.

В зал вошёл высокий худой человек с коротко стриженными седыми волосами. Его вытянутое лицо с глазами навывкате и тонкой полоской почти беззубого рта я сотню раз рассматривал на изображениях при подготовке к операции. Ошибки быть не могло. Это – главный Философ Великого Альянса Пётр Разумовский. Размашистой походкой он обошёл

помещение, с любопытством оглядываясь по сторонам. Следом за ним, точно приклеенные, следовали два ассистента, парень лет двадцати пяти и совсем юная девушка. Размахивая длинными руками, Философ принялся раздавать указания.

– Есть! Есть! – восторженно прошептал Отто. – Он попался!

– Да. Всё идёт как по маслу, – довольно улыбнулся я. – Захлопывай клетку.

Отто нажал кнопку на брелоке, и каменная стена с грохотом заблокировала выход. Один из солдат, стоящий на страже у двери, чуть не раздавленный обрушившейся массой, с воплем выпрыгнул из комнаты. Пленники в панике метались по комнате.

– Ловушка! Как вы могли не заметить?! – истерично орал учёный на начальника охраны.

– Всё под контролем, сэр, – с хладнокровным спокойствием ответил тот. – Встаньте, пожалуйста, сюда.

Философ с ассистентами, прижавшись к стене, спрятались за спинами солдат. Охранники ошетинились во все стороны ружьями и обступили учёных полукругом.

– Пускай газ! – скомандовал я.

Отто повернул тумблер – ничего не произошло... Он попытался ещё и ещё, но газ так и не начал заполнять комнату. Глаза Отто от ужаса расширились и он, заикаясь, пробормотал:

– Не... нет... не может быть. Что-то повредили при перестрелке...

Над операцией нависла реальная угроза срыва.

– У нас не больше десяти минут. Нужно атаковать. Их всего семеро, – сказал я.

– Четверо, командир. Посмотри на этих... – Отто кивнул на экран. Учёные были в такой панике, что вряд ли могли оказать сопротивление.

– Хорошо, пара справа моя, слева – твоя.

Мы легли на пол у выхода из нашего убежища и взяли ружья на изготовку.

– Давай! – скомандовал я. – Главное – не зацепить Разумовского.

Отто нажал кнопку на брелоке, и перемычка, отделяющая нас от пленников, начала подниматься. Мы открыли огонь. Через несколько секунд четверо охранников лежало у ног до смерти перепуганных Философов.

Мы быстро поднялись и рванулись к учёным. Разумовский прижимал ладонью кровоточащую рану, видимо, одна из пуль всё же попала в него. В другой руке он держал направленный на нас неизвестно откуда появившийся пистолет. Его ассистент тоже был вооружён и целился прямо в меня. Только девушка стояла зажмурив глаза и сжавшись от страха.

– Хм, ловко придумано, – криво усмехнулся Философ. – Что будем делать? За мою смерть вас по головке не погладят, а время сейчас не на вашей стороне, – сказал учёный, кивнув в сторону выхода, откуда доносился визг оборудования, ломающего стену.

– При таком раскладе нам терять нечего. Сэр, советую вам добровольно последовать с нами. Если я отпущу кнопку, то энергетическая пуля, сидящая в вас, разорвётся, размазав ваши выдающиеся мозги по стенам этого зала, – импровизировал Отто, показывая ему зажатый в руке брелок.

Я утвердительно кивнул.

От напряжения у испуганного помощника Разумовского сдали нервы и он начал палить.

– Нет, Вик! – крикнул Отто и бросился прикрывать меня от выстрелов.

Две пули зацепили меня. Остальная часть обоймы вошла в Отто. С расширившимися от ужаса глазами, Разумовский смотрел, как слабеющая рука Отто выпускает пульт. Перехватив

брелок в свою ладонь, я поднял обессиленного друга.

– Идиот! Ты сейчас чуть не угробил меня! – крикнул учёный и выстрелил в ассистента. Разумовский посмотрел на меня обезумевшими глазами и произнёс: – Говорите. Что, что я должен сделать?

– Помогите мне, – приказал я еле дышащему от страха Философу, кивнув на Отто.

Разумовский безропотно подхватил моего друга с другой стороны.

– Прости, девочка, но такие моменты не терпят свидетелей, – сказал он, повернув голову в сторону помощницы, и выстрелил ей в висок.

Субмарина пришвартовалась в гавани у развалин старого Тулона на Лазурном берегу. Здесь нас уже ждали, как триумфаторов. Среди встречающих был даже сам Главнокомандующий Перес. Мои ранения оказались не столь критичными, и я выбрался из лодки самостоятельно. А вот Отто пришлось вытаскивать на носилках. Следом за нами, в плотном кольце охраны, вывели Разумовского.

– Молодцы, ребята! – кинулся к нам обычно не эмоциональный Перес. – Это самая блестящая операция из всех, которые мне довелось видеть. Достоинно красных нашивок. Слава героям!

– Слава героям! Слава Барстеру! – подхватили встречающие.

Отто был очень плох. Видя ажиотаж вокруг нас, он улыбнулся и взял меня за руку.

– Вик... у нас... получи... лось... – с трудом шевеля губами, прошептал он и провалился в беспмятство. Его ладонь, ослабев, разжалась и безвольно опустилась.

Я похолодел от ужаса. Перед глазами возник образ умирающей Одди. В припадке отчаяния мне хотелось рвать на себе волосы и биться головой о землю.

– Нет, Отто! Нет! Только не ты! – кричал я. – Я больше не могу никого терять!

– Держись, парень, – прошептал склонившийся над Отто Главнокомандующий. – Ты нужен нам всем. Ты нужен народу Барстера.

Приложив руку к артерии на шее друга, я нащупал еле пробивающийся пульс.

– Он жив, жив! – завопил я. – Сделайте что-нибудь! Помогите ему!

– Срочно загрузите их в фанолёт и отправьте в Центральный Командный Госпиталь Нью-Лондона, – скомандовал Перес. – Приставьте лучших медиков. Эти парни должны жить...

Госпиталь размещался в самом сердце Корпорации – в её штаб-квартире. Это было не обычное лечебное учреждение, а скорее научно-исследовательский центр, в котором разрабатывались самые передовые технологии в медицине. Все самые светлые головы Корпорации были сконцентрированы именно здесь. Практикой в госпитале, естественно, тоже занимались: тут лечили наиболее сложные и интересные случаи. Кроме того, именно в этом госпитале поддерживали здоровье верхушки Барстера.

Я настоял на том, чтобы меня положили в одну палату с Отто, стараясь ни на минуту не покидать друга. Нашим лечащим медиком назначили мастера пятой степени знаменитого Аарона Гленна. Его предки уже не одно поколение занимались искусством врачевания, и несколько видных эскулапов носили эту фамилию.

Прошла неделя, Отто так и не пришёл в сознание, хотя врачи и колдовали над ним круглыми сутками.

– Сэр, у него есть шанс выкарабкаться? – спросил я у Гленна.

– Нужно надеяться. Мы делаем всё, что в силах современной науки, – ответил тот. – Его жизнь зависит только от возможностей организма, но, как это ни прискорбно, исход может быть любым.

Такой неоднозначный ответ меня совершенно не устраивал. Я не мог позволить себе потерять ещё и Отто, ведь теперь он оставался самым близким мне человеком.

"Нельзя просто так сидеть и ждать. Нужно что-то делать. Надо взять всё под контроль. А может... может, тот препарат?.."

Я вспомнил время, когда трудился в лаборатории Дедушки.

"Если идею твою чуток доработать, то заживать раны ох как быстро будут. Да, досадно, что нет оборудования в глуши нашей, чтоб дело твоё до ума довести... – говорил мудрый старец, протягивая старые тетради. – Вот, сынок, возьми. Здесь результаты трудов моих. Я тут давеча и над твоей идеей поработал, кое-какие мысли свои добавил... Возьми, думаю, сможешь всем этим разумно распорядиться..."

– Мастер Гленн, мне нужно срочно покинуть госпиталь, – обратился я к медику.

– Ни в коем случае. Вы ещё недостаточно окрепли после ранений. Это большой риск. Нет, – отрезал он.

– Ясно, – произнёс я после паузы. – Тогда у меня к вам две просьбы...

– Говорите.

– Вы сможете доставить из моей квартиры кое-какие материалы?

– В Нью-Лондоне?

– Да, – я написал на бумаге координаты. – Вот адрес. Это стопка старых тетрадей с важной для меня информацией.

– Без проблем. Что ещё?

– Мне необходим доступ в лабораторию.

– Это-то вам зачем? – удивился он.

– Хочу поработать над новым лекарством.

– Хм... Я слышал, что вы неординарная личность, но чтобы... – Гленн задумался. – Это не так просто. У вас нет допуска. Ну, хорошо... Попробую похлопотать.

На следующее утро мастер Гленн появился в палате с широкой улыбкой на лице. Он передал мне тетрадки с пожелтевшими листами и возбуждённо произнёс:

– Старший агент, а у вас высокие покровители. Верховный Мастер, просмотрев записи, лично приказал внести вас в реестр допущенных к работе в лабораториях госпиталя. Мало того, он выделил вам в помощь двух способных Просвещённых третьей ступени, – немного смутившись, медик продолжил: – Извините, я тоже позволил себе ознакомиться с материалами... Очень, очень интересные работы.

– Спасибо, мастер. Спасибо за вашу помощь, – сказал я, благодарно пожав его руку, и с жадностью набросился на тетради.

Мою идею Дедушка серьёзно доработал, кое-что добавив и изменив. Теперь она стала походить на инструкцию, которую при определённых усилиях и достаточной лабораторной базе реально было воплотить в жизнь.

Я быстро вошёл в ритм и, освежив необходимые знания, с головой погрузился в работу. Тяга к открытиям, проснувшаяся ещё в раннем детстве, и состояние умирающего друга заставляли меня трудиться, забыв обо всём на свете. На сон оставалось по два-три часа. Я спешил, понимая, что время работает против меня. Ассистенты, действительно толковые специалисты, заразившись от меня энтузиазмом, самоотверженно помогали. Мы проделали сотни опытов и извели немало лабораторных крыс. Иногда нас посещал сам Зилан, подбадривал и давал ценные советы.

Через три с половиной недели опытная доза препарата была готова. В честь друга я назвал его Оттоклевит. Я был полностью уверен в эффективности нового лекарства, но проверять его на Отто не посмел. Я понимал, что моё мнение субъективно, медикамент должен пройти целую серию испытаний.

С каждым днём Отто становилось хуже. Чтобы сэкономить драгоценное время, я решил

провести эксперимент на себе. Моё здоровье ещё не полностью пришло в норму после полученных в Бонифачо ранений. Мастер Гленн говорил, что для полного выздоровления понадобится не меньше двух месяцев.

Я начал принимать Оттоклевит. Прогресс был феноменальным! Через неделю мастер Гленн ворвался в палату.

– Это невероятно, но вы... вы абсолютно здоровы, – бормотал он, выпучив глаза.

Выслушав его, я довольно улыбнулся. Результаты анализов говорили, что от ранений не осталось и следа, разве что несколько новых шрамов на теле. Невероятно счастливый, я сорвался с места и понёсся в лабораторию, оставив недоумевающего медика.

Позвав ассистентов, я принялся готовить порцию лекарств для Отто. Мы весело смеялись, радуясь успеху... Дверь распахнулась, и в лабораторию вошёл старший помощник мастера Гленна. Он отвёл в сторону мрачный взгляд и, не поднимая глаз, произнёс ледяным голосом:

– Сэр, сочувствую...

Внутри всё похолодело от этого жуткого тона. Уронив на пол колбу с химикатом, я кинулся в палату. Там, склонившись над телом Отто, понуро стоял Гленн.

– Он был сильным человеком, – угрюмо произнёс медик. – Любой другой на его месте не протянул бы и недели...

Всё вокруг померкло. Я опустился на корточки и обхватил голову руками.

"Надо было рискнуть. Как... как я мог это допустить? Он мой единственный друг. Он спас меня, пожертвовал собой. Я, я виноват в его смерти!"

В памяти мелькали картинки. Вот Отто робко стоит перед строем, только появившись в Школьном Доме. Вот мы тащим раненого Маллигана по мрачным подземельям Глазниц Предков. А вот он уже на базе Мантикор с щеголеватыми усиками и смешливой искоркой в глазах, улыбается мне. А теперь... теперь он лежит здесь, связанный холодными узами смерти.

Губы пересохли и потрескались. Казалось, будто сама старуха-смерть передаёт прощальный поцелуй, высасывает все чувства, оставляя лишь пустоту, чёрный безжизненный вакуум, затягивающий меня всё сильнее и сильнее...

Выписавшись из госпиталя, я, совершенно опустошённый, поехал в свою квартиру. Она находилась на втором кольце жилых районов столицы.

Едва голова коснулась подушки, я моментально отключился, забывшись беспокойным сном. В растревоженном сознании возник образ родителей. Мама укоризненно качала головой, а отец, устремив на меня суровый взгляд, грозил пальцем... Вздрогнув, я проснулся.

Через минуту дремота снова одолела... Ко мне приближалась люди в чёрных одеждах. Один человек отделился от группы и вышел вперёд – это был капрал Рон Милтон из погибшего отряда. Он приближался, волоча за собой вывалившиеся внутренности. В его груди зияла огромная дыра с рваными краями, через которую были видны другие солдаты.

– Вик, когда в "Золотую Бочку"? Мы заждались, – говорил капрал.

– Да-да, командир, – соратники за его спиной утвердительно кивали.

Их лица были окровавлены. С пальцев медленно стекала густая кровь. Кровь капала отовсюду. Кровь! Кровь! Кровь! Реки крови повсюду! Я видел её, слышал её запах, чувствовал её солёный привкус. Кровь бежала по земле красным потоком и дождём падала с неба. Она прибывала и прибывала, покрыв солдат по щиколотку, по пояс, а затем полностью поглотила их, оставив лишь пузырящиеся холмики над головами...

Очнувшись от жуткого сна, я почувствовал, как холодный липкий пот пропитал одежду. Сон был настолько реальным, что, вскочив с кровати, я невольно огляделся. Было уже за полночь.

"Да уж, тут без "Золотой Бочки" не обойтись. Нужно выпить чего-нибудь крепкого..."

Добравшись до питейного заведения, я направился к стойке, за которой скучал молодой бармен, протирая и без того отдраенные стаканы. Подняв глаза, он ввинтился взглядом в мою красную нашивку и довольно причмокнул.

– Оказывается, и герои Корпорации не прочь промочить горло, – задорно подмигнул бармен. – Что желаете, сэр?

– Двойной "Шаг в преисподнюю", пожалуйста.

– Ого, достойно, – ответил парень и принялся колдовать над содержимым.

Ещё никогда на душе не было так муторно. Я пил порцию за порцией, вспоминая друзей и товарищей, которых отняла война.

"Авось закончится когда-нибудь чернота эта..." – вспомнился Дедушка.

Я явственно представил, как мы с Одди бегаем по лагерю Страдальцев где-то далеко от войны и увлечённо играем со своими детишками.

– Проклятая война! – крикнул я и громко стукнул стаканом о стойку, чем привлёк внимание немногочисленных местных забулдыг.

Уже под утро я на автопилоте вернулся домой и сразу же отключился. Проснулся только к вечеру. Скорбь о погибших друзьях и близких заполнила сознание.

Я подошёл к ящику с бумагами и бережно достал старую картину. На её обороте была любовно выведена надпись: "Дорогому другу Шандару на долгую память". После гибели друга я взял картину себе. И сейчас, не в силах сдержать слезы, смотрел на неё и, обводя пальцем контуры друзей, жалобно стонал ещё не протрезвевшим голосом:

– Одди! Шандар! Как же мне тяжело без вас...

Горечь и тоска переполняли. Не в состоянии справиться с захлестнувшими эмоциями, я

отправился за новой порцией.

Походы в бар повторялись несколько дней подряд. В один из вечеров, уже не помню в какой точно, в дверях "Золотой Бочки" мне померещился мастер Зилан. Я энергично мотнул головой – призрак не исчез. Придвинув к себе стакан, я сделал глоток – старик чудесным образом материализовался в соседнем кресле.

– Сынок, ты не виноват в его смерти, – произнесло видение умиротворяющим тоном. – Не стоит себя корить.

– О, Святой Фарн, и привидится же такое, – пробубнил я и сделал ещё глоток.

– Ты действовал грамотно и профессионально, – продолжал собеседник. – Я перепроверил всё, каждый шаг – ты сделал даже больше, чем мог.

– Да откуда ты можешь знать! – крикнул я. – Он спас мне жизнь. А я... я не смог... не смог ничего... Ни для него, ни для Одди, ни для Шандара, ни для других, – и уже изменившимся, пьяно-примирительным тоном тихо произнёс. – Давай лучше выпьем, а? Бармен, налей и ему, – а потом, подумав, добавил: – Если, конечно, ты его тоже видишь.

– Я разработал Фарн, а значит, и Ах-Пуч тоже моё детище. После взрыва этой бомбы погибли все мои близкие, пострадали миллионы безвинных людей. Ты только вдумайся – мил-ли-о-ны! Чувство вины будет преследовать меня до конца дней. Но я не сдаюсь. Я и только я смогу хоть как-то исправить ситуацию. Я занимался этим всю жизнь, и не брошу ни при каких обстоятельствах... У тебя же, сынок, есть прекрасный дар – дар от Бога. Твой препарат уже спас немало жизней и помог многим людям, которые тоже чьи-то друзья. Ты был Ангелом Смерти, геройски уничтожая врагов...

– Да, убивал... много...

–...а сейчас я предлагаю тебе поработать в моей команде, чтобы использовать твои способности на благо – спасти жизни... За последнее время мир несколько изменился. Альянс уже захватил всю Африку и часть Европы.

– А как же Разумовский? – мотнул я головой. – Не вышло? Всё зря? Да? Отто погиб напрасно?

– Успокойся. Ничего не зря. На всё нужно время. Совсем скоро у нас будет свой Рог Изобилия.

– У-у-у, – промычал я.

– Вот, держи. Очень прошу, подумай хорошенько, – учёный сунул мне какую-то бумажку и испарился.

Проснувшись дома после пьяного угара, я никак не мог сообразить, реальна ли была встреча с Верховным Мастером. Жадно выпив стакан холодной воды, я сел на край кровати и попытался восстановить вчерашние события. Тут мне на глаза попался смятый лист бумаги, валяющийся под ногами. Я поднял его: это был приказ о моём переводе в особую группу Просвещённых, работавшую под руководством Зилана. Кроме того, в документе сообщалось о присвоении мне статуса Мастера пятой ступени.

"Мастер пятой ступени! Хм... А он меня ценит..."

Я попытался осмыслить слова, сказанные вчера учёным, но разум отказывался что-то соображать. Голова трещала после почти недельных возлияний. Мысли никак не складывались в стройную цепочку. Поморщившись, я выпил препарат, устраняющий последствия алкоголя, и пошёл завтракать. Через какое-то время сознание начало проясняться.

"Видимо, я действительно чего-то стою как Просвещённый, раз сам Зилан

заинтересовался мной. Да ещё и в свою команду пригласил..."

Мысли скакали из стороны в сторону.

"Прав был Дедушка, это ужасное, ужасное время..."

Одна мысль сменяла другую.

"А ведь именно изобретение Фарна позволило перейти в новую Эпоху... И сейчас перемены начались после появления Рога Изобилия. Просвещённые могут менять мир? Надо попробовать... Может, и я смогу..."

На следующее утро, бодрый и свежий, я явился в штаб-квартиру. Честолюбивые планы переполняли. Охранник сопровождал меня к Верховному Мастеру.

– Рад, очень рад видеть вас в своей команде, мастер Блэйз, – поприветствовал меня улыбающийся Зилан.

Ни сейчас, ни когда-либо после он не упомянул о нашей встрече в "Золотой Бочке", будто её никогда и не было.

– Спасибо, сэр.

– Насколько я вас изучил, вы можете удивить оригинальной идеей. Есть мысли, чем заняться?

– Спасибо за лестное мнение. Пока не готов ответить, нужно время. Для начала я бы хотел вернуть долг человеку, которому многим обязан. Хочу разобраться с записями своего учителя, систематизировать их и, по возможности, реализовать его идеи.

– Это о тех записях в старых тетрадях?

– Да.

– Ну что ж, могу сказать, что вам повезло с наставником. В этих трудах я узнал руку Старшего Мастера Элафриуса. Светлейший разум и достойнейший человек.

– Вы знали его? – я удивлённо уставился на Зилана.

Верховный Мастер с улыбкой кивнул.

– Ну а главная цель, – разоткровенничался я, – что-то изменить в этом мире, попробовать сделать его лучше. Думаю, мой наставник хотел бы этого. Да и мне в последнее время это кажется важным...

– Хех. Честолюбия вам не занимать, – ухмыльнулся старый мастер.

С энтузиазмом взявшись за дело, я быстро осваивал тонкости работы Просвещённого. Это действительно оказалось моим призванием. Безумные идеи, рождавшиеся в сознании, дрались за моё внимание. Я с восхищением знакомился с трудами предшественников, изучал различные приборы и технологии, практиковался у других Просвещённых. Мне всё было интересно.

С упоением разбираясь в дедушкиных заметках, я параллельно вёл работу сразу над несколькими препаратами. Техническая база позволяла проверить все его выкладки и в случае необходимости доработать их. Мне выделили целую команду толковых помощников.

Первое лекарство, сделанное на основе Дедушкиных записей, которое помогало в восстановлении мозговой деятельности после травм, я назвал в честь учителя Элафрином. Через довольно короткий промежуток времени мне удалось дать жизнь ещё целой серии медикаментов. Зилан часто посещал нашу лабораторию, радовался успехам, говоря, что не ошибся во мне.

Примерно через полгода после пленения Разумовского Барстер, наконец, получил свой Рог Изобилия. Мне посчастливилось быть в числе приглашённых на демонстрацию опытного экземпляра. На презентации присутствовало много видных Стражей и Просвещённых. Нас спустили на лифте в один из подземных уровней штаб-квартиры и завели в огромный бункер с толстыми стенами. Помещение было разделено на две части. В одной оборудовали посадочные места для наблюдателей, а во второй организовали сцену. Вдоль стен бункера стояли вооружённые до зубов солдаты.

– Сэр, – обратился к Главнокомандующему Пересу старший командер, занимающийся вопросами безопасности. – Можно начинать или будем дожидаться великого Главу Альберта Спенсера?

– Начинайте, начинайте, старком, – ответил командующий с усмешкой. – Главе будет гораздо удобнее наблюдать за всем на экране из своего кабинета.

– Есть, сэр, – ответил военный и, вздохнув, тихо добавил: – Жаль, думал, пощастливится его увидеть хотя бы одним глазком.

Старший командер раздал указания охране и направился к выходу. Наблюдавший за ним Перес окликнул офицера.

– Эй, старком, а разве вы не должны оставаться в помещении и следить за безопасностью?

У военного, явно не ожидавшего такого вопроса, забегали глазки, и он смущённо ответил:

– Сэр, тут сообщение... Подозревают, что кто-то нарушил внешний периметр. Хотел сам разобраться... Прикажете поручить этот вопрос кому-то другому?

– Хорошо, разбирайтесь, – ответил командующий.

Приглашённые заняли места. В первом ряду сидели Зилан, Разумовский и Перес. На импровизированной сцене Просвещённые возились с необычным аппаратом. Через несколько минут один из учёных кивнул Пересу, ответственному за мероприятие. Тот встал и направился к трибуне.

– Господа, – открывал презентацию Главнокомандующий, – рад сообщить, что теперь у нас есть свой Рог Изобилия! Это позволит в корне переломить ход войны. Кто-то из вас уже знает, что прошёл ряд удачных испытаний. Сейчас же мы готовы официально представить действующую установку.

В зале раздались аплодисменты.

– Альянс теснит нас по всем фронтам, пользуясь техническим превосходством, – продолжал докладчик, – практически не оставляя места на Земле. Враги захватили уже половину Европы – исконную землю Барстера. Жители этих территорий, считающие культуру, обычаи и ценности Барстера своими, ведут против захватчиков самоотверженную партизанскую войну. Используя Рог Изобилия, мы остановим победное шествие врагов и, объединившись с сопротивлением на континенте, повернём войска противника вспять. Сегодняшняя демонстрация – наш первый шаг к победе. От имени Главы Барстера я хочу поблагодарить всех, кто участвовал в проекте. В первую очередь это, конечно же, наш почётный Просвещённый Пётр Разумовский, любезно согласившийся помочь Корпорации в трудные времена. Также мы благодарны Верховному Мастеру Кеннету Зилану, куда нам без него в таких вопросах?.. Мастеру Виктору Блэйзу, убедившему господина Разумовского помочь нам. И многим другим, отдавшим все силы и даже жизни ради реализации этого проекта. Слава Барстеру!

– Слава Барстеру! – прозвучало в ответ.

– Пожалуйста, начинайте, – обратился Главнокомандующий к Просвещённым, колдующим у установки, и направился к своему месту в зрительном зале.

Учёные запустили механизм, тот мягко заурчал, переливаясь разноцветными огоньками. Неожиданно из-за кулис выскочил человек в форме охранника с гранатой в руке. Трое солдат бросились ему наперерез и попытались скрутить. Но диверсант всё же успел кинуть гранату, до зрительного зала она не долетела, а закрутилась рядом с

демонстрируемым образцом. Раздался взрыв, энергосистема прибора сдетонировала, и рвануло ещё сильнее. Стена пламени моментально превратила в пепел стоявшего рядом Просвещённого и волной прокатилась по сцене, сжигая всё на своём пути.

Начался невообразимый хаос. Горящие учёные, словно живые факелы, метались по сцене и с воем катались по полу. Зрители повскакивали с мест и в панике устремились к выходу. Началась давка. Удушливый дым и запах горячей плоти сводили людей с ума. Кашляя и задыхаясь, многие падали на пол и оказывались под ногами у бегущих. Вопли обезумевших от ужаса людей разрывали перепонки...

Первым пришёл в себя Перес. За мгновение до этого он успел прикрыть собой Зилана и Разумовского и теперь с трудом поднялся на ноги. Я тоже бросился помогать пострадавшим.

– Ти-ихо-о! – прокричал Перес, подняв руку. – Всем сесть на свои места. Охрана, перекрыть выход! Не подчинившихся – расстреливать... Кто-то отключил систему безопасности – запустите её вручную... Срочно найдите старшего командера, отвечающего за безопасность, и арестуйте до выяснения ситуации...

Охранникам понадобилось не менее пяти минут, чтобы утихомирить толпу. За это время запущенная система безопасности потушила пожар. Включилась вентиляция, и дышать стало легче. Люди постепенно приходили в себя.

Как выяснилось позже, эту акцию действительно организовал старком, завербованный Великим Альянсом. Его целью был срыв испытаний и уничтожение как можно большего числа людей из верхушки Барстера. По счастью, в зрительном зале никто не погиб, хотя раненых было немало. Разумовский же и Зилан, благодаря умелым действиям Переса, совершенно не пострадали.

Подобные диверсии и предательства стали происходить всё чаще и чаще. Эти происшествия отодвигали запуск Рога Изобилия, подрывая и без того ослабленную поражениями Корпорацию. Предатели, особенно из высших эшелонов власти, пытались заслужить тёплое местечко у новых хозяев. Видя агонию умирающего гиганта, они бежали, как крысы с тонущего корабля. Враг наступал. Время работало против Барстера.

Воплотить в жизнь работы Дедушки мне удалось довольно быстро, но когда со старыми тетрадками было покончено, я столкнулся с серьёзной проблемой. Работа шла гораздо медленнее. Стало ясно, что мне не хватает ещё хотя бы пары лет обучения и практики.

Из меня получился хороший учёный с достаточно высоким уровнем интеллекта и большим потенциалом, но я прекрасно понимал, что этого было недостаточно для того, чтобы Зилан приблизил меня. За этим решением стояло что-то ещё.

Размышляя, я шёл по коридорам штаб-квартиры.

"Зачем я нужен Зилану? Что он скрывает? Надо срочно с ним поговорить!"

Верховного Мастера я нашёл у лаборатории. Он что-то оживлённо обсуждал с Разумовским, ничего не замечая вокруг. Боясь их побеспокоить, я решил отложить разговор и прошёл мимо. Последнее время я нередко замечал Зилана в компании Философа. Было видно, что учёные сблизилась на фоне каких-то научных изысканий.

"Два таких ума в одной связке... Скоро мы точно услышим о чём-то невероятном", – подумал я.

– Мастер Блэйз! – прозвучал окрик.

Я обернулся. Зилан, попрощавшись с собеседником, быстрым шагом следовал за мной.

– Да, сэр.

– Мастер Блэйз, не могли бы вы уделить несколько минут своего времени? – мне показалось, что вид у Верховного Мастера был несколько растерянным.

– Конечно, сэр. Я сам хотел попросить вас о встрече.

– Вот и замечательно. Тогда пойдём в мой кабинет, так будет удобней.

Заинтригованный неожиданным приглашением, я последовал за Зиланом. Когда мы оказались в кабинете Верховный Мастер взял со стола необычный цилиндрический чехол и протянул мне.

– Вот, надень это, – сказал он, защелкивая у себя на руке такое же приспособление.

– Что это? – недоумевал я.

– Ты хотел изменить мир? Хотел сделать его лучше? – спросил Зилан не в силах скрыть волнение.

– Конечно, сэр. Вы же знаете – это...

– В твоей воле сразу вызвать охрану, но я прошу выслушать меня... Я не вооружён. Если моё предложение будет тебе не по нраву, ты всегда сможешь скрутить и сдать меня. Но надеюсь, ты уже готов...

– К чему?

Верховный Мастер указал на цилиндр, надетый на руку.

– Это необходимая мера предосторожности. Из-за постоянных предательств все сейчас находятся под пристальным контролем гвардии Главы, особенно лица из высших эшелонов. Этот чехол нейтрализует Око, не вызывая подозрений. Сейчас он передаёт в Информационный Центр статичную картинку кабинета и записанную моим голосом рассказ о некоторых тонкостях практического применения фантехнологии в медицине.

– Говорите, сэр. Я внимательно слушаю, – сказал я с волнением.

– Мне уже много лет. Я очень нуждаюсь в надёжном помощнике, в преемнике, который бы смог занять моё место...

– Спасибо, сэр, – опешил я, – но есть гораздо более опытные и достойные кандидаты...

Я и на своём-то месте авансом.

– Нет, я не о должности Верховного Мастера. Разговор о более важном...

Я вопросительно уставился на учёного.

– Я наблюдаю за тобой ещё с тех времён, когда ты попал в лагерь Страдальцев. Помнишь это? – Зилан начал напевать до боли знакомый мне гимн отшельников. – Привет от Дедушки, Старшего Мастера Элафриуса – моего друга и верного соратника. Я тоже хочу изменить мир и сделать его лучше. Но, увы, на задуманное моего времени не хватит... Помнишь, у Страдальцев появился таинственный Лидер?

Шальная мысль промелькнула в голове.

– Так это вы?

– Странно, что ты раньше не догадался... Я организовал разрозненные группы стихийно объединённых людей. Дал идею, цель. Помогал им, пользуясь ресурсами и положением, которыми обладаю. Движение набрало огромную силу, причём не только в Барстере, но и на территории Великого Альянса. Через несколько лет мы смогли бы переломить ситуацию. Но сейчас... Сейчас всё изменилось. Из-за диверсий и предательств внедрение Рога Изобилия в Барстере затянулось, это позволило противнику завоёвывать всё новые и новые земли. Войска Альянса уже захватили всю континентальную Европу и через неделю-другую высадятся на Британских островах. В такое время во главе движения должен стоять человек совершенно другой закалки, такой как ты. Человек, который сможет правильно использовать время перемен, понять настроение людей, зажечь их. Ты сможешь перевести нашу борьбу в новую фазу. Ты молод, силён, разносторонне развит. У тебя боевой опыт, специальная подготовка, неординарные способности: и физические, и интеллектуальные. В наше время при тотальной узкой специализации такое редко встретишь... А самое главное – моральные качества, ты хороший человек...

Мысли путались. Предложение Зилана меня настолько поразило, что я был не в силах вымолвить ни слова.

– Понимаю... Это сложное решение. Давай-ка мы встретимся через пару дней.

– Сэр, вас срочно просит Верховный Мастер Зилан, – сообщил посыльный, заглянув в лабораторию.

– Спасибо, Эндрю, – сказал я, отложив в сторону реактивы.

"Странно, после нашей беседы прошло только чуть более суток..."

Эту ночь я провёл без сна. Я прокручивал в голове всю свою жизнь, жизни людей, которые меня окружали. Мне пришлось многое переоценить, посмотреть на мир по-другому. Я был готов к новому разговору...

Сняв перчатки и вымыв руки, я дал указания помощникам и направился к Зилану.

– Вызывали, сэр? – спросил я.

– Скорее заходи, Блэйз, – тревожно выпалил ученый и запер за мной дверь кабинета.

Зилан был крайне взволнован. Мне показалось, что со времени нашей последней встречи он сильно постарел, будто все прожитые годы внезапно решили заявить о себе. Во взгляде читалась бесконечная усталость от мира, построенного не без его помощи. Кожа на щеках обвисла, вокруг глаз резко проступила сеточка глубоких складок и морщинок. Обычно жизнерадостное лицо Зилана стало белее мела. Губы дрожали.

– Что-то случилось, сэр?

– Да! Да! – нервно произнёс он. – Всё очень, очень резко изменилось. Вот-вот произойдет страшная катастрофа, нечто совершенно ужасное. У нас мало времени, сынок.

Сгорбленной походкой старик подошёл к креслу и грузно повалился в него. Полминуты он просидел с закрытыми глазами. Было видно, что учёный пытается хоть немного успокоиться, чтобы нормально излагать мысли.

– Слушай меня внимательно. Сейчас тот самый момент, когда от тебя зависит всё. Абсолютно всё... – совладав с эмоциями, произнёс Зилан. – Войска Альянса высадились на островах... Томас Спенсер припомнил брату свои обиды и с насмешкой предложил сохранить для него территорию Британии на условиях позорного вассалитета. Томас не понял, что в войне никто никогда не выигрывает. Наш Глава с яростью отверг ультиматум. Созвав Высший Совет, он объявил, что настал час пробуждения Танатоса.

– Пробуждение чего?

– Танатос – древнегреческий бог смерти. Так, по аналогии с Ах-Пуч, назвали самую смертоносную бомбу. Бомба судного дня, которая своей мощью может разорвать Землю на части. Танатос был создан как оружие устрашения ещё до Эпохи Противостояния, когда только началась победоносная экспансия Барстера, но о нём так и не поведали миру. Супербомбу поместили в глубокой шахте под штаб-квартирой. Когда последняя надежда была потеряна, Альберт Спенсер решил, что позор поражения можно предотвратить даже за счёт уничтожения всей планеты, ибо после падения Барстера это будет уже другая Земля, не имеющая право на существование. Преданный Главе Главнокомандующий Перес и другие члены Совета, готовые, словно древние самураи, совершить почётный ритуал самоубийства, посчитали это решение единственно правильным. Тех, кто был не согласен, тут же лишили жизни. Даже Разумовского арестовали и отправили в пыточную. Я тоже пробовал образумить собравшихся, но видя, что настойчивость может привести только к смерти, был вынужден согласиться со Спенсером. Живым я смогу хотя бы попытаться что-то сделать...

Внезапно окрасившийся красным цветом монитор на столе Зилана прервал рассказ.

Появившиеся на экране цифры с противным писком вели обратный отсчет.

– Запущен таймер получасовой готовности, – загробным голосом пояснил учёный.

Мир стоял на пороге безумия. Мой мозг пульсировал в бешеном темпе. Я почувствовал, как огромная капля холодного пота покатилась по виску.

"Не-ет! Как, как мы могли дойти до такого?.. От нас не останется даже памяти... не останется НИЧЕГО..."

– Что... что я могу сделать? – спросил я, собрав всё мужество.

Верховный Мастер посмотрел задумчивым взглядом и, словно убеждая самого себя, пробубнил под нос:

– Он справится... должен справиться...

Старик на минуту замер.

– Что? Говорите же, сэр!

– Прости, сынок. Наверное, перед смертью в голову всегда приходит много мыслей... Ещё задолго до последнего Совета я анализировал ситуацию и предположил, что один из вариантов, самый худший, может быть именно таким. Я извлёк из небытия своё старое исследование, с которым раньше никак не мог справиться. Мне удалось привлечь к работе Разумовского. Он помог мне, понимая, что все мы стоим на краю гибели. И вот что нам удалось.

Учёный отдернул полог с какого-то механизма. Перед моим взором предстало кресло необычной формы, к которому подходило бесчисленное количество разноцветных проводков и трубочек. Я с любопытством впился взглядом в странный агрегат.

– Что это?

– С помощью него ты сможешь отправиться на три столетия в прошлое. Попытаться что-то изменить, чтобы предотвратить катастрофу.

– А вы, сэр? Вы же гораздо мудрее и опытнее...

– Я слишком изнашивался, чтоб совершать такие подвиги, – с горькой усмешкой сказал Зилан. – Да, душой я так же молод и силен, как ты. Но, увы, только душой. Ни один старик не чувствует себя на свой возраст. Но тело... дряхлое тело напоминает о реальных годах. Оно, как тюрьма, держит в заточении, из которого невозможно выбраться... Мне не справиться с такой задачей. Организм не выдержит перегрузок временного скачка... Ты – самая достойная кандидатура для этой миссии... К сожалению, прибор ещё ни разу не был испытан. Шанс удачного путешествия далёк от стопроцентного, но это единственный шанс... Ты готов? Готов исправить наши ошибки? – с мольбой в глазах спросил Зилан.

Я подошёл к креслу и рухнул в него. Тяжесть обрушившегося знания словно придавила меня.

– Надеюсь контролёрам уже не до нас... – произнёс Зилан. – В предстоящем путешествии лишние предметы – только обуза, могут привести к травмам. Ничего лишнего. Из карманов всё вытряхни. И обувь на всякий случай скинь...

Я послушно выполнил указания учёного, оставшись босиком, в одной синей лабораторной робе.

– Вот, возьми это, – продолжил он, протягивая мне серебристый брелок.

Я взял его, крепко сжав в кулаке.

– Это носитель информации, адаптированный к технике того времени. Здесь все научные достижения последних трёх столетий. И еще... Запомни, ты не сможешь оставаться в прошлом бесконечно. Будь готов, что в любой момент временная волна отбросит тебя

назад. Это может произойти и через день, и через год после твоего появления там. Мы не успели изучить эту проблему и запрограммировать прибор на необходимый промежуток времени. Ну, вот вроде и всё...

Старик посмотрел на меня мокрыми от слез глазами и обнял. Противный писк, сопровождающий смену цифр на мониторе, начал отсчёт последних пятнадцати минут.

Зилан пристегнул мои руки, ноги и корпус к креслу.

Дверь кабинета внезапно слетела с петель и с грохотом рухнула на пол. В комнату ворвался отряд гвардейцев.

– Кеннет Зилан, по приказу Главы Корпорации вы арестованы, – произнёс военный.

Пристёгнутый к креслу, я не мог пошевелиться и только в бессильной злобе смотрел на солдат, оцетинившихся стволами ружей. Верховный Мастер быстро нажал кнопку активации машины и выхватил пистолет. Кресло загудело, всё увеличивая и увеличивая частоту вибрации. Отбежав в сторону, Зилан начал стрелять. Раздались ответные выстрелы, и он упал.

Неожиданно стрельба прекратилась, и солдаты вытянулись по стойке смирно. В комнате появился худощавый мужчина маленького роста с бледным, как у мертвеца, лицом. Под белёсыми бровями злобно блестели красные глаза. Казалось, что он может убить одним только взглядом. В ужасном карлике-альбиносе я узнал Главу Барстера. Раньше я никогда не видел его вживую, мало кто, кроме представителей Круга Власти, удостоивался такой чести. Портреты с изображением Спенсера висели на каждом углу, но он представлялся на них гигантом со взглядом мудреца, пекущегося о судьбе каждого барстерца. И хотя сейчас я видел грубый гротеск на образ Главы, сложившийся в моём сознании, это без сомнения был Альберт Спенсер.

Вместе с ним в кабинет вошёл Перес, а следом двое солдат подталкивали в спину Разумовского, одетого в разорванный балахон. Один глаз учёного заплыл, раны на лице кровоточили.

– Перес, отключите это дребезжащее кресло, – властным голосом, полным спокойствия и уверенности произнёс Глава.

– Есть, сэр.

После диверсии Перес выглядел не самым лучшим образом. Он заметно хромал, рука была перевязана. Всегда готовый к подвигу бравый Главнокомандующий сейчас мне показался жалким. Его голос был каким-то робким, а в глазах читался неподдельный страх. Он подошел ко мне и дрожащей рукой послушно нажал кнопку. Вибрация прекратилась.

Истекающий кровью Зилан лежал на полу и глядел на меня грустным, полным надежды взглядом.

"Всё кончено..." – замер я от ужаса.

– Зилан, ты предал меня и достоин смерти... Впрочем, как и все тут, – Спенсер посмотрел на меня ледяным взглядом. – Так это и есть тот шанс, Философ?

Разумовский кивнул и, заикаясь, ответил:

– Д-да... п-призрачный, микроскопический, но да, шанс. Парень – достойный кандидат. Спенсер подошёл ближе и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Хорошо. Вы хотели шанс? Я дам его вам. Я сам отправлюсь в прошлое, чтобы возродить славу Барстера!

– Как... как, вы? Вы же не... не подготовлены? – испуганно воскликнул Разумовский.

– Мне достаточно этого, – Спенсер поднял руку, показывая надетый на палец перстень

с крупным голубым сапфиром.

Я сразу узнал сокровище, о котором не раз упоминалось в школьных учебниках. Этот перстень считался символом власти и передавался от Главы к Главе. По легенде, основатель Барстера купил его за гроши у фермера, случайно нашедшего драгоценность в лесу. Перстень хранил тайну, разгадка которой принесла первому Главе несметные богатства. Именно они и помогли создать нашу Корпорацию.

Писк таймера на мониторе Зилана усилился – начался отсчёт последней минуты мира. Цифры в безудержном вихре сменяли друг друга. Кровь в висках бешено пульсировала. Я посмотрел в немигающие глаза Спенсера. Он повернулся к сопровождающим и произнёс:

– Освободите моё кресло.

– Не-ет!!! – послышался крик Разумовского. – Не ты! Только не ты! Ты всё испортишь!

Учёный выхватил пистолет у стоящего рядом солдата и, стреляя на ходу, рванулся ко мне. Спенсер рухнул как подкошенный, следом упал пытавшийся его прикрыть Перес. Философ успел сделать ещё два выстрела, прежде чем его достали пули солдат, и он тяжело повалился на пол у моих ног.

– Действуй, парень... – прошептал он и последним усилием нажал кнопку запуска кресла.

Аппарат вновь загудел. Я услышал облегчённый вздох умирающего Зилана. Таймер Армагеддона остановился, закончив отсчет, и... Земля содрогнулась. Нас сильно потрянуло. С полок и столов посыпались приборы, книги, какие-то склянки. Пол у двери треснул, и солдаты с воплями исчезли в образовавшемся проломе.

Кто-то коснулся моей руки: это Разумовский надевал мне на палец перстень власти.

– Вперёд, – улыбнулся учёный, и очередной толчок отбросил его в сторону.

По стенам и потолку пробежали глубокие трещины, засыпая всё камнями и пылью. Кресло сорвалось с креплений и вместе с обломками здания закружилось в бешеном вихре. Внезапно всё потемнело, воздух вокруг превратился в вязкую, тягучую субстанцию, образовав крутящуюся воронку. Сквозь неё я ещё видел, как танец смерти погибающей Земли уничтожал всё, что было дорого, но уже чувствовал, как меня засасывает в жерло мясорубки временного смерча. Тело вопило, обращаясь к завладевшим им чудовищным силам. Жуткий холод и непроницаемый мрак окружили меня. Секунда – и моё сознание померкло, то ли навсегда, то ли до начала жизни в новом, неизведанном мире.

Больше книг на сайте — Knigolub.net